

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКИХ НАУКАХ ON THE QUESTION OF THE PROBLEMS OF TRANSLATION AND THE USE OF POLITICAL AND LEGAL TERMINOLOGY IN LEGAL SCIENCES

ГАМАЛЕЙ Артем Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (ДФ филиал).
680000, Россия, г. Хабаровск, Восточное шоссе 49.
E-mail: a.a.gamaley@mail.ru;

GAMALEI Artyom Alexandrovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State
Lebedev Russian State University of Justice (DF branch).
49 Vostochnoye Highway, Khabarovsk, 680000, Russia.
E-mail: a.a.gamaley@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается проблема качественного перевода иностранных терминов и их использование в юридических науках, для более качественного представления о тех государственных явлениях, которые имеют место быть в иностранных государствах. Автор статьи предлагает свое решение в минимизации данных проблем.

Abstract: The article examines the problem of high-quality translation of foreign terms and their use in the legal sciences, for a better understanding of those state phenomena that take place in foreign countries. The author of the article offers his solution in minimizing these problems.

Ключевые слова: перевод, транслитерация, транскрипция, переводной термин, иностранные термины.

Key words: translation, transliteration, transcription, translated term, foreign terms.

Для цитирования: Гамалей А.А. К вопросу о проблемах перевода и использования политико-правовой терминологии в юридических науках // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 25-27. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_25.

For citation: Gamaley A.A. On the question of the problems of translation and the use of political and legal terminology in legal sciences // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 25-27. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_25.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025

Материалом научных исследований в значительной мере служит международная информация, что полностью относится и к правовой науке, которая изучает не только историко-правовые явления, но и порождающую их социально-политическую реальность. На международной арене постоянно возникают новые явления, для обозначения которых в русском языке зачастую нет готовых терминов, и тогда встает вопрос о необходимости перевода соответствующих терминов с других языков [1]. Процесс этот протекает непрерывно. Очевидно, что переводные термины подлежат действию общих требований к терминологии: информативность, однозначность, точность, а также экспрессивная нейтральность. Конечно, полное соответствие указанным требованиям представляет собой идеал; в действительности же термины не столь уж редко многозначны, имеют синонимы, и не всегда в достаточной мере точны. Что же касается экспрессивной нейтральности, то в сфере политики, а отчасти и права, вряд ли можно безусловно согласиться с утверждением А.А. Реформатского, который считает, что термин принципиально лежит вне экспрессии, так как экспрессия предполагает выбор хотя бы дихроматический, по формуле «хорошо – плохо» [2]. Одновременно исследователь И.С. Квитко рассматривает экспрессивную нейтральность термина как существенную особенность [3].

В исследуемой сфере переводной терминологии подчас как раз и встречается экспрессивная окрашенность, которая помогает читателю должным образом оценить обозначенное термином юридическое явление.

Иностранные термины часто представляют собой некие реалии, поскольку в русском языке они могут не иметь эквивалентов, так как, возможно, эти явления в нашей жизни отсутствуют. Естественно, что перевод подобного термина равносителен изобретению нового термина, отражающего новое явление или иное его понимание, ведь любой переводимый термин должен стать частью уже имеющейся системы терминов, описывающих общественную жизнь иностранного государства. В этом и заключается актуальность заявленной темы.

Естественно, что при переводе терминов необходимо ориентироваться в системе уже существующей русской терминологии и равным образом в системе соответствующей терминологии исходного языка, относящейся к определенной стране. Только тогда перевод будет компетентным. К сожалению, в политико-правовой области переводная терминология достаточно часто страдает различного рода дефектами – например, переводимые термины, впервые вводимые в научный оборот, особенно когда это осуществляют средства массовой информации или, еще хуже, интернет-сайты, обычно воспроизводятся без критической оценки их научной обоснованности, но, многократно повторяясь в интернет-пространстве, они становятся традиционными не только в употреблении, но и в научных статьях, несмотря на имеющиеся недостатки.

Остановимся на отдельных встречающихся недостатках переводных политико-правовых терминов. Первое – это синонимичность, когда одинаковые или аналогичные понятия и явления обозначаются разными терминами, чаще всего это возникает в силу применения разных методов передачи иностранных слов. Так, одни используют метод перевода с учетом передачи средствами русского языка содержания и формы, то есть национального колорита той реалии, которую переводят. Другие идут более простым путем, транскрибируя либо просто транслитерируя иностранный термин. Например, в большинстве стран высшим законодательным органом является парламент, имеющий две палаты, которые в

своем названии содержат слово «собрание», но в английском варианте оно звучит как *assembly*, а в испанском *asamblea*. В результате в научной литературе для обозначения палаты парламента используют термины «ассамблея» или «собрание». Так, после появления в Португалии парламента в 1974 г. в советской печати конкурировали термины «ассамблея республики» и «собрание республики», но постепенно в научной литературе утвердился второй вариант, а при конкурировании подобных понятий в Республике Мозамбик утвердился первый.

В результате при изучении дисциплины «История государства и права зарубежных стран» складывается парадоксальная ситуация – в каждой стране палаты законодательного органа власти называются по-разному, что, естественно, не соответствует действительности. Их названия часто идентичны, но при переводе и использовании терминов по какой-то причине тот или иной термин получает большую популярность среди аналогичных.

Также применения транскрипции (транслитерации) при переводе может привести к нелепостям. Например, в одной из бывших стран Европы существовал орган, носящий название «Општи сабор», русские переводчики перевели это название как «общий сабор». Парадокс заключался в том, что из двух слов было переведено лишь одно, а второе осталось лишь простым воспроизведением сербо-хорватского слова. То есть замены «сабор» на «собор» не произошло. Возможно, у переводчиков слово «собор» имело исключительно культовое значение и они не подразумевали «земских соборов» русского государства.

Таким образом, оба метода перевода не лишены своих трудностей. Однако, если проводить их сравнение, выбор между переводом или транскрипцией падает на перевод, продолжая традиции, складывающиеся в России еще с XVIII века. Ведь очевидно, что новый термин лучше понятен русскому человеку, когда в нем используются знакомые слова. Например, термин «бундесрат» часто вызывает не просто непонимание его сути, но и «смех», но ведь если вместо него использовать термин «федеральный совет», исследователь сразу поймет, что имеется ввиду федеративный орган. Это, на наш взгляд, является явным преимуществом перевода перед транслитерацией.

Особенно удобно использовать метод перевода в странах, где официально установлено несколько языков. Например, обращаясь к материалу по истории государства и права, мы обнаруживаем, что представительный орган в Югославии носил название с сербского «скупщина», а с македонского – «собрание»; в русском же варианте, характеризуя государственные органы данной страны, мы упоминаем термин «скупщина», что не есть абсолютно верно, ведь можно было просто использовать термин «собрание» и исключать разночтения.

Естественно, когда мы выступаем в пользу перевода терминов, это не означает, что имеется ввиду подбор эквивалентов, состоящих исключительно из исконно русских слов. При переводе, безусловно, могут употребляться и слова, заимствованные из других языков, но «обрусевшие», органично вошедшие в состав русского языка. Например, для таких терминов, как испанский «*administración del Estado*», или немецкий «*Staatsverwaltung*» наиболее точным русским эквивалентом был бы термин «государственная администрация», а в литературе чаще встречается термин «государственное управление», которое наряду с данным значением имеет еще и другие.

Проблема перевода особо явно проявляется при транскрипции названий политических партий, поскольку единой системы до сих пор нет. Так, в Великобритании есть лейбористская партия, в Бразилии – трабалистская, а в Нидерландах – партия труда. Все эти партии, носящие разные названия, имеют схожие взгляды на внутреннюю и внешнюю политику страны, а данные названия никак не разъясняют читателям их сущность. Может, было бы логичнее как-то единообразно обозначить все эти партии. Объяснение читателю того термина, который будет введен в оборот, будет означать данное явление, а транскрипционный перевод зачастую приводит читателей в некое удивление. Безусловно, некоторые исследователи могут возразить, что есть случаи, когда перевод стилистически затруднен, и только транскрипция может быть использована, и доля истины в этом присутствует, именно поэтому при переводе иностранных терминов используются два метода.

В защиту метода транскрипции укажем, что иногда возникают и случаи, когда шкала синонимов в иностранном языке шире, чем в русском. Например, слово «республика» в русском языке не имеет синонимов, в то время как в иностранных, например, в польском языке, они присутствуют.

Кроме проблемы использования перевода или транскрипции при ведении в научный оборот иностранных терминов, существует проблема так называемых ошибочных переводов. Причина появления подобного заключается в существовании внешнего сходства переводимых терминов с русскими при серьезных различиях по существу, в некоторых источниках это называется «ложные друзья переводчика». Например, это имеет место быть при сходстве в различных языках понятий «народ» и «нация», отсюда в советский период отдельные органы власти в странах Европы назывались «Национальное собрание» или «Народное собрание», причем в ряде документов различие имело место быть. Так, например, в «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. встречается слово «нация», а в Декларации 1791 г. – «народ», что является более широким термином. Однако при переводе названий отдельных органов разница между «национальным собранием» и «народным собранием» при переводе может отсутствовать. Приведем такой пример трудный для перевода случай, когда на территории Польши в период гитлеровской оккупации систему национальных советов возглавлял орган «*Krajowa rada narodowy*», а при транскрипционном переводе это название звучало как «Крайова рада народов». Но проблема в том, что слово «крайова» не имеет русской кальки: прилагательного «страновой» в русском языке нет. В результате появился неудачный термин «Национальный совет страны», но употребление слова «страна» в данном случае также является неуместным даже стилистически.

Еще одна проблема перевода заключается в том, что при переводе текстов с других славянских языков возникает вопрос о допустимости воспроизведения в русском тексте терминов, которые совпадают с русскими словами по форме, но не совпадают или не полностью совпадают по их значению. В этом вопросе также у переводчиков нет единого мнения. Например, термин «*veče*» повсеместно переводиться как «вече», несмотря на то, что в русском языке понятие «вече» имеет совсем иное значение, чем представленный выше термин. Подобное происходит

со словом болгарского термина «kraj», который проще переводится как «край», но по своему внутреннему содержанию этот термин подразумевает под собой то, что у нас принято называть «область».

Поэтому представляется, что в качестве общего правила целесообразнее было бы прибегать к использованию русских слов, совпадающих с иностранными, придавая им специфическое значение переводного термина, что в ряде случаев безусловно делается. Это облегчает восприятие иностранной терминологии и позволяет сохранить ее национальный колорит. Естественно, что при этом необходимо, чтобы новое значение, приобретаемое русским словом, не противоречило другим значениям. Отметим, что подобный подход облегчает сохранение единообразия в переводе, осуществляемом разными переводчиками, что в отношении правовой терминологии особенно важно, поскольку, как показывают материалы учебников по «Истории государства и права зарубежных стран» [4], правовые явления в каждой стране образуют свою стройную систему.

Поэтому при переводе необходимо всесторонне учитывать систему связей термина на исходном языке и требуется при выборе одного из возможных русских эквивалентов в полной мере принимать во внимание исторический контекст. Так, если на исходном языке употреблен термин старинного происхождения, вряд ли правильно переводить его на русский язык новообразованием. Например, в немецком языке при обозначении территориального деления используется слово «kreis», это старый термин буквально означает «круг». Естественно, что по умолчанию напрашивается термин «округ», но его использовать нельзя, это более крупная территориальная единица, поэтому выбор переводчиков встал между словами «уезд» и «район».

Особую проблему в рассматриваемой сфере составляет перевод аббревиатур. В русском языке аббревиатура чаще всего образуется из начальных букв русского перевода комплексного термина, в других – посредством транслитерации иностранной аббревиатуры. Разнобой существует и при переводе однопорядковых аббревиатур, относящихся к одной и той же стране. Например, аббревиатура названий специализированных учреждений при ООН: «Всемирная организация здравоохранения» – «ВОЗ» (хотя эта аббревиатура звучит как слово «воз»), а «Продовольственная и сельскохозяйственная организация» – «ФАО» (от английского названия «Food and agricultural organization»). Хотя возможно, что подобного рода аббревиатуры целесообразнее организовывать из русских слов, составляющий переводной термин, так как это будет более понятнее.

Изложенная информация подтверждает, что перевод иностранной политико-правовой терминологии нуждается в упорядочении, в применении единых принципов, что позволило бы избежать существующего разнобоя либо хотя бы значительно его уменьшить. Естественно, что это необходимо в интересах дальнейшего развития общественных наук, особенно принимая во внимание все большее использование интернет-ресурсов и искусственного интеллекта, который сам способен моделировать отдельные термины. В интересах большей доступности и переработки научной информации, как той, что существовала в процессе исторического развития отдельных государств, так и присутствующую на современном этапе, для широкой научной общественности полагаем целесообразным, учитывая особенности перевода различных терминов, в качестве главного метода принять перевод кальку. И лишь в качестве дополнительных – транскрипцию или транслитерацию иностранного термина, чтобы придавать качественное терминологическое значение общелитературной единице.

Список литературы:

1. Гамзатов М.Г. Национально-культурный компонент в юридическом переводе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 3 (272). С. 161-182.
2. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
3. Квитко И.С. Термин в научном документе. Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1976. 137 с.
4. Мухаев Р.Т. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 948 с.

References:

1. Gamzatov M.G. National-cultural component in legal translation // Bulletin of higher educational institutions. Jurisprudence. 2007. No. 3 (272). P. 161-182.
2. Reformatzky A.A. Introduction to linguistics. Moscow: Aspect Press, 1996. 536 p.
3. Kvitko I.S. Term in a scientific document. Lviv: Izd-v Lviv University, 1976. 137 p.
4. Mukhaev R.T. History of state and law of foreign countries: textbook for universities. 4th ed., rev. and supplement. Moscow: Yurait Publ., 2025. 948 p.

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PERSONAL DATA IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

ГРИЦАЙ Сергей Сергеевич,

аспирант ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».

107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49.

E-mail: ser_gritsay@mail.ru;

GRITSAI Sergey Sergeevich,

postgraduate student Russian State University of Social Technologies.

107150, Losinostrovskaya str., 49, Moscow, Russia.

E-mail: ser_gritsay@mail.ru

Краткая аннотация: Вопрос о защите частной жизни и личной информации, сегодня остро стоящий в эпоху цифровых технологий, имеет свои корни в более ранних исторических периодах. В дореволюционной России, хотя и не существовало формализованного института персональных данных в современном понимании, прослеживаются элементы, предвосхищающие его появление. В представленной статье прослежены зачатки появления и становления прообраза института персональных данных – сбор информации о государственных служащих в дореволюционной России, приводится характеристика конкретных документов, принятых на данном этапе развития нормотворчества. Эти ранние формы, безусловно, отличались от современных, но именно они заложили основу для последующего развития нормативной базы и формирования представлений о необходимости учета и контроля сведений о лицах, находящихся на службе государству.

Abstract: The issue of protecting privacy and personal information, which is currently acute in the digital age, has its roots in earlier historical periods. In pre-revolutionary Russia, although there was no formalized institution of personal data in the modern sense, there are elements that anticipate its appearance. The presented article traces the beginnings of the emergence and formation of the prototype of the institute of personal data – the collection of information about government officials in pre-revolutionary Russia, provides a description of specific documents adopted at this stage of the development of rulemaking. These early forms certainly differed from modern ones, but they laid the foundation for the subsequent development of the regulatory framework and the formation of ideas about the need to take into account and control information about persons in the service of the state.

Ключевые слова: формуляры, персональные данные, государственные служащие, указ, имперская Россия.

Key words: forms, personal data, government employees, decree, imperial Russia.

Для цитирования: Грицай С.С. Появление и развитие института персональных данных в дореволюционной России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 28-30. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_28.

For citation: Gritsay S.S. The emergence and development of the institute of personal data in pre-revolutionary Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 28-30. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_28.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Исследование о появлении и развитии института персональных данных следует начать с дореволюционного этапа, который характеризовался отсутствием единой, всеобъемлющей системы учета и обработки информации о гражданах, но при этом уже содержал элементы, которые в дальнейшем сформировали представление о необходимости защиты частной жизни, что выступило прообразом института персональных данных.

В эпоху Российской империи сбор и хранение информации о населении осуществлялся разрозненно, в различных ведомствах и учреждениях, таких как церкви (метрические книги), военные ведомства (учет военнообязанных), полицейские органы (учет проживающих и перемещающихся лиц), а также земства (статистические данные о населении и хозяйстве).

Потребность в сборе и дальнейшем использовании личной информации о государственных служащих диктовалась задачами управления обширной империей, требующей четкого учета кадров, их квалификации, благонадежности и лояльности. Первые зачатки системного подхода к ведению личных дел можно проследить в документах, регламентирующих поступление на службу и продвижение по карьерной лестнице. В них фиксировались основные биографические данные, сведения об образовании, семейном положении, а также информация о наградах и взысканиях.

С развитием бюрократического аппарата росла и потребность в более детальной информации о чиновниках. Вводились обязательные формуляры (Указ Правительствующего сената «О присылке в Сенат из всех присутствующих мест послужных списков чиновников через каждые полгода по приложенной форме» 1764 года [4]), анкеты и послужные списки, которые регулярно обновлялись и позволяли отслеживать карьерный рост, перемещения по службе и изменение социального статуса. Эти документы служили не только для кадрового учета, но и для оценки эффективности работы чиновников, а также для выявления потенциальных нарушений и злоупотреблений. Особое внимание уделялось информации о финансовом положении служащих, наличии у них собственности и связях с иностранными государствами.

Указ Сената от 31 октября 1771 года «О присылке из всех присутственных мест списков о служащих и неслужащих дворянах, по прилагаемой форме» [7] стал важным этапом в систематизации учета дворянского сословия в Российской империи. Этот документ, изданный в период правления Екатерины II, отражал стремление к более четкому определению прав и обязанностей дворянства, а также к упорядочению военной и гражданской службы. Необходимость в таком указе возникла из-за ряда факторов, включая расширение территории империи, увеличение численности дворянского сословия и усложнение системы управления.

Предшествующие указу события создали предпосылки для его появления. Реформы Петра I, направленные на европеизацию России, существенно изменили положение дворянства. Служба государству стала обязательной, а продвижение по службе зависело от личных заслуг.

Однако со временем, особенно после указа Петра III «О вольности дворянства» 1762 года, дворяне получили право не служить, что породило разнородность в их положении и обязанностях. Часть дворян активно участвовала в государственной жизни, другие же предпочитали заниматься хозяйством в своих поместьях.

Указ от 31 октября 1771 года был призван решить проблему неоднородности и обеспечить централизованный учет дворян. Он обязывал все присутственные места, то есть органы государственной власти на местах, предоставлять в Сенат списки служащих и неслужащих дворян. К указу прилагалась специальная форма, которая определяла перечень сведений, подлежащих указанию в списках. Это позволяло унифицировать информацию и облегчить ее обработку.

Значение указа заключалось не только в сборе статистических данных. Он служил инструментом для контроля за выполнением дворянами своих обязанностей перед государством. Списки служащих позволяли отслеживать продвижение по службе, награды и заслуги, а списки неслужащих - контролировать их участие в жизни общества и уплату налогов. Кроме того, указ способствовал укреплению позиций центральной власти, так как позволял ей получать актуальную информацию о дворянском сословии непосредственно из регионов.

Практическая реализация указа, столкнулась с определенными трудностями. Сбор информации требовал времени и ресурсов, а в некоторых регионах могло ощущаться сопротивление со стороны дворян, не желавших раскрывать информацию о себе. Однако в целом указ способствовал повышению эффективности государственного управления и укреплению социальной структуры Российской империи. Он стал важным звеном в процессе формирования дворянства как привилегированного сословия, чьи права и обязанности были четко определены законом.

Некоторые уточнения в действовавшую в гражданском ведомстве с 1771г. форму послужного списка внес сенатский указ от 31 марта 1788 г. [6] Этот указ, в частности, предписывал вносить в послужные списки сведения о награждении орденами, чинами, знаками отличия и прочими «высочайшими милостями». Кроме того, требовалось указывать, получал ли чиновник от казны денежные награды, земли или крестьян, и если да, то какие именно и за какие заслуги.

Таким образом, послужной список постепенно превращался в подробный документ, отражающий не только продвижение чиновника по служебной лестнице, но и его заслуги перед государством и монархом. Эта детализация позволяла вышестоящим чиновникам более объективно оценивать вклад каждого служащего и принимать обоснованные решения о его дальнейшем продвижении.

Существенные изменения в формуляр послужного списка внес сенатский указ от 15 марта 1798 г. [5] Этот указ предписывал вносить в послужной список сведения о происхождении чиновника, его возрасте, вероисповедании, семейном положении (с указанием возраста детей, если таковые имелись), имущественном состоянии и образовании. Примечательно, что до этого момента подобные сведения, хотя и могли присутствовать в послужных списках, не являлись обязательными и носили скорее эпизодический характер. Указ же 1798 года превратил их в неотъемлемую часть формуляра, что позволяло более полно оценивать личность чиновника и его пригодность к занимаемой должности.

Это нововведение отражало усиление бюрократического контроля и стремление к унификации документации в государственной службе. Теперь, при назначении на должность или продвижении по службе, чиновники должны были представлять подробные сведения о себе, подтвержденные документально. Это усложняло процесс поступления на службу для лиц, не имевших дворянского происхождения или необходимого образования, и укрепляло позиции привилегированных сословий в аппарате управления. Кроме того, указ способствовал формированию более четкой системы учета и контроля над кадрами, что было особенно важно в условиях расширения государства и усложнения его управленческих функций.

Влияние этого указа прослеживается на протяжении всего XIX века, формируя стандарты документирования личных данных чиновников и оказывая воздействие на развитие российской бюрократии. Сведения, внесенные в послужной список согласно указу 1798 года, становились ключевыми при принятии решений о продвижении по службе, награждении и даже увольнении чиновника. Таким образом, послужной список превратился не просто в формальный документ, а в своеобразное досье (персональные данные), отражающее всю карьеру чиновника и его соответствие требованиям государственной службы.

Именным указом от 23 декабря 1815 г. [3] предписывалось вносить в формулярный список сведения обо всех получаемых чиновником наградах: денежных подарках, пенсиях, арендах и землях [2]. Эта мера, казалось бы, небольшая и сугубо формальная, на самом деле знаменовала собой важный шаг в систематизации государственной службы и установлении более четкой картины благосостояния чиновничества. Теперь, благодаря подобному учету, можно было не только проследить карьерный рост служащего, но и оценить реальный масштаб его вознаграждений за те или иные заслуги.

Введение подобной отчетности имело несколько важных последствий. Во-первых, оно способствовало большей прозрачности в системе государственных наград. Ранее, информация о денежных выплатах и земельных владениях часто оставалась разрозненной и труднодоступной, что создавало возможности для злоупотреблений и сокрытия доходов. Теперь же, все эти данные были сведены в единый документ, что значительно облегчало контроль за финансовым положением чиновников. Во-вторых, указ 1815 года создавал прецедент для более детального анализа эффективности системы поощрений. Анализируя сведения, содержащиеся в формулярных списках, можно было понять, какие виды наград наиболее мотивируют служащих, а какие - остаются малоэффективными. Это, в свою очередь, позволяло оптимизировать систему стимулирования и направлять государственные средства на наиболее перспективные направления.

Важным дополнением в формулярный список стало расширение третьей графы, содержащей сведения о владении крепостными, введенное сенатским указом от 13 июля 1827 г. [9] Это нововведение явилось отражением усиления государственного контроля над крепостным населением и стремлением к более полному учету помещичьих владений. Теперь чиновник, заполнявший формуляр, должен был указывать не

только общее количество принадлежащих ему крепостных душ, но и детальную информацию об их половозрастном составе, местоположении.

Введение этой дополнительной графы в формулярный список не обошлось без трудностей. Сбор и обработка детальной информации о крепостных требовали значительных усилий от чиновников, особенно в отдаленных губерниях. Нередко сведения предоставлялись с задержками или были неполными и неточными. Тем не менее, несмотря на эти проблемы, расширение третьей графы формулярного списка явилось важным шагом в развитии системы учета и контроля над крепостным населением в Российской империи.

Окончательное оформление формулярного списка как основного документа о службе гражданских лиц относится к середине XIX в. Указом Сената от 16 июля 1849 г. [8] утверждалась новая форма послужного списка. Формуляр 1849 г., сохраняя в главнейших чертах преемственность начальной формы, включал показатели, содержащие более полную, чем прежде, персональную информацию о лицах, занятых в различных сферах гражданского управления [2].

Появление столь унифицированного и всеобъемлющего документа свидетельствовало о зрелости бюрократической системы, стремящейся к максимальной стандартизации учета и контроля за служащими. В формуляре фиксировались не только служебные перемещения и достижения, но и сведения о происхождении, образовании, семейном положении, имуществе и даже вероисповедании чиновника. Это позволяло создать достаточно полную картину о человеке, претендующем на государственную службу или уже состоящем в ней. Подобная детализация, с одной стороны, облегчала процесс отбора и назначения кадров, а с другой – способствовала формированию определенного контроля над личной жизнью служащего, его лояльностью и благонадежностью.

В имперской России личные сведения о государевых служащих в виде формулярных списков собирались на протяжении многих десятилетий, вплоть до революции 1917 года [1]. Формуляр, утвержденный в 1849 г., представлявший собой целостную документную систему, без каких-либо значительных изменений просуществовал в имперской России до 1917 г.

На основании изложенного, следует сделать вывод о том, что сбор и обработка информации о государевых служащих в дореволюционной России осуществлялись в рамках административного процесса и не регулировались специальным законодательством о защите персональных данных. Однако, сам факт существования и использования таких документов свидетельствует о том, что государство уже осознавало необходимость учета и контроля сведений о лицах, находящихся на службе. Это, в свою очередь, заложило основу для дальнейшего развития института персональных данных, который в современном мире играет все более важную роль. Изучение этих ранних форм сбора и обработки информации позволяет лучше понять генезис и эволюцию современных представлений о защите персональных данных и их роли в функционировании государства и общества.

Список литературы:

1. Захарова В.Д. История становления и развития института персональных данных работников в России // Форум молодых ученых. 2023. № 3(79). С. 40-45.
2. Иванов В.А. Из истории документирования персональных данных государственных служащих в имперской России // Власть. 2012. №1. С. 151-153.
3. Указ Именной от 25 декабря 1815 года № 26041 п. 7 «О исопределении никого из чиновников в два или три должности; о неприхождении столовых денег вдвойне, а квартирных тем чиновникам, кои пользуются казенными квартирами; о показании при предоставлении к наградам, что оными чиновниками во время службы получено и о внесении также в формулярные списки всех полученных наград» // Полное собрание законов Российской Империи (1649-1825). Том 33 (1815-1816). С. 415.
4. Указ Правительствующего сената от 31 января 1764 г. № 12030 «О присылке в Сенат из всех присутствующих мест послужных списков чиновников через каждые полгода по приложенной форме» // Полное собрание законов Российской Империи (1649-1825). Том 16 (1762-1764). С. 510.
5. Указ Сенатский от 15 марта 1798 года № 18440 «О пресылке в Герольдию ежегодно к 1 Октября послужных списков о классных чиновниках» // Полное собрание законов Российской Империи (1649-1825). Том 25 (1798-1799). С. 163.
6. Указ Сенатский от 31 марта 1788 года № 16641 «О доставлении из всех присутственных мест в Герольдию ежегодно в августе месяце формулярных списков о всех чинах, состоящих в классах, и о приложении оных при каждом представлении к определению в должности и к награждению чинами» // Полное собрание законов Российской Империи (1649-1825). Том 22 (1784-1788). С. 1063.
7. Указ Сенатский от 31 октября 1771 г. № 13690 «О присылке из всех Присутственных мест списков о служащих и неслужащих дворян по прилагаемой форме» // Полное собрание законов Российской Империи (1649-1825). Том 19 (1770-1774). С. 359.
8. Указ Сенатский по Высочайшему повелению от 16 июля 1849 г. № 23401 «О форме послужного списка для гражданских лиц» // Полное собрание законов Российской Империи (1825-1881). Том 24 (1849). Часть 1. С. 548.
9. Указ Сенатский с прописанием Именного от 13 июля 1827 года № 1240 «Об означении в формулярных списках гражданских Чиновников, подобно как у военных, недвижимого имущества, родового и приобретенного» // Полное собрание законов Российской Империи (1825-1881). Том 2 (1827). С. 605.

References:

1. Zakharova V.D. The history of the formation and development of the Institute of personal data of employees in Russia // Forum of Young Scientists. 2023. No. 3(79). pp. 40-45.
2. Ivanov V.A. From the history of documenting personal data of civil servants in Imperial Russia // Vlast. 2012. No. 1. pp. 151-153.
3. Personal Decree of December 25, 1815, No. 26041, item 7 "On the appointment of none of the officials to two or three positions; on the non-receipt of double hundred dollars, and apartment money to those officials who use rented apartments; on the testimony at the time of awarding that these officials received during their service and on the introduction of also included in the formulary lists of all awards received" // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1649-1825). Volume 33 (1815-1816). p. 415.
4. Decree of the Governing Senate of January 31, 1764, No. 12030 "On sending service records of officials to the Senate from all present places every six months according to the attached form" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1649-1825). Volume 16 (1762-1764). P. 510.
5. Decree of the Senate of March 15, 1798, No. 18440 "On sending to the Herald annually by October 1 service records of class officials" // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1649-1825). Volume 25 (1798-1799). p. 163.
6. Senate Decree No. 16641 of March 31, 1788 "On the delivery from all offices to the Herald annually in August of form lists of all ranks in classes, and on their attachment at each presentation to the appointment and award of ranks" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1649-1825). Volume 22 (1784-1788). p. 1063.
7. Senate Decree No. 13690 of October 31, 1771 "On sending lists of serving and non-serving nobles from all Government Offices in the prescribed form" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1649-1825). Volume 19 (1770-1774). p. 359.
8. Senate Decree No. 23401 dated July 16, 1849 "On the form of service record for civilians" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1825-1881). Volume 24 (1849). Part 1. P. 548.
9. Senate Decree No. 1240 of July 13, 1827, with a Nominal Designation, "On the designation of immovable property, ancestral and acquired in the Formulary lists of civil Officials, such as those of the military" // Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1825-1881). Volume 2 (1827). p. 605.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ LEGAL ASPECTS OF STATE SUPPORT FOR SUBJECTS AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF KRASNODAR REGION

ДАШИН Алексей Викторович,

доктор юридических наук, профессор кафедры
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет».
350044, Россия, г. Краснодар, ул. имени Калинина, 13.
E-mail: avdashin@mail.ru;

КУДРЯВЦЕВА Лариса Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет».
350044, Россия, г. Краснодар, ул. имени Калинина, 13.
E-mail: Larisa-k75@mail.ru;

DASHIN Alexey Viktorovich,

Doctor of Law, Professor of the Department FSBEI HE Kuban SAU.
13 Kalinin St., Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: avdashin@mail.ru;

KUDRYAVTSEVA Larisa Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department FSBEI HE Kuban SAU.
13 Kalinin St., Krasnodar, 350044, Russia.
E-mail: Larisa-k75@mail.ru

Краткая аннотация. В рамках данной статьи рассмотрены основные правовые инструменты государственной поддержки агропромышленного комплекса в Краснодарском крае. Автором был отмечен факт существенных изменений в этой сфере в 2024 году, а именно: объединение «компенсирующей» и «стимулирующей» субсидий в «единую». Также выделены основные направления господдержки в Краснодарском крае. Была выявлена проблема существенной сложности механизма получения грантов малыми сельскохозяйственными предприятиями, в связи с чем автором предложено создание на территории Краснодарского края специальных сельскохозяйственных центров, оказывающих консультационные услуги таким субъектам.

Abstract. Within the framework of this article, the main legal instruments of state support for the agro-industrial complex in the Krasnodar Territory are considered. The author noted the fact of significant changes in this area in 2024, namely: the unification of "compensating" and "stimulating" subsidies into a "single" one. The main directions of state support in the Krasnodar Territory are also highlighted. The problem of the significant complexity of the mechanism for obtaining grants by small agricultural enterprises was identified, in connection with which the author proposed the creation of special agricultural centers in the Krasnodar Territory that provide consulting services to such entities.

Ключевые слова: госпрограмма; субсидия; агропромышленный комплекс; единая субсидия; агробизнес; государственная поддержка; грант; малые сельскохозяйственные предприятия.

Keywords: state program; subsidy; agro-industrial complex; single subsidy; agribusiness; state support; grant; small agricultural enterprises.

Для цитирования: Дашин А.В., Кудрявцева Л.В. Правовые аспекты государственной поддержки субъектов агропромышленного комплекса Краснодарского края // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 31-33. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_31.

For citation: Dashin A. V., Kudryavtseva L. V. Legal aspects of state support for subjects agro-industrial complex of Krasnodar region // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 31-33. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_31.

Статья поступила в редакцию: 22.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

На сегодняшний день большая роль в развитии российского агробизнеса, в том числе и на территории Краснодарского края, отводится государственным программам и субсидиям, которые позволяют внедрять на производство не только новейшие технологии, но также и обеспечивать экологичность деятельности сельскохозяйственных предприятий, повышать их конкурентоспособность. Такая государственная поддержка применительно к агропромышленному комплексу (далее – АПК) Краснодарского края имеет множество правовых аспектов, которые регулируют отношения между государством и субъектами данной отрасли. Одна из основных форм поддержки – это предоставление субсидий и субсидированных займов для развития аграрного сектора.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, государственная поддержка АПК осуществляется с целью стимулирования развития данной отрасли. Краснодарский край, как один из ведущих сельскохозяйственных регионов России, активно использует инструменты государственной поддержки для развития своего аграрного сектора. В настоящее время на Кубани действуют различные государственные программы, которые предлагают грантовую поддержку сельскохозяйственным товаропроизводителям. В качестве таковых представляются «Агросортартап» - продвинутая программа, направленная на развитие нововведений в сфере АПК, «Малый сад»-помогает садоводам получить финансовую поддержку на развитие сельхозугодий. Кроме того, такая программа как «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», которая была не раз озвучена Президентом РФ в своем послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года, включает в себя ряд направлений по поддержке аграрного сектора.

Одним из основных правовых инструментов государственной поддержки АПК являются законы и нормативные акты, которые регулируют предоставление субсидий, в частности: федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» [1]; закон Краснодарского края «О развитии сельского хозяйства в Краснодарском крае» [2] и др.

Под субсидиями в данном случае понимается финансовая помощь, предоставляемая государством субъектам АПК на различные нуж-

ды. Типы субсидий могут включать в себя компенсацию расходов на приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования, поддержку кредитования, субсидирование страховых премий и многое другое.

Как известно, с 2014 года в Краснодарском крае была введена Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [3]. Основные цели программы включают в себя увеличение производства сельскохозяйственной продукции, рост ее качества и диверсификацию ассортимента, развитие сырьевой базы, модернизацию и техническое перевооружение аграрного сектора. Одним из приоритетных направлений программы является развитие сельского туризма и агротуризма. Создание аграрных парков, фермерских хозяйств, организация экскурсий и мероприятий на сельскохозяйственные предприятия поможет укрепить позиции аграрного сектора, повысить его привлекательность для инвесторов и туристов, создать новые рабочие места и диверсифицировать доходы сельских жителей. В рамках нового национального проекта по развитию туризма, в частности агротуризма, будет введено разрешение на строительство необходимых домиков для туристов. Однако на данный момент существует запрет на использование земель сельскохозяйственного назначения для таковых целей. Но есть возможность расширить перечень видов разрешенного использования, в который можно включить строительство на советующих землях зданий для размещения агротуристов. На данный момент разрешение на строительство жилого дома на землях сельскохозяйственного назначения возможно только при соблюдении ряда требований: только единичное строение, не более трех этажей, площадью не более 5 соток, и целая площадь застройки не должна превышать 0,25% от общей площади участка. В основном данным разрешением пользуются члены КФХ, так как в деятельности по производству или переработке они осуществляют, в большинстве случаев, членами семьи. Однако данную идею поддержали не все регионы, поэтому нужно рассматривать этот вопрос относительно каждого субъекта отдельно. В целом, идея о продвижении агротуризма просматривается и в национальных программах поддержки малого и среднего бизнеса. В качестве такового выступает грант «Агротуризм», который с каждым годом набирает популярность и увеличивает объем финансирования.

Важным изменением в данной отрасли в 2024 году стало появление на основании Постановления Правительства РФ от 02.12.2023 № 2065 «единой субсидии», которая объединила в себе две разновидности ранее действующих субсидий: компенсирующую и стимулирующую [4]. В состав единой субсидии включены 12 приоритетных направлений господдержки. Из них 5 будут действовать для всех регионов, а из 7 оставшихся направлений каждый регион может определить 3 направления, которые будут субсидироваться. В Краснодарском крае в 2024 году «единая субсидия» будет направлена на [5]: закладку и уход за многолетними насаждениями, включая питомники; поддержку производства молока по ставке на 1 килограмм реализованного молока; поддержку глубокой переработки зерна по ставке на 1 тонну переработанного зерна.

Однако, для получения поддержки, субъекты АПК должны отвечать определенным критериям, установленным законодательством [6]:

- во-первых, они должны быть зарегистрированы в установленном порядке как сельскохозяйственные предприятия или предприниматели.
- во-вторых, они должны выполнять требования, связанные с качеством производимой сельскохозяйственной продукции, ее безопасностью, а также охраной окружающей среды.

- в-третьих, такие субъекты должны обеспечивать социально-экономическую эффективность своей деятельности.

С целью контроля за правильным использованием полученных субсидий, государство устанавливает специальные требования и процедуры отчетности со стороны субъектов АПК. Они должны регулярно предоставлять отчеты о получении и использовании субсидий, а также о результатах своей деятельности. В случае выявления нарушений или неправильного использования субсидий, государство имеет право отказать в дальнейшей поддержке или потребовать возмещения уже полученных субсидий.

Во всех субъектах Российской Федерации успешно реализуются региональные программы поддержки отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей. В рамках многих программ предусмотрен комплекс мер по повышению производительности труда, привлечению высоко квалифицируемых работников; повышению эффективности производственных систем; увеличению производственной и инновационной активности; развитию механизмов трансфера технологий; развитию цифровизации; повышению заинтересованности молодого поколения в сфере селекции. В качестве примера введения цифровизации может служить Федеральная государственная информационная система прослеживаемости зерна и продуктов его переработки ФГИС «Зерно» создана для осуществления контроля рынка оборота зерна и борьбы с его нелегальным оборотом. Система автоматизирует сбор данных, консолидирует показатели урожайности и хранения, анализирует перемещение и реализацию продукции. Для данной системы были разработаны стандарты. Которые не только создают идентичные формы закрепления той или иной деятельности для сельскохозяйственных товаропроизводителей, но и во много упрощают поиск необходимой информации.

Предполагается, что собранная информация в системе будет доступна всем ее участникам. И на основе данных можно будет проследить весь «путь» зерна от производителя до конечного потребителя. Кроме этого, система позволит дать оценку всей зерноперерабатывающей отрасли и скорректировать объемы государственной поддержки сельхозпроизводителей.

Так как агропромышленный комплекс является на данный момент основным рычагом, который способствует развитию нашей страны, необходимость автоматизации и цифровизации данной отрасли полностью оправдана.

Важно отметить, что на территории Краснодарского края хоть и происходит активная государственная поддержка малых сельскохозяйственных предприятий, но она не является достаточно эффективной в силу ограниченности кадровых ресурсов и правовых познаний таких предприятий для соблюдения всех условий получения данной поддержки. Например, предприниматель должен в достаточно сжатые сроки собрать все необходимые документы для получения гранта, разработать бизнес-проект. Однако он не владеет всеми тонкостями такой бюрократической и бухгалтерской работы, при этом в условиях недостаточного количества сотрудников вынужден самостоятельно участвовать в тяжелом сельском труде. Таким образом, для малых субъектов АПК Краснодарского края грантовая поддержка является недоступной из-за сложного ме-

ханизма ее получения [7].

В 2024 г. выявилась острая нехватка кадров. Для восполнения такого ресурса предприятия вынуждены обращаться к студентам и предлагать удобные для них условия по сбору урожая. Ввиду сложившейся ситуации на рынке труда, предлагаем внести в Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. №20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» следующие изменения и дополнения: 1) в Доктрине о продовольственной безопасности РФ, главе 2 национальные интересы в сфере продовольственной безопасности:

а) после позиции: пп. м), п.7 подготовка специалистов по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования для сельского хозяйства, рыбного хозяйства, а также пищевой и перерабатывающей промышленности.

б) позицию: пп. н), п.7 определение правовой и финансовой поддержки отечественным сельскохозяйственным товаропроизводителям, предоставление налоговых льгот и субсидий для малого бизнеса аграрного сектора.

Сегодня на территории Краснодарского края действует ряд фондов поддержки субъектов малого предпринимательства [8] (далее – Фонды), каждый из которых оказывает информационно-консультационные услуги предпринимателям в сфере своей деятельности. Такими Фондами являются: Фонд развития промышленности; Фонд микрофинансирования; Фонд развития бизнеса. Однако сфера АПК обладает определенной спецификой правового регулирования, в том числе и в части вопросов получения государственной поддержки, в связи с чем требует от специалиста, оказывающего консультации, глубоких познаний в данной отрасли. На наш взгляд, для решения обозначенной выше проблемы необходимо учредить специальные сельскохозяйственные центры на базе таких Фондов, которые будут оказывать консультационную поддержку и помощь в заполнении всей необходимой документации, а также информировать малых сельскохозяйственных предпринимателей о новых технологиях, которые возможно внедрить в производственных процесс на грантовые деньги. Таким образом, работа данных Центров будет направлена исключительно на сельскохозяйственную сферу, активное изучение инноваций, предлагаемых российским и зарубежным рынками, а также постоянное изучение изменений в правовом регулировании сферы АПК, включая различные формы государственной поддержки. Такая специализация внутри Фондов позволит повысить качество предоставляемых услуг, а также увеличит скорость внедрения в производство малых сельскохозяйственных предприятий новых технологий.

Вопросы, касающиеся информирования сельскохозяйственных товаропроизводителей малого и среднего бизнеса о возможности получения тех или иных привилегий, льгот, субсидий или грантов необходимо передать тем организациям, которые на данный момент активно сотрудничают с ними. В качестве таковых могут выступать многофункциональные центры. Аналогично уведомлению о наличии задолженности, по уплате налогов, могут выступать уведомления о наличии права на получение финансовой или правовой поддержки для лиц сферы АПК. При регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, юридического лица или главы крестьянско-фермерского хозяйства, регистрирующий орган может выдавать соответствующую информацию о наличии возможности получения гранта (к примеру, по программе «Агростартап») на развитие новации в аграрном секторе.

В заключении необходимо отметить, что правовые аспекты государственной поддержки субъектов АПК Краснодарского края регулируются федеральным и региональным законодательством и включают в себя предоставление субсидий на различные нужды аграрного сектора, контроль за их правильным использованием и тщательную отчетность со стороны субъектов. Это обеспечивает развитие АПК и способствует достижению его стратегических целей [9]. В ходе проведенного исследования была выявлена проблема существенной усложненности механизма получения грантов малыми сельскохозяйственными предприятиями, в связи с чем мы предлагаем учредить на базе Фондов поддержки субъектов малого предпринимательства Краснодарского края специальные сельскохозяйственные центры, которые будут оказывать консультационные услуги таким субъектам, что позволит повысить качество предоставляемых услуг, а также увеличит скорость внедрения в производство малых сельскохозяйственных предприятий новых технологий. Также данная мера обозначит особую значимость сферы АПК для Краснодарского края.

Список литературы:

1. развитии сельского хозяйства: федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 1 (1 ч.), ст. 27.
2. О развитии сельского хозяйства в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 28 января 2009 г. № 1690-КЗ // Кубанские новости. – 2009. – № 17.
3. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 № 717 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 2 декабря 2023 г. № 2065 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Господдержка субъектов агропромышленного комплекса [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Краснодарского края. Режим доступа: URL: <https://msh.krasnodar.ru/activity/gospodderzhka/gospodderzhka-subektov-agropromyshlennogo-kompleksa> (дата обращения 21.03.2024).
6. Кудрявцева Л. В. Правовой статус сельскохозяйственных товаропроизводителей: учебное пособие / Л. В. Кудрявцева. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2020. – С. 24.
7. Петровская А. В. Гарантийная поддержка субъектов малого предпринимательства // Современное развитие России в условиях новой цифровой экономики: материалы II Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Диапазон-В, 2018. – С. 84.
8. О развитии малого и среднего предпринимательства в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 4 апреля 2008 г. № 1448-КЗ // Кубанские новости. № 64. 2008.
9. Оборин М. С. Инструменты государственной поддержки агробизнеса в современных условиях // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. – 2021. – Т. 7, № 2(26). – С. 169.

References:

1. On the development of agriculture: feder. The law of December 29, 2006, No. 264-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2007. No. 1 (p. 1), art. 27.
2. On the development of agriculture in the Krasnodar Territory: The Law of the Krasnodar Territory dated January 28, 2009, No. 1690-KZ // Kuban News. – 2009. – № 17.
3. On the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food Markets: Decree of the Government of the Russian Federation No. 717 dated July 14, 2012 // Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".
4. On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated December 2, 2023 No. 2065 // Access from the help.-legal system "ConsultantPlus".
5. State support of subjects of the agro-industrial complex [Electronic resource] // Official website of the Ministry of Agriculture and Processing Industry of the Krasnodar Territory. Access mode: URL: <https://msh.krasnodar.ru/activity/gospodderzhka/gospodderzhka-subektov-agropromyshlennogo-kompleksa> (accessed 03/21/2024).
6. Kudryavtseva L. V. The legal status of agricultural producers: a textbook / L. V. Kudryavtseva. Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, 2020. pp. 24.
7. Petrovskaya A.V. Guarantee support for small businesses // Modern development of Russia in the context of the new digital economy: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Krasnodar: Range-V, 2018, p. 84.
8. On the development of small and medium-sized businesses in the Krasnodar Territory: The Law of the Krasnodar Territory dated April 4, 2008 No. 1448-KZ // Kuban News. No. 64, 2008.
9. Oborin M. S. Tools of state support for agribusiness in modern conditions // Bulletin of the Mari State University. Series: Agricultural Sciences. Economic sciences. – 2021. – Vol. 7, No. 2(26). – p. 169.

НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗДОРОВЬЕ В ГОДЫ СССР THE REGULATORY BASIS FOR ENSURING THE RIGHT TO HEALTH DURING THE USSR

ГРИГОРЯН Грануш Андраниковна,
аспирантка кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, 350040, Россия.
E-mail: epifanova_elen@mail.ru;

Научный руководитель:

ЕПИФАНОВА Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, 350040, Россия.
E-mail: epifanova_elen@mail.ru;

GRIGORYAN Granush Andranikovna,
postgraduate student Department of Theory and History of State and Law department
of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Kuban State University».
Stavropol St., 149, Krasnodar, 350040, Russia.
E-mail: epifanova_elen@mail.ru;

Supervisor:

EPIFANOVA Elena Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Kuban State University».
Stavropol St., 149, Krasnodar, 350040, Russia.
E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье анализируется эволюцию права на охрану здоровья в России с момента его признания в 1948 году и до настоящего времени. В период до революции 1917 года право было ограничено государственными интересами, а после революции вся система здравоохранения перешла под контроль государства. С 1936 года была введена бесплатная медицина, а Конституция 1977 года гарантировала бесплатную и квалифицированную медицинскую помощь. С 1991 года начался переход к рыночной экономике, что привело к созданию системы медицинского страхования. Федеральный закон № 323 от 2011 года регулирует охрану здоровья граждан. Современная система здравоохранения обеспечивает права граждан, но существуют пробелы в законодательстве, что вызывает судебную неопределенность. Несмотря на усилия советского государства, современная Россия сталкивается с глобальными эпидемиями, сокращением продолжительности жизни и ростом социальных проблем, что подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования системы здравоохранения.

Abstract: This article analyzes the evolution of the right to health care in Russia from its recognition in 1948 to the present day. In the period before the 1917 revolution, the right was limited by state interests, and after the revolution, the entire health care system came under state control. Since 1936, free medicine was introduced, and the 1977 Constitution guaranteed free and qualified medical care. Since 1991, the transition to a market economy began, which led to the creation of a health insurance system. Federal Law No. 323 of 2011 regulates the protection of citizens' health. The modern health care system ensures the rights of citizens, but there are gaps in the legislation, which causes judicial uncertainty. Despite the efforts of the Soviet state, modern Russia is faced with global epidemics, a decrease in life expectancy and an increase in social problems, which emphasizes the need for further improvement of the health care system.

Ключевые слова: Право на охрану здоровья, эволюция права, государственное здравоохранение, бесплатная медицина, медицинское страхование, судебная неопределенность, система здравоохранения, продолжительность жизни, социальные проблемы, совершенствование системы здравоохранения.

Key words: Right to health care, evolution of law, public health care, free medicine, health insurance, judicial uncertainty, health care system, life expectancy, social problems, improvement of the health care system.

Для цитирования: Григорян Г.А. Нормативная основа обеспечения права на здоровье в годы СССР // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 34-37. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_34.

For citation: Grigoryan G.A. The regulatory basis for ensuring the right to health during the USSR // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 34-37. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_34.

Статья поступила в редакцию: 29.01.2025
Дата публикации: 30.05.2025

19 апреля 1991 года был принят Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», который закреплял в себе положения о правах и обязанностях предприятий, организаций и граждан, требования по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в виде планировки и застройки населенных пунктов с предусмотрением наиболее благоприятных условий жизни, закупке продукции продовольственного сырья зарубежом, норм водоснабжения, атмосферного воздуха, жилых помещений, условий воспитания и обучения, работы медицинских организаций и привлечения к ответственности за нарушения норм указанного Закона.

В эти годы в система, отвечающая за санитарно-эпидемиологическое благополучие населения имела трудности: недостаток денежных средств, отставание в техническом оборудовании и обеспечением лекарственных средств, низкая заработная плата врачей, дефицит медицинских учреждений и их несвоевременная реконструкция.

Современный этап развития российского законодательства в области охраны здоровья и санитарно-эпидемиологического благополучия граждан переживает изменения. Здравоохранение получает от государства устойчивую материальную базу, заметно повышается уровень техниче-

ского оснащения медицинских учреждений, на прилавках аптек увеличивается количество лекарственных средств и их аналогов, появляются специалисты в наиболее узких областях медицины, проводятся исследования для выявления новых заболеваний и способов борьбы с ними.

С 90-х годов заметно увеличилась нормативная база законодательства, в силу вступили множество нормативно-правовых актов, которые регулируют законодательство в области охраны здоровья граждан. Например, на смену ранее принятому Закону РСФСР от 19 апреля 1991 г. № 1034-1 был принят Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

Учитывая принятие Конституции РФ и иных федеральных законов, а также изменения в стране, которые коснулись всех сфер общественной жизни, Закон РСФСР вступил в противоречие с новыми нормативно-правовыми актами, что стало причиной проблем практики регулирования сферы санитарно-эпидемиологического благополучия населения. В связи с чем был издан иной Федеральный закон, который распространяет свое действие на территории Российской Федерации и в нынешнее время.

Его основной целью является обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, поскольку благополучие населения является одним из основных условий, которое обеспечивает реализацию конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду и охрану здоровья¹.

Конституция РФ провозгласила Россию правовым, социальным государством, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а государство гарантирует охрану и защиту основных прав, определяет некоторые рамки социального благополучия населения. Одним из важнейших прав граждан России признано право на охрану здоровья и медицинскую помощь, которое зафиксировано в ст. 41 Конституции РФ.

Оно рассматривается как неотъемлемое, принадлежащее каждому человеку от рождения, и его реализация приобретает особое значение в условиях современных социально-экономических реалий Российской Федерации. Законодательство, обеспечивающее реализацию указанного социального права граждан, именуют законодательством о здравоохранении. Буквально слово «здравоохранение» трактуется как «охрана здоровья населения, предупреждение и лечение болезней, поддержание общественной гигиены и санитарии». Еще в первой половине прошлого века видный ученый, профессор Н. И. Гуревич писал: «Врачебные контингенты, не инструктированные в юридических нормах своей профессии во время прохождения академического курса, когда становятся лицом к лицу с многообразием и сложностью практической деятельности врача, не могут не испытывать серьезных затруднений и нередко тягостных переживаний».

История здравоохранительного законодательства в России насчитывает не одну сотню лет. Ученые едины во мнении, что регулирование медицинской деятельности в России можно разделить на пять этапов: регламентация врачевания (X–XVII вв.), законодательное регулирование медицины при Петре I, правовая регламентация медицинской помощи с середины XVIII века до 1917 года, законодательная база здравоохранения советского времени и современный период².

В 1990-е г.г. в стране происходят политические изменения, претерпела серьезные трудности и система здравоохранения, которая перешла от централизованной системы управления к децентрализованной. Появились рыночные отношения в сфере медицинских товаров и услуг, автономно действующие региональные системы здравоохранения. В 1991 г. принят Закон РФ от 28.06.1991 № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации». Дальнейшим шагом правового регулирования в сфере здравоохранения в России становится принятие Закона РФ от 22.12.1992 N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», Федерального закона РФ от 09.06.93 № 5142-1 «О донорстве крови и ее компонентов», постановлением ВС РФ от 22 июля 1993 г. № 5489-1 введены в действие Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. Роль минимального социального стандарта отводится Программе государственных гарантий обеспечения населения бесплатной медицинской помощью, которая принимается Правительством РФ и финансируется за счет бюджетов всех уровней и средств обязательного медицинского страхования. Разработанная программа - это обязательства, которые может взять на себя государство по определению объема бесплатной помощи в определенный период времени и определяет виды и объемы медицинской помощи, предоставляемой населению на бесплатной основе.

Задачами ПГГ являются: создание единого правового и экономического регулирования для реализации конституционных прав граждан на получение гарантированной (бесплатной) медицинской помощи; создание единой системы планирования и финансирования медицинской помощи; обеспечение баланса между обязательствами государства по предоставлению населению бесплатной медицинской помощи и выделяемых на эти цели ресурсов.

Первая редакция Программы была принята 11 сентября 1998 г., затем в 1999 г. - 26 октября, в 2000 г. - 29 ноября, в 2001 г. - 24 июля, в 2004 г. - 26 ноября, в 2005 г. - 28 июня с дополнениями от 30 декабря. Мы видим разброс по срокам принятия Программы. В указанные периоды она не всегда могла быть учтена субъектами Российской Федерации при формировании бюджета и скорее Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» № 2 (11) Т.3 применялись ими как «методические рекомендации».

При формировании на местах руководствовались медико-экономическими показателями предыдущего года. С 1998г. программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи (за исключением медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации) ежегодно утверждается Постановлением Правительства Российской Федерации.

На основе Федеральной программы, которая разрабатывается совместно Министерством здравоохранения Российской Федерации и

¹ Артеева Ю. В. Становление и развитие санитарно-эпидемиологического законодательства России // Вестник магистратуры, № 11-4 (134), 2022. - С. 90-93.

² Караваева Е.И. Законодательство Российской Федерации о здравоохранении (История, современное состояние, тенденции развития) / Сибирский юридический вестник № 2, 2004. - С. 24-28.

Федеральным фондом ОМС, разрабатываются и региональные программы, содержание и стоимость которых не могут быть ниже федерального уровня. Это позволяет обеспечить всем гражданам равные возможности при получении медицинской помощи. Однако требовалось более углубленное исследование вопросов правового регулирования охраны здоровья граждан, отражающих как современное развитие системы охраны здоровья граждан в РФ, так и практическую значимость, современные гарантии и механизмы защиты этого права, а также анализ принципов их реализации.

В сфере здравоохранения и охраны здоровья список полнился следующими законами: ФЗ РФ от 23.02.95 № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах»; ФЗ РФ от 30.03.95 № 38-ФЗ «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» (в редакции Федерального закона от 12.08.96 № 112-ФЗ, от 09.01.97 № 8-ФЗ); ФЗ РФ от 05.07.96 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (в редакции Федерального закона от 12.07.2000 № 96-ФЗ), Федеральный закон Российской Федерации от 08.01.98 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», Федеральный закон Российской Федерации от 22.06.98 № 86-ФЗ «О лекарственных средствах» (в редакции Федерального закона от 02.01.2000 № 5-ФЗ), ФЗ от 24.07.98 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изменениями от 20 июля 2000 г.), ФЗ РФ от 17.09.98 № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»; ФЗ РФ от 30.03.99 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и др.¹

Нормативная база, касающаяся обеспечения права на здоровье начинает разрабатываться в первые годы Советской власти. Так, В.И. Ленин подписывает следующие декреты – «О восьмичасовом рабочем дне» от 29 октября 1917 года, «О страховании на случай болезни» от 22 декабря 1917 года, «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом» от 15 ноября 1921 года и др. 7 августа 1918 года принимается Постановление Совета Народных Комиссаров «О порядке применения Положений о страховании на случай безработицы и болезни». Политика Советского государства в области здравоохранения.

Политика Советского государства в области здравоохранения была сформулирована во 2-й Программе РКП(б), принятой на 8-м съезде в 1919.

В числе первоочередных задач предусматривались оздоровление населённых мест, охрана почвы, воды, воздуха, развитие общественного питания на научно-гигиенической основе, создание санитарного законодательства, обеспечение населения общедоступной бесплатной квалифицированной медицинской помощью и т. д. За годы 1-й пятилетки (1929—32) затраты на здравоохранение и физическую культуру выросли по сравнению с 1913 почти в 4 раза. Численность врачей к 1940 году увеличилась почти в 6 раз, средних медицинских Работников — более чем в 10 раз, коечный фонд — в 3,8 раза.

Вопросы обеспечения права на здоровье естественно нашли свое отражение и в Конституции СССР. Так, Конституция Союза Советских Социалистических Республик 1936 года в статье 120 закрепила право на обеспечение бесплатной медицинской помощью трудящимся, а также предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов. Базовые принципы здравоохранения нашли также свое отражение в Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой на 22-м съезде КПСС в 1961 году⁵⁴. 14 января 1960 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР».

Данное постановление предусматривало следующие мероприятия:

- а) направлять капитальные вложения, выделяемые на развитие здравоохранения, главным образом на строительство больниц, поликлиник, родильных домов с тем, чтобы улучшить, прежде всего, госпитализацию больных туберкулезом, раком, психических больных, а также рожениц и детей раннего возраста;
- б) значительно расширить пропускную способность поликлинических учреждений в городах путем развития сети поликлинических отделений больниц, а также поликлиник и здравпунктов при крупных промышленных предприятиях и повысить качество поликлинического обслуживания населения;
- в) оснастить лечебно-профилактические учреждения современным медицинским оборудованием, аппаратурой и инструментами, расширив диагностические лаборатории, рентгеновские, физиотерапевтические, процедурные и другие кабинеты, особенно в поликлиниках;
- г) значительно расширить сеть аптек и улучшить снабжение населения медикаментами и предметами санитарии и гигиены;
- д) улучшить обеспечение лечебно-профилактических учреждений и станций скорой и неотложной помощи необходимым санитарным и грузовым транспортом;
- е) направлять средства, выделяемые на строительство больниц, поликлиник, родильных домов, в первую очередь на укрупнение существующих больничных учреждений, а также на строительство как в городах, так и в сельской местности преимущественно крупных больниц;
- ж) создавать в городах и промышленных центрах больницы преимущественно на 300 - 400 коек, а в крупных городах 600 и больше, как более экономичные в строительстве и эксплуатации, с тем чтобы обеспечить оказание разносторонней квалифицированной медицинской помощи населению;
- з) осуществить укрупнение сельских районных больниц, доведя число коек в них до 100 – 200 и более, оснастив современным медицинским оборудованием и укомплектовав их врачами по всем основным специальностям (терапия, хирургия, педиатрия, акушерство и гинеколо-

¹ Полякова О.В. Правовые основы общественных отношений по охране здоровья граждан в России: становление и особенности государственного регулирования сферы здравоохранения на современном этапе / Вестник науки, № 2 (11), 2019. - С. 48-57.

гия, стоматология и др.), а также обеспечить укрепление санитарно-эпидемиологических отделов этих больниц.

05 июля 1968 было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране». Постановление предусматривало существенное расширение учреждений здравоохранения, обеспечение населения более качественной медицинской помощью и др. так, например, данным документом предписывалось Советам Министров союзных республик по согласованию с Госпланом СССР и Министерством здравоохранения СССР обеспечить строительство и ввод в эксплуатацию в 1971 – 1975 годах наряду с другими объектами здравоохранения не менее 31 крупной клинической больницы (с поликлиниками) на 1000 и более коек каждая, 22 онкологических диспансеров на 450 и более коек с пансионатами на 120 и более мест каждый, 17 больниц скорой медицинской помощи (с центрами реанимации) на 600 – 1000 и более коек каждая, 19 больниц восстановительного лечения (с поликлиниками) для взрослых на 520 и более коек каждая и 9 таких больниц для детей на 360 и более коек каждая и не менее 125 психиатрических больниц на 500 и более коек каждая, а также крупных санитарно-эпидемиологических станций, заводов и мастерских по ремонту медицинской техники и необходимых складских помещений.

Существенным аспектом в развитии советского законодательства стало принятие Закона СССР от 19.12.1969 № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении». В нем было закреплено, что охрана здоровья народа – одна из важнейших задач Советского государства. Социалистический общественный строй обеспечивает постоянный рост материального благосостояния и культуры народа, улучшение условий труда, быта и отдыха. В СССР осуществляется широкая система социально-экономических и медицинских мероприятий, способствующих повышению уровня охраны здоровья населения, а также общедоступная бесплатная и квалифицированная медицинская помощь, расширяются оздоровительные и санитарные меры, всестороннее развитие получают массовая физическая культура и спорт. Особое внимание социалистическим обществом уделяется охране здоровья матери и ребенка.¹

Список литературы:

1. Артеева Ю. В. Становление и развитие санитарно-эпидемиологического законодательства России // Вестник магистратуры, № 11-4 (134), 2022.
2. Караваева Е. И. Законодательство Российской Федерации о здравоохранении (История, современное состояние, тенденции развития) / Сибирский юридический вестник № 2, 2004.
3. Каримов Р.Р. Нормативная основа обеспечения права на здоровье в России после революции 1917 года / Экономика и социум, № 12 (43), 2017.
4. Полякова О. В. Правовые основы общественных отношений по охране здоровья граждан в России: становление и особенности государственного регулирования сферы здравоохранения на современном этапе / Вестник науки, № 2 (11), 2019.

References:

1. Artyeva Yu. V. Formation and development of sanitary and epidemiological legislation of Russia // Bulletin of the Magistracy, No. 11-4 (134), 2022.
2. Karavaeva E. I. Legislation of the Russian Federation on healthcare (History, current state, development trends) / Siberian Law Bulletin No. 2, 2004.
3. Karimov R. R. Normative basis for ensuring the right to health in Russia after the 1917 revolution / Economy and Society, No. 12 (43), 2017.
4. Polyakova O. V. Legal basis for public relations on the protection of citizens' health in Russia: formation and features of state regulation of healthcare at the present stage / Bulletin of Science, No. 2 (11), 2019.

¹ Каримов Р.Р. Нормативная основа обеспечения права на здоровье в России после революции 1917 года / Экономика и социум, № 12 (43), 2017. – С. 516-522.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ ЧАСТНОЙ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРАТКИЙ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ LEGAL RESPONSIBILITY OF PRIVATE ENTITIES SECURITY ACTIVITIES: A BRIEF THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

СУХОРУКОВ Роман Викторович,

преподаватель кафедры

ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».

ул. Советской Армии, 141, г. Самара, 443090, Россия.

E-mail: makarov_roman63@mail.ru;

SUKHORUKOV Roman Viktorovich,

lecturer of the department Samara State University of Economics.

141 Sovetskaya Armii St., Samara, 443090, Russia.

E-mail: makarov_roman63@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится анализ положений отечественной правовой доктрины и законодательной базы по вопросам реализации юридической ответственности в отношении субъектов частной охранной деятельности в Российской Федерации за совершение ими правонарушений (бездействия) в ходе исполнения служебных обязанностей. Исследуются мнения отечественных авторов и практикующих специалистов, представлен краткий теоретико-правовой анализ по заявленной теме исследования. Теоретическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования в ходе дальнейших научных разработок по вопросам совершенствования правового регулирования частной охранной деятельности.

Abstract: The article analyzes the provisions of the Russian legal doctrine and the legislative framework on the implementation of legal responsibility in relation to subjects of private security activities in the Russian Federation for their commission of unlawful acts (inaction) during the performance of official duties. The opinions of domestic authors and practitioners are examined, and a brief theoretical and legal analysis on the stated research topic is presented. The theoretical significance of the results obtained lies in the possibility of their use in the course of further scientific research on improving the legal regulation of private security activities.

Ключевые слова: частная охранная деятельность, охранная деятельность, частный охранник, правовое регулирование, юридическая ответственность, уголовная ответственность, административная ответственность, гражданско-правовая ответственность.

Keywords: private security activity, security activity, private security guard, legal regulation, legal liability, criminal liability, administrative liability, civil liability.

Для цитирования: Сухоруков Р.В. Юридическая ответственность субъектов частной охранной деятельности: краткий теоретико-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 38-40. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_38.

For citation: Sukhorukov R.V. Legal responsibility of private entities security activities: a brief theoretical and legal analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 38-40. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_38.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Из анализа положений правовой доктрины и законодательных источников следует, что для субъектов частной охранной деятельности характерны следующие виды юридической ответственности [1]:

- административная;
- уголовная;
- гражданско-правовая.

Рассмотрим каждый из выше представленных видов юридической ответственности, применительно к сфере реализации частной охранной деятельности, более подробно.

Ключевыми особенностями реализации гражданско-правовой ответственности является то, что ее практическая реализация имеет место быть в отношениях, которые возникают между субъектами частной охранной деятельности и иными лицами, которые выступали заказчиками соответствующих охранных услуг. Как правило, возникновение гражданско-правовой ответственности в исследуемой сфере, непосредственно связано с несогласием стороны заказчика с качеством оказываемых охранных услуг, выраженным в неисполнении или неполном исполнении обязательств, предусмотренных договором об оказании охранных услуг.

К сожалению, в положениях законодательных источников, на сегодняшний день отсутствуют конкретные нормативно-правовые предписания, которые призваны регулировать процесс реализации гражданско-правовой ответственности, применительно к сфере частной охранной деятельности [2]. В связи с чем, реализация гражданско-правовой ответственности по отношению к субъектам частной охранной деятельности осуществляется посредством применения общих положений гражданского законодательства. В частности, подлежат применению нормы, определяющие порядок и основания прекращения, изменения, заключения и пролонгации договора об оказании охранных услуг. Отдельный пласт составляют нормативные предписания, устанавливающие основания и порядок возмещения внедоговорного вреда и пр.

Говоря об административной ответственности, отметим, что применение норм административного законодательства при осуществлении частной охранной деятельности имеет место быть в случаях совершения деяния, являющегося по своим атрибутивным и содержательным свойствам, административным правонарушением. Между тем, факт возникновения общественно-опасных последствий в рассматриваемом случае, как правило, не является обязательным признаком, а относится к числу факультативных, образующих квалифицированные составы правонару-

шений. Указанное обстоятельство получило свое нормативно-правовое выражение в положениях статьи 20.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3].

Несколько иным образом происходит реализация уголовной ответственности в сфере частной охранной деятельности. Объективные и субъективные признаки преступления, где в качестве субъекта преступления может выступать субъект частной охранной деятельности (со стороны исполнителя – частного охранника), описаны в положениях статьи 203 Уголовного кодекса Российской Федерации [4]. В приведенной правовой норме устанавливается уголовная ответственность частных детективов и охранников за превышение ими своих полномочий в ходе осуществления служебной деятельности. Развернутое толкование особенностей применения на практике положений данной статьи приведено в положениях постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 29.06.2021 [5].

Так, согласно пункту 1 указанного постановления для квалификации деяния как преступления, правоприменителю необходимо принимать во внимание положения отраслевого законодательства, регулирующего правоотношения в сфере частной охранной и детективной деятельности. В свою очередь, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, это позволит выяснить специфику правового регулирования исследуемой деятельности, а также установить основные права и обязанности субъектов охранной деятельности.

Отдельное внимание также акцентируется и на том, что применение положений статьи 203 Уголовного кодекса Российской Федерации допускается только в случаях, когда субъектом частной охранной и детективной деятельности (со стороны исполнителя) были совершены действия, которые по своим параметрам выходят за рамки служебных полномочий. Между тем, их совершение возможно исключительно в рамках исполнения должностных обязанностей. В случаях, когда преступление совершается вне «служебных рамок», то содеянное надлежит квалифицировать по соответствующей статье уголовного закона. В качестве примера следует привести случаи использования частными охранниками специальных средств вне рабочего времени.

Пункт 9 указанного постановления содержит в себе описание нескольких моделей неправомерного поведения частными охранниками, образующих состав преступления. Так, например, уголовная ответственность возникает в случаях, когда частные охранники в процессе исполнения ими служебных обязанностей совершают действия, которые отнесены к исключительной компетенции правоохранительных органов. Установление такого запрета вызвано исключительной монополией государства на применение мер государственного принуждения, связанных с существенным ограничением прав и свобод граждан. В этом смысле, к числу противоправных деяний можно отнести:

- получение и чтение почтовой и иной корреспонденции;
- организация и проведение негласного наблюдения;
- установка и эксплуатация средств скрытого наблюдения и пр.

Перечень полномочий, которые могут быть реализованы в ходе частной охранной деятельности декларированы положениями статей 5 и 7 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». К их числу следует относить:

- проведение устного опроса граждан;
- наведение справок;
- проведение внешнего осмотра строения (помещений) и документов, в том числе с использованием технических средств.

Результаты служебной деятельности частных охранников оформляются посредством составления служебной документации. Однако, их содержание и наличие, в своей совокупности не могут подменять процессуальные документы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [6].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что существующий законодательный подход к реализации субъектами частной охранной деятельности своих полномочий состоит в том, что, как правило, любое отступление от законодательного императива в части полномочий, влечет за собой наступление административной или уголовной ответственности в зависимости от характера содеянного. Подтверждается обозначенный тезис положениями статьи 7 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». В положениях данной нормы четко определены легальные способы и методы реализации частной детективной и охранной деятельности.

К числу основных запретов для субъектов исследуемой деятельности следует отнести [7]:

- сбор сведений, составляющих тайну личной жизни;
- совершение действий, влекущих нарушение прав и свобод человека и гражданина;
- фальсификация материалов служебной деятельности, ложное информирование о результатах деятельности;
- разглашение сведений, полученных в процессе служебной деятельности, третьим лицам;
- совершение действий, влекущих утрату имущества заказчиком услуг;
- использование методов сыска в ходе служебной деятельности и пр.

В завершении настоящего исследования отметим, что к субъектам частной охранной деятельности допускается применение основных традиционных видов юридической ответственности, среди которых: административная, гражданско-правовая и уголовная.

Дифференциация форм юридической ответственности в рассматриваемом случае обусловлена коррелирующей связью с совершенным деянием. Так, в зависимости от его атрибутивных и содержательных параметров будут применяться соответствующие правовые предписания, определяющие порядок и основания наступления юридической ответственности.

Границы правомерного поведения в исследуемой сфере весьма четко описаны в положениях отраслевого законодательства, тогда как санкции за совершение правонарушений и преступлений определены положениями административного и уголовного законодательства. Столь

жесткие рамки, заложенные отечественным законодателем в части определения границ правомерного поведения, посредством установления императивов применительно к спектру полномочий субъектов частной охранной деятельности, по мнению автора публикации, обуславливают недостаточную эффективность частной детективной и охранной деятельности на практике. Это становится вполне очевидным в результате сравнительно-правового анализа нормативно-правовой регламентации частной охранной деятельности. Так, например в государствах, подчиненных англо-саксонской правовой семье, широкий спектр полномочий характерный для профессиональных участников рынка охранных услуг, обуславливает исключительную популяризацию рассматриваемого вида деятельности, как эффективного и результативного средства защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Список литературы:

1. Смородина, Е. А. Юридическая ответственность частных детективов в Российской Федерации / Е. А. Смородина, Д. Д. Осипов // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2020. – № 1-2. – С. 636-640. – EDN SEYMIW.
2. Фомина, В. В. нужна ли частная детективная деятельность в Российской Федерации? / В. В. Фомина, Д. Д. Осипов // Российская наука: актуальные исследования и разработки : сборник научных статей IX Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 15 марта 2020 года. Том Часть 2. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2020. – С. 784-786. – EDN VWHEQH.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС Консультант Плюс.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС Консультант Плюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС Консультант Плюс.
6. Осипов, Д. Д. Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации: краткий анализ отдельных признаков субъективной стороны состава преступления / Д. Д. Осипов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11(215). – С. 52-55. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_11_52. – EDN VPGBOZ.
7. Осипов, Д. Д. К вопросу об источниках правового регулирования частной детективной и охранной деятельности / Д. Д. Осипов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12(216). – С. 85-87. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_12_85. – EDN FGMRNU.

References:

1. Smorodina, E. A. The legal responsibility of private detectives in the Russian Federation / E. A. Smorodina, D. D. Osipov // Science of the XXI century: current directions of development. – 2020. – No. 1-2. – PP. 636-640. – EDN SEYMIW.
2. Fomina, V. V. Is private detective activity necessary in the Russian Federation? / V. V. Fomina, D. D. Osipov // Russian science: current research and development : collection of scientific articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference, Samara, March 15, 2020. Volume Part 2. Samara: Samara State University of Economics, 2020. pp. 784-786. - EDN VWHEQH.
3. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 02/03/2025) (as amended and supplemented, intro. effective from 03/01/2025) // SPS Consultant Plus.
4. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 28.02.2025) // SPS Consultant Plus.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/29/2021 No. 21 "On certain issues of judicial practice in cases of crimes against the interests of service in commercial and other organizations (Articles 201, 201.1, 202, 203 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // SPS Consultant Plus.
6. Osipov, D. D. Abuse of authority by a private detective or an employee of a private security organization: a brief analysis of individual signs of the subjective side of the crime / D. D. Osipov // Law and the state: theory and practice. – 2022. – № 11(215). – Pp. 52-55. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_11_52. – EDN VPGBOZ.
7. Osipov, D. D. On the question of the sources of legal regulation of private detective and security activities / D. D. Osipov // Law and the state: theory and practice. – 2022. – № 12(216). – Pp. 85-87. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_12_85. – EDN FGMRNU.

**КВИНТЭССЕНЦИИ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОБЩИННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.
QUINTESSENCES OF ECONOMIC AND LEGAL REGULATION
OF COMMUNAL LAND USE IN THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE END OF XVIII - BEGINNING OF XIX CENTURIES**

ТРУБИН Сергей Васильевич,

доцент кафедры логистики и транспортных технологий,
Оренбургский институт путей сообщения – филиал
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Приволжский государственный университет путей сообщения», кандидат экономических наук.
460004, Россия, г. Оренбург, проспект Братьев Коростелёвых, д. 28/1-28/2.
E-mail: marta892010@mail.ru;

МЫСЛЯЕВА Наталия Степановна,

декан исторического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий,
кандидат исторических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: n.s.myslyayeva@struust.ru;

TRUBIN Sergey Vasilyevich,

Associate Professor of the Department of Logistics and Transportation Technologies,
Orenburg Institute of Railway Transport - Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Volga Region State University of Railway Transport".
28/1-28/2 Korostelev Brothers Avenue, Orenburg, 460004.
E-mail: marta892010@mail.ru;

MYSLYAEVA Natalia Stepanovna,

dean of the history department of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: n.s.myslyayeva@struust.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются особенности правового регулирования права пользования земельными наделами внутри крестьянской общины в конце XVIII – начала XIX вв. в Российской империи. Особенности формирования экономико-правового регулирования в крестьянских общинах полностью основывались на регламентации правоотношений на основании «частных указов», «кодексов» помещиков.

Abstract. The article examines the features of the legal regulation of the right to use land plots within the peasant community in the late XVIII – early XIX centuries in the Russian Empire. The specifics of the formation of economic and legal regulations in peasant communities were entirely based on the regulation of legal relationships through the use of "private decrees" and "codes" issued by landowners.

Ключевые слова: «частные» указы, право пользования, земельные правоотношения, крестьянская община, тягловые платежи, земельные угодья.

Keywords: "private" decrees, right of use, land relations, peasant community, draft payments, land.

Для цитирования: Трубин С.В., Мысляева Н.С. Квинтэссенции экономико-правового регулирования общинного землепользования в Российской империи в конце XVIII – начала XIX вв. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 41-45. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_41.

For citation: Trubin S.V., Myslyayeva N.S. Quintessences of economic and legal regulation of communal land use in the Russian Empire at the end of XVIII - beginning of XIX centuries // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 41-45. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_41.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Сегодня особое интерес проявляется к земельной частной собственности и развитию земельно-рентных отношений, поскольку эти аспекты оказывают значительную поддержку развитию конкурентоспособности аграрных предприятий, в особенности для среднего и малого бизнеса, что немаловажно для экономического развития АПК в современных экономических реалиях.

Федеральный закон № 264-ФЗ от 22.12.2006 г. (с изменениями на 26 декабря 2024 года) «О развитии сельского хозяйства» определяет правовые основы реализации государственной социально-экономической политики в аграрном секторе экономики, устанавливая современные правовые основы в соответствии с современной геополитической обстановкой. В законе отражены вопросы регулирования экономической деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, оказанию услуг в целях обеспечения населения российскими продовольственными товарами, промышленности сельскохозяйственным сырьем и содействия устойчивому развитию территорий сельских поселений и соответствующих межселенных территорий [1].

Указанные правовые акты представляют основы экономических направлений в сфере социально-экономического развития аграрной сферы государства, и продолжают проводимые аграрные преобразования, начатые в 2006 году.

Современные правовые основы предлагаются решение целого ряда актуальных проблем аграрного сектора экономики как на внутрен-

нем, так и внешнем рынках в рамках вступления России в ВТО, тем самым обеспечивая возможность повышения конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции; повышения финансовой устойчивости товаропроизводителей агропромышленного комплекса; способствуя устойчивому развитию сельских территорий, воспроизводству и повышению эффективности использования земельных и иных природных ресурсов в агропромышленном комплексе.

Проводя историческую параллель современного реформирования в аграрном секторе экономики, хотелось бы обратиться к периоду грандиозных широкомасштабных аграрных реформ – период правления Екатерины II.

«Можно провести историческую параллель современного этапа реализации государственной аграрной политики и государственной аграрной политики конца XVIII – начала XIX вв., которая может быть выражена в следующих мероприятиях: применение особых налоговых режимов в отношении государственных крестьян – крестьян осуществляющих основную сельскохозяйственную деятельность того периода; проведение закупочных интервенций и продовольствия, которые проводились, как и проводятся сегодня для стабилизации цен на рынке: политика цен на зерно, предельные уровни минимальных и максимальных цен, была всегда основной проблемой для российского государства» [3].

В этой связи особую актуальность и практическую значимость имеет исследование исторического опыта реформ аграрных отношений и развития земельной собственности в Российской империи.

Отличительной чертой аграрных реформ XVIII – начала XIX вв., являлось целенаправленное правовое воздействие на социально – экономическое развитие страны и особенно малоосвоенных, но плодородных территорий, как например Оренбургская губерния.

Россия сегодня, как и Россия в период правления Екатерины II, была преимущественно аграрным государством, и сельское хозяйство выступало и выступает одной из приоритетных отраслей государственной социально-экономической политики.

Процессы производства, распределения, обмена и потребления имели и имеют свои специфические особенности, характерные только для аграрной сферы, а действие экономических законов носит сложный характер. Такая специфика в значительной мере определялась включенностью в воспроизводственный процесс.

«Если в середине XVIII века в сельском хозяйстве было занято около 80% совокупной рабочей силы, то в конце XIX – начале XX вв. в развитых странах мира в этой отрасли трудилось уже около 40%, а примерно 35% – в промышленности. К началу XIX в. резкое сокращение численности занятых в сельском хозяйстве в развитых странах обусловлено значительным ростом производительности труда в этой отрасли, что позволяло меньшему количеству работников прокормить основную часть населения» [4].

Ни одна отрасль экономики не зависима от природно-климатических условий в такой степени, как сельское хозяйство. Это определено, в первую очередь, использованием в производстве земли как характерного, искусственно невозпроизводимого средства производства, характеризующегося плодородием, месторасположением. Земля при условии рационального использования не только не теряет своих полезных свойств и особенностей, но может улучшаться, а ее ценность – расти. Такие особенности можно было наблюдать при освоении целинных территории Оренбургской губернии, начиная с конца XIX в. и по настоящее время.

Специфический характер земли как средства труда состоял и состоит также в том, что земля одновременно выступает и предметом труда. Хотя, при проведении сравнительного ретроспективного анализа можно сказать, что в конце XIX – начале XX вв. к специфическим биологическим формам основных производственных фондов сельского хозяйства принадлежали: производительный скот, древесные, плодово-ягодные и другие культуры; своеобразными оборотными фондами являлись семена, молодняк на откорме, корма и др. Для сельского хозяйства были характерны низкие темпы оборачиваемости производственных фондов (вследствие непродолжительного сезонного использования) и высокая фондоемкость производства.

«Специфика сельскохозяйственного производства требовала значительной сезонной мобилизации сил крестьянства, поскольку посеять и собрать урожай без потерь, нужно было в очень сжатые сроки. В этой сфере существовал значительный разрыв между рабочим периодом и временем производства (получением конечного результата). Такой разрыв проявлялся в сезонности производства и существенно влиял на формирование доходов крестьянина, поскольку итоговый размер их доходов становился известен только после реализации сельскохозяйственной продукции» [4].

Таким образом, основными особенностями экономико-правового регулирования сельского хозяйства являлось: «1) тесное переплетение и взаимодействие экономических законов с природными (в том числе биологическими); 2) непосредственное взаимодействие человека с природными факторами в процессе производственной деятельности; 3) специфический характер действия экономических законов в данной сфере, что обуславливалось особенной ролью земли и других природных факторов в процессе сельскохозяйственного производства; 4) огромное разнообразие природно-климатических условий, качества и месторасположения участков земли относительно рынков сбыта сельхозпродукции; 5) наличие, наряду с общественными факторами повышения производительности труда, природных компонентов производительных сил (например, химический, механический состав грунта и биологические организмы) факторов; 6) значительный разрыв между рабочим периодом и временем получения конечного результата» [6].

«Только анализ специфических условий развития сельского хозяйства и эволюции аграрных отношений и земельных преобразований в России может дать возможность выяснить значение и необходимость в проведения аграрных реформ, степень их радикальности и спрогнозировать перспективные развития таких программ реформирования» [5].

В дореформенной России происходили процессы естественного экономического развития, зарождавшиеся в глубинах самостоятельного народно-хозяйственного механизма. Такие процессы были основаны на развитии товарно-денежных отношений.

«Товарно-денежные отношения России формировались на основе традиционных базовых ценностей православной культуры, которая и составила ядро хозяйственного быта, государственности и отечественной цивилизации» [11]. При этом натуральное хозяйство и рыночное начало не взаимно исключали друг друга, а являлись звеньями одной цепи. На этой основе в первой половине XIX века заметно увеличилась роль и совершенствование организационно-производственного уровня и форм промыслово-ремесленной деятельности, ориентированные на региональные и даже национальные рынки.

«Денежное хозяйство проникло и в крестьянскую среду, заставило крепостных земледельцев считаться с условиями рынка – это доказывается, прежде всего, ростом денежного оброка в ущерб натуральному: без товарного производства, без участия крестьян в торговле такое явление было бы невысказано. Можно наблюдать, как торговая деятельность помогает отдельным крестьянам выдвинуться из рядового крестьянства, нажить крупные капиталы и выкупиться на волю» [11]. А также и приобретать землю в пользование, т.е. выступать как субъекты рентных отношений, но уже в новом аспекте – аспекте капиталистических отношений.

Рыночные реалии, имеющие экономико-правовые гибридные признаки капиталистической и феодальной формаций, вносили в крестьянскую среду ряд моментов, трансформировавших крестьянский хозяйственный уклад.

Стержневой основой крестьянского землепользования для государственных крестьян, условно свободных крестьян, церковных, удельных крестьян являлось общинное право владения земельной собственностью.

Вопросы экономико-правового регулирования общинного землепользования рассматривали многие исследователи послефеодальной общинной собственности, и практически во всех исследованиях стоит отметить, что в конце XVIII – начала XIX вв. для каждого региона Российской империи были характерны свои специфические типы земельных общин, со своими особенностями правового регулирования земельных правоотношений, особенностей ведения хозяйства, отчетности и социальных правил.

«На Урале и в Сибири отмечались черносошные общины ведущие подворное землепользование, где наблюдается активное обращение земли как элемента правоотношений. В некоторых районах этих регионов можно было наблюдать слагание общинной земельной собственности как следствие колонизационных захватов земли у местного населения, как например, в Оренбургской губернии подобные захваты учинялись относительно земель киргиз-кайсацкого населения» [13].

На основании исследования дореволюционной историографии, в особенности в сибирских регионах наблюдается зарождение наследственных прав – наследственное владение отдельными крестьянскими семьями их пашенных участков. Точечно, крайне редко такие особенности наследственного землепользования можно будет встретить на Южном Урале, но в более поздний период.

«Как правило, большинство унаследованных земельных участков крестьянами передавались помещиками из-за пустороженности земли. Крестьянам передавались условные правомочия владения такими участками: они могли переселяться на эти участки, осваивать их, могли принимать крестьянских переселенцев, для использования их найма. Участки находились в потомственном право пользовании – подворной форме землепользования» [19].

В свою очередь, анализируя архивные материалы и историографические исследования различных авторов, стоит отметить, что в среднерусской полосе складывается передельное общинное землепользование.

Многие исследователи считают, что причиной такой формы землевладения выступают многовековые устои, когда по мере постепенной ликвидации частных форм иммунитетов государственных земельных кадастров устанавливались границы резко возмужавших поместных и вотчинных владений, с другой стороны параллельно проходил и развивался активный процесс внутреннего освоения пригодных плодородных земельных участков.

Таким образом, «формируется земельно-передельная форма общинной земельной собственности, что немаловажным факторам подобного правового института земельной собственности явилось и освоение, колонизация отдаленных от центра территорий, к которым относится и Оренбургская губерния» [9].

Ознакомимся с архивным материалом Ф3 опись 1 дело 128, лист 10 (печатается в подлиннике источника с сохранением стилистики и грамматики): «В Оренбургскую губернскую канцелярию. Из Уфимской провинциальной канцелярии. Доношение. Производимое в здешней провинциальной канцелярии начатое по челобитной князей капитана и брата его прапорщика Петра Ураковых Уфимского уезду дворцовой Богородицкой волости д. Маузинова – починка крестьян Кирилу Кочкина с товарищами в насильственном завладении ими их Ураковых земли и в засеивании оной хлебом. Дело приурочено в Оренбургской губернской канцелярии в особом конверте запечатано от 17 го апреля и отправлено» [3].

Несмотря на активное применение пообщинной формы земельного пользования, все же для XVIII века подобную форму правового регулирования земельных отношений в среде крестьянского населения назвать распространенной, господствующей и повсеместно применяемой нельзя.

В советский период исследования прав собственности на землю крестьянами, не было принято единого принципа регламентации экономико-правовых отношений в середине XVIII века – до начала XIX века.

Исследователи – аграрники уделяли огромное значение социально-экономическим процессам в позднефеодальной деревне, правовое регулирование передвигая как второстепенные аспекты землепользования, мы не согласны, что правовой аспект не оказывал генерального влияния на вопросы землепользования при общинном землевладении.

Так как отмечаются внутренние правовые факторы и признаки правового регулирования и в самой крестьянской общине – правила владения и пользования земельным наделом, его передача по наследству, правила найма работников и др.

«Помещики сами формировали специфичные «частные кодексы» и правила для крестьянской общины. Для установления причин тормозивших развитие земельных правоотношений внутри общины нужно рассмотреть в совокупности социально-экономическое и экономико-правовое устройство земельного хозяйства общины, устанавливая общественно-правовую и экономическую обусловленность, структурирование связей и характеристик правомочий и обязанностей крестьян – общинников» [7].

Из анализа архивных материалов стоит отметить, что помещики старались не вмешиваться в дела общины, их основной целью была прибыль с предоставленных во владение крестьянам земельных наделов. Помещикам не нужен был нищий и бедствующий общинник, его интересовал тягоспособный крестьянин, хозяйство которого обеспечивало несение феодальной ренты, независимо от ее видовой квалификации.

Как ранее указывалось, в частных «кодексах» помещиков, в инструкциях по ведению земельного хозяйства и/или в целом по ведению личного крестьянского хозяйства вотчинная и общинная администрация систематически регулирует не только вопросы хозяйствования, но и «справедливое» распределение податей среди дворов членов общины, избегая пауперизации отдельных, слабых общинников.

В середине XVIII века, например «князь А.М. Черкасский издавал указ внутри своего имения, запрещающий крестьянам становиться бобылями. Князь А.П. Волынский, в свою очередь запрещал крестьянам сдавать земельные наделы своей тяглой земли в наем» [15].

Некоторые помещики на Урале разрешали своим приказчикам конфисковать у «достаточных» крестьян ранее купленные ими земли не используемые для ведения крестьянского хозяйства.

В инструкциях Шереметьевых предусматривается обязательная ежегодная тяглая переверстка в целях поддержания платежеспособности всех крестьян.

«Граф М.М. Голицын в своих владениях также предписывал передавать малоземельным крестьянам необработанные земельные росчисти, при условии уплаты за приведении их в культурное состояние, полное пригодное состояние, расчистку для дальнейшего ведения крестьянского хозяйства. Требовал в своих указах общинной взаимопомощи при расширении пахотных угодий за счет лесных расчисток [12].

Стоит отметить специфичные правоустанавливающие указы в частных «кодексах» начиная со второй половины XVIII века до середины XIX века, такие как запрет на продажу и заклад пахотной и сенокосной земли внутри общины, исключение составляло только относительно тех расчищенных угодий, которые в крестьянском хозяйстве относились к излишним и не засеивались. Так же стоит отметить во многих «кодексах» предоставление самоуправления общины по регулированию техники распределения земельного распределения, пользования землей по-полосно, так и принципы тяглого обложения членов общины.

В тоже время, на основании внутриобщинного и «частного» правового регулирования для всех регионов Российской империи исследуемого периода крестьянам – общинникам запрещалось прибегать к помощи в правовом решении вопросов о земельном обеспечении к помещику, например, из материалов ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 510, лл. - об 56 – об., указ В.Г. Орлова в 1777г. село Поречье (печатается в подлиннике источника с сохранением стилистики и грамматики): «кому на каком тягле быть разбиратца между собой, а ко мне за оным отнюдь не ходить и время попросту не тратить» [19].

К концу XVIII века четко начинает прослеживаться имущественное расслоение внутри крестьянского сословия, и как следствие поддержка зажиточных крестьян своими «указами» со стороны помещика становится очевидной. На зажиточных крестьян «указами» помещики возлагали обязанности и ответственность за «исправность по оброку», по выплатам податей, таким образом, частным «указом» стараясь задержать окончательное разорение, обеднение малоимущих крестьян – общинников. В тоже время относительно малоимущих крестьян в общине устанавливались «указом» ведение хозяйственного надзора/контроля, сложение недоимок, обработка наделов, отработки, ссуды на условиях издольщиков.

Таким образом, стоит отметить, что в исследуемый период наблюдается практическое воплощение частновотчинных правовых установлений, направленных на тяговую платежеспособность крестьян, через «справедливое» земельное обеспечение, передаваемое на правовое регулирование самой общине. Тем самым община несла ответственность все обязанности по тягловым обязательствам перед помещиком, сама через внутренние органы управления общины разрешала имущественные, хозяйственные споры, возникавшие между различными, по имущественному положению, членами общины.

Позиция общины в правовом аспекте не регулировалась никакими государственными нормативами, исключительно «указами» помещика, что имело разночтение и практик применение норм права во всех крестьянских общинах по регионам Российской империи: что приводит к констатации тех фактов, что помещики стремились к идентификации своего хозяйства, основанного на зажиточных, платежеспособных общинных представителях, а внутри самой общины возникают неотрегулированными на государственном уровне земельные правоотношения: установление тягловой развёрстки, и в какой степени тяговая развёрстка соответствует общинному землепользованию.

В результате отсутствия правового регулирования вопросов землепользования общинами приводит в последствии к реструктуризации сельской общины, создаются за счет смены общиной своих помещиков, различные по размеру крестьянские общины со своими «частными» правовыми нормами.

Список литературы:

1. Адер А.В. Предпосылки аграрных отношений и развития земельной собственности в Российской империи в конце XVIII – начала XIX вв. // Аграрное и земельное право. 2024. № 10(238). С. 19-23.
2. Адер А.В. Особенности национальной политики Екатерины II при освоении земель Оренбургского края // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 15-22.
3. Дектярев И.В. К истории заселения местности по среднему течению реки Миасс // Краеведческие записки. Челябинск, 1969. Вып. 2. С. 13-14.
4. Дитятин И.И. Екатерининская комиссия 1767 г. Ростов-на-Дону, 1905. С. 66-67.

5. Дружинин Н.М. Купчие земли крепостных крестьян. Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: сборник статей. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961.
6. Законодательство Екатерины II. (сборник в 2-х томах) / Отв. ред. Чистяков О.И., Новицкая П.Е.; Исторический очерк А.А. Преображенский, с 9-45. М.: Юридическая литература, 2000. 567 с.
7. Князьков С. Как сложилось и пало крепостное право: Исторический очерк / Под ред. Кизеветтера А.А. СПб., 1900.
8. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX-XIX ст. Исторический очерк. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1910.
9. Рогозина А.В. Реформирование аграрных отношений в Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. (на материалах Оренбургской губернии): специальность 08.00.01 "Экономическая теория": дисс. ... канд. эк. наук. Оренбург, 2007. 167 с.
10. Рогозина А.В. Из истории законодательной деятельности Екатерины II по реформированию госаппарата // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2005. № 2(6). С. 130-133.
11. Рычков П.И. Ответы на экономические вопросы по Оренбургской губернии // Труды Вольного Экономического общества. СПб., 1767. Ч. VII.
12. Рычков П.И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды Вольного Экономического общества. СПб., 1767. Ч. VII.
13. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждениям Оренбургской губернии. Оренбург. 1896. 245с.
14. Ремезов Н.В. Землевладение в Уфимской губернии. Краткий исторический обзор образования, дробления и распределения в ней поземельной собственности // Записки императорского Русского географического общества. Т.6. СПб., 1889.
15. Риккардо Д. Начала политической экономики и налогового обложения: Соч. М.: Политиздат, 1955. Т. I.
16. Рогозина А.В. Особенности землепользования в условиях аграрных реформ второй половины VIII – нач. XIX вв. (на материалах Оренбургской губернии) // Вестник ОГУ. 2007. № 8. С. 24-29.
17. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. СПб., 1914.
18. Селенгмен Б. Основные течения современной экономической мысли. Пер. с англ. М., 1968.
19. Сельская община в России (XVII – нач. XIX вв.). М.: «Наука», 1976.

References:

1. Ader A.V. Prerequisites of agrarian relations and the development of land ownership in the Russian Empire in the late XVIII – early XIX centuries // Agrarian and land law. 2024. No. 10(238). pp. 19-23.
2. Ader A.V. Features of Catherine II's national policy in the development of the lands of the Orenburg Region // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. 2017. No. 3. pp. 15-22.
3. Dektyarev I.V. On the history of settlement of the area along the middle course of the Miass River // Local history notes. Chelyabinsk, 1969. Issue. 2. Pp. 13-14.
4. Dityatin I.I. The Catherine Commission of 1767, Rostov-on-Don, 1905. pp. 66-67.
5. Druzhinin N.M. The lands of the serfs. Issues of socio-economic history and source studies of the period of feudalism in Russia: collection of articles. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.
6. Legislation of Catherine II. (collection in 2 volumes) / Ed. Chistyakov O.I., Novitskaya P.E.; Historical essay by A.A. Preobrazhensky, pp. 9-45. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 2000. 567 p.
7. Knyazkov S. How serfdom developed and fell: A historical essay / Edited by Kiesewetter, A.A. St. Petersburg, 1900.
8. Kizevetter A.A. Local self-government in Russia. IX-XIX centuries. Historical essay. Moscow: Printing House of the Imperial Moscow University, 1910.
9. Rogozina A.V. The reformation of agrarian relations in the Russian Empire in the late XVIII – early XIX century. (based on the materials of the Orenburg province): specialty 08.00.01 "Economic theory": dissertation. ... Candidate of Economic Sciences. Orenburg, 2007. 167 p.
10. Rogozina A.V. From the history of Catherine II's legislative activity on reforming the state apparatus // Proceedings of the Orenburg State Agrarian University. 2005. No. 2(6). pp. 130-133.
11. Rychkov P.I. Answers to economic questions on the Orenburg province // Proceedings of the Free Economic Society. St. Petersburg, 1767. Part VII.
12. Rychkov P.I. On ways to increase agriculture in the Orenburg province // Proceedings of the Free Economic Society. St. Petersburg, 1767. Part VII.
13. Rychkov P.I. The history of Orenburg in the institutions of the Orenburg province. Orenburg. 1896. 245s.
14. Remezov N.V. Land ownership in the Ufa province. A brief historical overview of the formation, fragmentation and distribution of land ownership in it // Notes of the Imperial Russian Geographical Society. Vol.6. St. Petersburg, 1889.
15. Riccardo D. The beginnings of political economy and taxation: Soch. Moscow: Politizdat, 1955. Vol. I.
16. Rogozina A.V. Peculiarities of land use in the conditions of agrarian reforms of the second half of the VIII – early XX century. XIX centuries. (based on the materials of the Orenburg State University) // Bulletin of OSU. 2007. No. 8. pp. 24-29.
17. Collection of statistical and economic information on agriculture in Russia and foreign countries. St. Petersburg., 1914.
18. Selengmen B. The main trends of modern economic thought. Translated from English M., 1968.
19. Rural community in Russia (XVII – early XIX century). Moscow: Nauka Publ., 1976.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ: ДЕКАБРЬ 1904 ГОДА – МАРТ 1906 ГОДА LEGAL FOUNDATIONS OF STATE TRANSFORMATIONS IN RUSSIA: DECEMBER 1904 – MARCH 1906

ЧЕРКАШИНА Наталья Валерьевна,

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права,
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».

107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, дом 49.

E-mail: natasha8181@mail.ru;

РАЗУМЕЕВ Владимир Сергеевич,

аспирант, ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».

107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, дом 49.

E-mail: 9854918018@mail.ru;

SHERKASHINA Natalia Valeryevna,

Associate Professor, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law,

Russian State University of Social Technologies.

49 Losinoostrovskaya str., Moscow, 107150, Russia.

E-mail: natasha8181@mail.ru;

RAZUMEEV Vladimir Sergeevich,

graduate student, Russian State University of Social Technologies.

49 Losinoostrovskaya str., Moscow, 107150, Russia.

E-mail: 9854918018@mail.ru

Краткая аннотация. В статье охарактеризованы правовые основы государственной реформы начала XX века. Существенное внимание в статье уделено анализу содержания ключевых документов декабря 1904 по март 1906 года, связанных с реорганизацией публичной власти и управления, народным представительством во власти, реализацией гражданских прав и свобод.

Abstract. The article describes the legal foundations of the state reform of the early twentieth century. Considerable attention is paid to the analysis of the content of key documents from December 1904 to March 1906 related to the reorganization of public power and administration, people's representation in power, and the realization of civil rights and freedoms.

Ключевые слова: государственные реформы, закон, самодержавная власть, Государственная Дума, Государственный Совет, правительство, гражданские права и свободы.

Keywords: state reforms, law, autocratic government, State Duma, State Council, government, civil rights and freedoms.

Для цитирования: Черкашина Н.В., Разумеев В.С. Правовые основы государственных преобразований в России: декабрь 1904 года – март 1906 года // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 46-49. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_46.

For citation: Cherkashina N.V., Azumeev V.S. Legal foundations of state transformations in Russia: December 1904 – March 1906 // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 46-49. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_46.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Начало XX века для России характеризуется всплеском революционного движения, преобразованиями в сфере государственной власти и управления, сменой формы правления. Существует множество официальных и неопубликованных документов, авторских исследований, мемуаров. Однако по-прежнему остаются актуальными многие вопросы, в частности неоднозначно характеризуется эволюция и юридическая природа политических учреждений, оценка результатов государственных реформ этого периода.

Самый верный способ проследить ход событий и объективно оценить государственные реформы обратиться к первоисточникам – правовым актам. В данной статье мы проанализируем ключевые документы, относящиеся к периоду преобразования государственного строя России декабря 1904 года по март 1906 года. Предпримем попытку проследить ход государственных преобразований и сделать выводы, как историк и правовед С.А. Котляревский, из «простого сопоставления» правовых норм, «чуждого какой бы то ни было политической оценке» [6, С. 286], оставляя за собой право обращаться за комментариями к историкам права и юристам.

Впервые официально на государственном уровне о «назревших государственных преобразованиях» с введением в действующее законодательство «существенных нововведений» было заявлено 12 декабря 1904 года в Указе Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [3]. Для установления «правильного хода государственной жизни» первым неотложным делом признавали «сохранение полной силы закона» – важнейшей «опоры Престола» в самодержавном государстве. Чтобы «нерушимое и одинаковое для всех исполнение» его было «обязанностью всех подчиненных», а неисполнение неизбежно влекло законную ответственность [3]. Кроме обеспечения управления законностью верховная власть обещала и другие реформы: устранение сословности крестьян, повышение независимости суда, самостоятельность земского и городского самоуправления и др.

Спустя месяц был принят ряд документов декларативного характера. Именным указом 18 февраля 1905 года Совету Министров поручалось рассмотрение и обсуждение, поступающих от частных лиц и учреждений, всех предложений по вопросам об «усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния» [3, С. 18]. Как показывают исторические исследования, содержание Указа было истолковано обществом как «предоставление права на петиции» [11, С. 135]. Соответственно вырос поток обращений «на имя императора» и активизировалась «деятельность по подготовке проектов политических реформ» [11, С. 136]. Историк и правовед И.А. Малиновский указывает на 211 петиций, поступивших в течение пяти месяцев [2, С. 10]. За немногим исключением, основная мысль всех петиций и заявлений заключалась в следующем: организация народного представительства (всеобщее, равное и тайное голосование), основная функция представительства (законодательная, формирование бюджета и контроль над управлением), предоставление населению гражданских прав и свобод (не-

прикосновенность личности, свобода слова и собраний).

В этот же день «Правительственный вестник» опубликовал царский манифест с призывом к властям и населению о «содействии самодержавной власти в одолении внешнего врага», «в искоренении крамолы и в противодействии смуте» внутри страны [3]. Все государственные учреждения и ведомства призывали быть бдительными, охраняя закон, порядок и безопасность. Известный российский юрист и государствовед Н.И. Лазаревский назвал Манифест по содержанию «неопределённым», а по тону – противоречащим настроениям и ожиданиям общества [8, С. 113].

На следующий день, 19 февраля опубликован Высочайший рескрипт, данный на имя Министра внутренних дел А.Г. Булыгина [1], в котором для обсуждений путей усовершенствования государственного порядка учреждалось Особое совещание. С точки зрения историка и богослова П.С. Казанского, в Рескрипте «впервые была ясно выражена мысль о необходимости учреждения нового государственного установления» [5, С. 3], когда «достоинейшие, облеченные доверием народа» и «лучшие выборные люди» принимают участие «в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений», тем самым обеспечивая «плодотворность законодательных работ» [1, С. 22]. Принимая это новое установление, верховная власть предвидела «всю сложность и трудность» проведения таких преобразований в жизнь «при непрременном сохранении незыблемости основных законов империи» [5, С. 4], иными словами, при сохранении самодержавия. Формально принятие этого документа историки трактуют как «сигнал о готовности» государственной власти «реагировать на запросы общества» [11, С. 135]. Продолжая «царственные дела венценосных предков», император Николай II давал свои подданным надежду на возможность преобразований «сверху».

6 июня 1905 года утверждено мнение Государственного Совета «Об устранении отступлений в порядке издания законов» [3, С. 68]. Подготовленный во исполнение пункта 1 Указа 12 декабря 1904 года, документ устанавливал внешние признаки законов верховной власти, тем самым ограничивая «законодательную деятельность от распоряжений», издаваемых «в порядке верховного управления» [3]. В указе было установлено, что законы и правила, имеющие «значение закона», принимаются в порядке в соответствии с государственными законами. Все новые законы должны проходить в Правительствующем Сенате проверку на соответствие правилам. Сенат принимал решение об обнародовании закона либо возвращал по принадлежности для последующего издания в установленном порядке.

В неопубликованных материалах по учреждению Государственной думы [9] прямо говорится о сомнениях и неуверенности Совета Министров «в своевременности» и «в возможности выполнить в ближайшее время» указанную задачу, предначертанную Рескриптом 18 февраля 1905 года. При обсуждении предположений рассматривались противоположные точки зрения о путях дальнейшего развития Государственной Думы. Одни предостерегали от предоставления членам Государственной Думы широких полномочий по вопросам законодательства и «высшего управления», не исключая возможные попытки самовольного продления членами Думы своих полномочий и осуществление со стороны Думы деятельности «вне всякого контроля Правительства». Другие, уповая на самобытность русского народа, утверждали, что в России «вряд ли возможно» развитие учреждений «по западным образцам с приобретением ими решающего голоса в законодательстве и управлении» [9].

Спустя полгода после подготовительной работы Совета Министров, декларативные «предположения» об усовершенствовании государственного порядка приобрели силу закона. 6 августа 1905 года Николай II подписал Манифест «Об учреждении Государственной Думы» и «Положение о выборах в Государственную Думу». Манифест учредил Государственную Думу, включив ее «в состав высших государственных учреждений» как «особое законосовещательное установление» [2, С. 17]. При этом незыблемым оставался закон о сущности самодержавной власти. Более того, император сохранил за собой право заботиться (давая соответствующие указания) «о дальнейшем усовершенствовании учреждения Государственной Думы», которые соответствовали бы «потребностям времени и государственному благу». Деятельность Думы была ограничена разработкой законодательных проектов, а также рассмотрением «росписи государственных доходов и расходов». Как следует из статьи 1 Манифеста, Дума могла обсуждать законопроекты «по силе основных законов» и «восходящих» через Государственный Совет «к Верховной Самодержавной Власти» [2, С. 17]. Утверждение законов оставалось исключительно в ведении императора. Следует отметить, что это было постоянно действующее учреждение, члены которого менялись каждые пять лет. Досрочное прекращение деятельности и назначение новых выборов, а также продолжительность заседаний Думы также определялись указами императора.

Положение о выборах в Государственную Думу [2, С. 33] устанавливало перечень лиц, которые не являлись избирателями и не могли участвовать в выборах. К голосованию допускались лица мужского пола, достигшие 25 лет, не проходящие военную службу или обучение, не являющиеся иностранными подданными и другие категории лиц, указанные в пунктах 6-8 Положения. Кроме того, лица, допущенные к участию в выборах, должны были обладать имущественным цензом, размер и продолжительность которого устанавливались законом. При этом выборы в Государственную Думу были непрямыми, а многоступенчатыми, когда члены Думы избирались на губернских или городских собраниях из числа выборщиков; перед тем выборщики избирались на уездном съезде уполномоченными от волости; последние избирались на волостном сходе, на который могли собираться выборщики от сельских сходов. Порядок избрания выборщиков зависел от разряда избирателей (крестьяне-домохозяева, владельцы недвижимого имущества, лица торгового сословия, промышленники, прочее городское население, священнослужители). Порядок выборов, установленный в Положении о выборах и порядок применения этого положения, утвержденный 18 сентября, неукоснительно соблюдался [3, С. 141].

Изданные 6 августа 1905 года, Манифест и Положение о выборах Государственной Думы (как и предыдущие акты о государственном переустройстве) не соответствовали ожиданиям общества. Согласно указанным документам, самые активные участники революционных событий 1905-1907 гг. (рабочие, солдаты и студенты) не получили избирательных прав, обещанный законодательный орган из «выборных достойных людей» заменили на совещательное учреждение, власть императора оставалась абсолютной (неограниченной). Вместо демократических преобразований и классического разделения властей, была предпринята очередная попытка властей уступить социальным требованиям, оставляя неизменным существующее устройство государственной власти и управления.

В связи с утверждением Государственной Думы в этот же день 6 августа был отменен Именной указ 18 февраля 1905 года о полномочиях Совета Министров по рассмотрению предложений по вопросам об усовершенствовании государственного устройства. Указанные полномочия были переданы в ведение учреждения Государственной Думы [3, С. 184].

Первым документом, который вносил демократические начала в русское общество и способствовал демократическим преобразованиям, стал Манифест 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» [3]. Дарование народу «незыблемых» гражданских прав и свобод, обещание расширить участие в законодательной деятельности представительного органа и дополнить избирательные права граждан – это те положения Манифеста, которые восторженные современники восприняли как великое историческое событие. В дореволюционной историко-правовой литературе главный смысл Манифеста 17 октября 1905 года авторы видели в том, что «закладывались основы гражданского самосознания» и «вместо традиционной нераздельности власти монарха» «возвращалось участие» представительных органов «в осуществлении этой власти» [6], обозначали «созыв Государственной Думы» как «фактическое условие перехода» от самодержавной власти к ограниченной монархии [8]. В современной литературе по истории права (при всем различии юридических оценок Манифеста 17 октября 1905 года) общепризнанными являются тезисы о том, что издание Манифеста означало «формальный конец существования неограниченной монархии» и положило «начало буржуазного конституционализма» в России [10].

Для осуществления декларируемых гражданских прав и свобод, реализации обещанных полномочий представительной власти необходимо было их юридическое оформление в правовых нормах Основных законов Российской империи. Но прежде были приняты нормативно-правовые акты, связанные с организацией и деятельностью Государственной Думы и Государственного Совета.

Одним из важнейших мероприятий государственных реформ истории называют пересмотр Положения о выборах от 6 августа 1905 года. 11 декабря 1905 года император подписал указ «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных к нему дополнений» [4]. Не отменяя предназначенных выборов в Государственную Думу, самодержавная власть, во исполнение Манифеста 17 октября 1905 года, решила привлечь к участию в выборах те классы населения, которые не имели избирательных прав по Положению о выборах от 6 августа 1905 года. Новшеством стали избиратели-рабочие и значительно расширенный круг избирателей-горожан. Современники (по понятиям того времени) оценивали «русскую избирательную систему» по числу лиц, пользующихся избирательным правом, как близкую к системе всеобщего избирательного права [7, С. 104]. При этом избирательная система, по-прежнему, была основана на сословном представительстве и имущественном цензе. По современным понятиям выборы являлись не всеобщими (женщины по новым правилам не имели избирательных прав), непрямыми (выбор осуществлялся посредством выборщиков и уполномоченных) и далеко неравными (по соотношению числа избирателей к числу выборщиков). Число городских избирателей выросло в десять раз, а число выборщиков от города осталось прежним [7, С. 105].

Другим важнейшим мероприятием государственных реформ называют пересмотр учреждений Государственного Совета и Государственной Думы 20 февраля 1906 года [3, С. 253]. Были утверждены «новые в делах законодательства полномочия» Государственной Думы, а переустройство Государственного Совета стало основано «на участии в нем выборных от населения». Декларативное положение Манифеста 17 октября 1905 года о законодательной деятельности Государственной Думы стало правовой нормой: никакой «закон не может воспринять силы без одобрения Совета и Думы» [3, С. 254]. Определен порядок законодательной деятельности: законопроекты, одобренные Государственным Советом и Государственной Думой, предоставляются на рассмотрение императора. Законопроекты, «не принятые Государственным Советом или Государственной Думой, признаются отклоненными» [3, С. 255]. В периоды прекращения деятельности Государственной Думы при чрезвычайных обстоятельствах принятие законов переходит в непосредственное ведение императора. Пересматривать Основные государственные законы Дума и Совет не полномочны, такое право было только у императора. От воли императора зависел созыв и сроки деятельности этих высших государственных учреждений (устанавливались императорскими указами).

Реформы государственного управления предусматривали создание единого правительства, изменение состава и полномочий государственных высших учреждений, утверждение порядка их взаимодействия.

В соответствии с Указом 19 октября 1905 года [3, С. 156] все министерства и главные управления составили единое правительство. Направление и управлений действиями министерств и главных управлений возлагалось на Совет Министров. Дела, решаемые единым правительством, не должны были относиться к ведению Государственной Думы и Государственного Совета. Разграничение полномочий и консолидация исполнительной власти проходили в рамках государственных преобразований. При этом в указе было установлено исключительное право императора назначать министров, избирать председателя Совета Министров. Император оставлял за собой право заслушивать отчеты, доклады и давать указания по делам, рассматриваемым в Совете Министров. Контроль императором исполнительной власти не позволял реализовать важнейший принцип конституционного права – «ответственность правительства перед парламентом».

Следует отметить, что преобразования в государственном управлении осуществлялись до объединения правительства и продолжались после на основании отдельных актов по отношению к отдельным министерствам и управлениям.

5 мая в Рескрипте, принятым на имя Великого князя Николая Николаевича, были даны указания образовать постоянный Совет Государственной обороны. Создание такого высшего учреждения объяснялось необходимостью «объединения деятельности высшего военного и морского управления» и «согласования их с деятельностью» других государственных учреждений «по вопросам, относящимся к безопасности государства» [3, С. 54]. Положение о Совете было утверждено Указом 8 июня 1905 года [3, С. 73]. Как следует из текста Положения, учреждение Государственного Совета обороны не изменило круга ведения и порядка рассмотрения дел в Совете, а равно не изменились и компетенции министров и других высших учреждений. Совет непосредственно подчинялся императору.

6 мая Министерства земледелия и Государственных имуществ были преобразованы в Главное управление землеустройства и земледелия. Был изменен порядок управления «делами о земельном обеспечении крестьян» [3, С. 55]. Все вопросы крестьянского землевладения и землепользования должны были решаться в Комитете по земельным делам, которое подчинялось Главному управлению. Позже император Указом 4 марта 1906 года, решая задачи по облегчению покупки крестьянами земель, упразднил Комитет по земельным вопросам и учредил Комитет по землеустроительным делам при Главном управлении, а на местах организовал губернские и уездные комиссии по землеустройству.

27 октября создано особое Министерство Торговли и Промышленности, в подчинение которому было передано Главное Управление торгового мореплавания и портов [3, С. 170]. 10 ноября восстановлены в составе Министерства внутренних дел корпус жандармов и органы полиции [3, С. 177], Указ 9 января 1906 года изменил управление Морским ведомством [3, С. 231].

По вопросам реализации в законном порядке гражданских прав и свобод, задекларированных в Манифесте 17 октября 1905 года, значимы следующие акты. Еще до принятия Манифеста внесены поправки, утвержденные 23 мая 1905 года Мнением Государственного Совета, в акты о печати. Однако, 18 марта 1906 года Указом императора приняты изменения и дополнения временных правил о периодической печати [3, С. 334]. Установлены контроль за выпуском периодических изданий и персональная ответственность содержателей и арендаторов типографий. Указан перечень оснований уголовного преследования и определены наказания за нарушения правил.

Указом императора 12 октября 1905 года были установлены «временные дополнения в действующие постановления о собраниях» [3, С. 144]. Указ предусматривал заявительный порядок проведения собраний (по заявлению устроителей). Решение о проведении собрания принималось на уровне местной полиции. Запрещались собрания, цель и предмет которых являлись противозаконными, либо условия проведения которых угрожали общественному порядку и безопасности. 4 марта 1906 года Указом установлены временные правила о собраниях [3, С. 287]. По новым правилам все непубличные собрания можно проводить без разрешения органов власти, однако к публичным - установлены жесткие правила.

С 4 марта 1906 года введены временные правила об обществах и союзах [3, С. 269]. Разрешалось образование обществ и союзов по инициативе граждан, разрешения органов власти не требовалось. Условиями создания обществ и союзов являлись разрешительная деятельность, законный порядок создания и регистрации, соблюдение требований к организаторам, наличие прав и ответственность обществ и союзов.

Анализ ключевых документов, относящихся к периоду преобразования государственного строя России с декабря 1904 года по март 1906 года, свидетельствует о перестройке публичной власти и государственных учреждений, исключая самодержавную власть. Для реализации провозглашенных гражданских прав и свобод были созданы не условия, а «временные правила», ограниченные полицейским контролем. Государственные преобразования начали развиваться, не имея основательной правовой базы. Обсуждение и принятие Основных законов Российской империи еще не состоялось.

Список литературы:

1. Высочайший рескрипт на имя Министра Внутренних Дел 18 февраля 1905 г. // Правительственный вестник: [газ.]. 19 февраля 1905 (№ 40). // URL: <https://bigenc.ru/b/vysochaishii-reskript-dannyi-9a6efc> (дата обращения: 08.02.2025).
2. Государственная дума. Указания 6 авг. 1905 г.: Высочайший манифест. Именной высочайший указ Правительствующему сенату. Учреждение Государственной думы. Положение о выборах в Государственную думу: С предисл. проф. И. Малиновского. Неофиз. изд. Киев: газ. «Киев. Охотник», 1905. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003727506/?ysclid=m7mqts6w555645455 (дата обращения: 08.02.2025).
3. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Правительственному Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России / под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сент. 1908 г. Санкт-Петербург: издание Юридического книжного склада «Право», 1909. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003763133/?ysclid=m7mr3ve5ws137820873 0 (дата обращения: 08.02.2025).
4. Именной высочайший указ, данный Сенату «Об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных к нему дополнений» 11 декабря 1905 года // Полное собрание законодательства Российской империи. 3-е изд. Т. XXV. № 27029. // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 08.02.2025).
5. Казанский П.Е. Государственная дума по действующим законам. Санкт-Петербург: Свобода и порядок, [1906]. // URL: <https://www.litres.ru/book/petr-kazanskiy/gosudarstvennaya-duma-po-deystvuiushchim-zakonom-493715/> (дата обращения: 08.02.2025).
6. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. Москва: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003792086/?ysclid=m7mrch5qk144499587 (дата обращения: 20.02.2025).
7. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: учебное пособие. Москва: ИВЦ «Маркетинг», 2000. 368 с.
8. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Конституционное право: Вып. 1 / 24. Петроград: skl. изд.: kn. mag. «Право», 1917. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004187823/?ysclid=m7mrevwufs423911984 (дата обращения: 08.02.2025).
9. Материалы по учреждению государственной думы. 1905 г. Вып. 1: Мемория Совета министров: Собрания министра внутр. дел; Проект «Учрежд. Госуд. Думы», внесенный мин. в. д. Булыгиным. [СПб., 1905]. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_184089%7C0B55FF35-4DF0-474E-867C-924A452C5391/ (дата обращения: 08.02.2025).
10. Туманова А.С. Модернизация формы российского государства в начале XX века: дискуссии о правовом содержании и значении конституционной реформы // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. №2.
11. Харусь О.А. Рескрипт 18 февраля 1905 г.: маневр власти и реакция общества в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 135-139.

References:

1. The highest rescript addressed to the Minister of Internal Affairs on February 18, 1905 // Government Bulletin: [gazette]. February 19, 1905 (No. 40). // URL: <https://bigenc.ru/b/vysochaishii-reskript-dannyi-9a6efc> (date of request: 02/08/2025).
2. The State Duma. Legalizations of August 6, 1905: The Supreme Manifesto. A nominal supreme decree to the Governing Senate. Establishment of the State Duma. Regulations on elections to the State Duma: With a preface by Professor I. Malinovsky. Neofits. ed. Kiev: gas. "Kiev. Hunter", 1905. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003727506/?ysclid=m7mqts6w555645455 (accessed: 02/08/2025).
3. Legislative acts of the transitional period. 1904–1908: collection of laws, manifestos, decrees to the Government Senate, rescripts and regulations of the Committee of Ministers related to the Transformation of the Russian state system / ed. by prof.-Assoc. N.I. Lazarevsky. Ed. 3rd, revised and supplemented on September 1, 1908 St. Petersburg: edition of the Legal book warehouse "Pravo", 1909. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003763133/?ysclid=m7mr3ve5ws137820873 0 (accessed: 02/08/2025).
4. The nominal supreme decree given to the Senate "On the amendment of the Regulations on Elections to the State Duma and the Amendments issued thereto" on December 11, 1905 // The Complete Collection of Legislation of the Russian Empire. 3rd ed. Vol. XXV. No. 27029. // URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of appeal: 02/08/2025).
5. Kazansky P.E. The State Duma according to the current laws. St. Petersburg: Freedom and Order, [1906]. // URL: <https://www.litres.ru/book/petr-kazanskiy/gosudarstvennaya-duma-po-deystvuiushchim-zakonom-493715/> (date of access: 02/08/2025).
6. Kotlyarevsky S.A. Legal prerequisites of Russian basic laws. Moscow: type. by G. Lissner and D. Sobko, 1912. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003792086/?ysclid=m7mrch5qk144499587 (accessed: 20/02/2025).
7. Kravets I.A. Constitutionalism and Russian statehood in the early twentieth century: a textbook. Moscow: IVC "Marketing", 2000. 368 p.
8. Lazarevsky N.I. Russian State law. Constitutional law: Issue 1/24. Petrograd: skl. ed.: kn. mag. Pravda, 1917. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004187823/?ysclid=m7mrevwufs423911984 (accessed: 02/08/2025).
9. Materials on the establishment of the State Duma. 1905 Issue 1: Memoria of the Council of Ministers; Considerations of the Minister of Internal Affairs; Draft "Institution. The state. Duma", introduced by min. V. D. Buligin. [St. Petersburg, 1905]. // URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_184089%7C0B55FF35-4DF0-474E-867C-924A452C5391/ (date of access: 02/08/2025).
10. Tumanova A.S. Modernization of the form of the Russian state in the early twentieth century: discussions on the legal content and significance of constitutional reform // Problems of economics and legal practice. 2008. No. 2.
11. Kharus O.A. Rescript of February 18, 1905: the maneuver of power and the reaction of society in Siberia // Bulletin of Tomsk State University. 2016. No. 403. pp. 135-139.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОФИЛАКТИКА БЕЗНАДЗОРНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ AUTOMATED INFORMATION SYSTEMS AND PREVENTION OF MINOR NEGLECT

ТЕРЕНИЧЕНКО Алексей Александрович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент Кафедры международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ленинградский просп., 55, г. Москва, 125167, Россия.

E-mail: aaterenichenko@fa.ru;

TERENICHENKO Alexey A.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of International and Public Law, Faculty of Law

Finance University under the Government Russian Federation.

55 Leningradsky ave., Moscow, 125167, Russia.

E-mail: aaterenichenko@fa.ru

Краткая аннотация. работа посвящена проблеме предотвращения безнадзорности несовершеннолетних в Российской Федерации. Проанализирована возможность решения проблем, возникающих в этой области правового регулирования, с помощью таких инструментов цифровизации, как автоматизированные информационные системы.

Abstract. The work is devoted to the problem of preventing child neglect in the Russian Federation. The possibility of solving problems arising in this area of legal regulation is analyzed using such digitalization tools as automated information systems.

Ключевые слова: автоматизированная информационная система, учёт несовершеннолетних, профилактика безнадзорности.

Keywords: automated information system, registration of minors, prevention of child neglect.

Для цитирования: Терениченко А.А. Автоматизированные информационные системы и профилактика безнадзорности несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 50-53. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_50.

For citation: Terenichenko A.A. Automated information systems and prevention of minor neglect // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 50-53. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_50.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Использование информационных технологий имеет важное значение в сфере профилактики безнадзорности несовершеннолетних. Связано это с тем, что в соответствии с действующим законодательством в этой деятельности принимают участие многие органы федерального, регионального и местного уровней публичной власти, это затрудняет их взаимодействие. Указанную проблему позволило бы решить создание и внедрение единой федеральной автоматизированной информационной системы. Но механизм использования такого инструмента цифровизации пока что законодательно не установлен.

Дети должны всегда быть в приоритете государственной политики Российской Федерации, быть определяющим вектором для страны. Будущие поколения – это потенциал развития общества, и от нравственного, физического психологического уровня и качества воспитания детей напрямую зависят качественные и количественные показатели будущего населения страны. Проблема обеспечения благополучного и безопасного детства была и остается актуальной для любого общества и государства. Некоторые руководящие принципы ООН предписывают, что в центре внимания любой программы по предупреждению подростковой преступности должно быть обеспечение благосостояния молодежи с раннего детства. Оставление же без своевременной социальной адаптивной помощи влечет формирование стереотипа дозволенности с помощью противоправных методов удовлетворить возникающие потребности.

Вопросы улучшения положения детей и семей с детьми являются в последние годы приоритетными и в государственной социальной политике РФ. После внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 году защита детства «вышла» на конституционный уровень, что свидетельствует о стремлении государства придать этому институту особые механизмы реализации и гарантии обеспечения. Сейчас согласно ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России.

Особое внимание отечественного законодателя к этому вопросу объясняется, на наш взгляд, наличием негативных тенденций в этой сфере правового регулирования, отраженных в статистических данных, что заставляет органы государственной власти принимать меры.

В последнее время наблюдается существенное увеличение показателей безнадзорности в подростковой среде, причинами которого является ухудшение уровня жизни людей, стремление родителей переложить обязанности по воспитанию детей на образовательные организации, снижение авторитета социального института семьи. «Фоном» к этому идут рост алкоголизма и наркомании.

По данным единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за 2021 год в РФ было выявлено 60 705 безнадзорных несовершеннолетних, что на 1 964 больше, чем в предыдущем 2020 году. Растёт и количество преступлений, совершаемых данной социальной категорией граждан: как отметил глава Следственного комитета РФ Бастрыкин А.И. за 2021 год дети и подростки совершили более 10 тысяч преступлений. В подавляющем большинстве случаев основной причиной совершения несовершеннолетними правонарушений и преступлений является их безнадзорность – то есть отсутствие или значительное ослабление наблюдения и контроля за формированием личности и поведением несовершеннолетних со стороны семьи, а также государственных органов.

Приведённые данные указывают на необходимость преобразований в рассматриваемой сфере правового регулирования.

Итак, система профилактики безнадзорности в подростковой среде не в полной мере соответствует социальным запросам и существующим на сегодняшний день реалиям общественной жизни. Но для обеспечения практического решения социальных проблем нужна и нормативная база.

В Российской Федерации правовое регулирование отношений, связанных с деятельностью по профилактике безнадзорности несовершеннолетних, осуществляется на основании ФЗ от 24.06.1999 №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в соответствии с которым безнадзорным является несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц.

Указанное определение означает, что обязанности по воспитанию и контролю за несовершеннолетним возлагаются не только непосредственно на родителей и законных представителей, но и на почти всю систему органов публичной власти. Согласно ст. 4 вышеуказанного ФЗ №120, в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; органы управления социальной защитой населения; федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования; органы опеки и попечительства; органы по делам молодежи; органы управления здравоохранением; органы службы занятости; органы внутренних дел; учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции).

Итак, на уровне федерального законодательства определены органы и учреждения, призванные обеспечивать профилактическую деятельность в различных сферах жизни несовершеннолетних. Многоуровневый характер системы и разнообразие субъектов профилактики по замыслу законодателя должны были бы обеспечить комплексный подход и высокую эффективность мер. Но на практике такая разнообразная система органов по работе с детьми, функционирующая на всех уровнях государственной и местной власти, не справляется с повышением уровня безнадзорности в подростковой среде.

Возможно, причина заключается в недостаточно отлаженном механизме взаимодействия органов системы профилактики. Необходимость межведомственного взаимодействия возникает у органов тогда, когда у них появляются взаимопересекающиеся интересы, частично или полностью совпадают цели деятельности. Значит, механизм профилактики безнадзорности должен выстраиваться на основе качественного межведомственного взаимодействия разноразрядных субъектов.

Федеральные и региональные органы государственной исполнительной власти уже давно делегируют осуществление полномочий в сфере предупреждения безнадзорности на местный уровень. Такая возможность содержится в ст. 19, 20 ФЗ от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», и органы государственной власти субъектов РФ активно применяют данный институт. Передача полномочий на уровень местного самоуправления обуславливается необходимостью непосредственного взаимодействия органов профилактики безнадзорности с рассматриваемой социальной категорией граждан. Максимально эффективный результат такой деятельности может быть достигнут только в том случае, если соответствующие полномочия будут осуществлять субъекты нижестоящего, «первичного» звена, ближе всех находящиеся к населению.

Но характер деятельности контролирующих субъектов на муниципальном уровне следует признать несогласованным и разрозненным. Вряд ли удачным можно назвать то обстоятельство, что деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав напрямую зависит от объема финансирования и бюджета муниципального образования. Кроме того, указанные комиссии на основании ст. 11 ФЗ №120 должны осуществлять координацию всей системы профилактики безнадзорности, но на практике не обладают организационно-распорядительными ресурсами для этой функции. Материальных источников, предоставляемых муниципальным образованиям из регионального бюджета при делегировании государственных полномочий, не всегда достаточно для того, чтобы комиссии в полной мере эффективно реализовывали свои полномочия по межведомственной координации. Часто субъекты РФ, передавая отдельные государственные полномочия органам местной власти, материально не обеспечивают реализацию этих полномочий, то есть, не предоставляют должного финансирования из регионального бюджета. Возможно, это следует квалифицировать как нарушение норм федерального законодательства в части предоставления межбюджетных трансфертов. Ну и сам факт того, что комиссии по делам несовершеннолетних относятся к местному самоуправлению, первичному звену публичной власти, затрудняет, а по ряду вопросов совсем исключает возможность координации деятельности органов, относящихся к вышестоящему уровню. Сомнительна также возможность указанных комиссий осуществлять координацию деятельности федеральных органов государственной власти, осуществляющих государственное управление в сфере образования.

Сделаем вывод: координация деятельности системы предупреждения безнадзорности имеет недостатки, устранение которых следует отнести к задачам законодателя. Представляется перспективным создать систему «партнёрства» государственных и негосударственных структур по вопросу профилактики безнадзорности детей. В разработке нуждается также система профессионального взаимодействия специалистов, работа кадровых, материальных и организационных ресурсов, которые бы служили интересам укрепления семьи и обеспечения действенной помощи детям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

Одним из наиболее необходимых условий совершенствования деятельности системы органов профилактики безнадзорности несовершеннолетних является цифровизация.

Анализ различных аспектов использования информационных технологий в рассматриваемой нами деятельности органов до сих пор сводился к доказательствам преимущества электронного документооборота в сравнении с бумажным. Вместе с тем, часто упускают из виду универсальные возможности цифровизации правоотношений. А этот фактор позволил бы реформировать систему предупреждения безнадзорности, обеспечить взаимосогласованную и скоординированную деятельность органов. Потому что первоочередным способом решения проблем,

стоящей перед системой профилактики безнадзорности, является *своевременный обмен информацией*.

Простое наблюдение показывает, что в настоящее время в Российской Федерации почти везде создаются условия для внедрения информационных технологий в различные сферы жизнедеятельности человека. «Применение в органах государственной власти РФ новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления» указано как цель в Стратегии развития информационного общества. Формируется новая технологическая основа деятельности органов публичной власти. Чаще всего цифровизация общественных отношений происходит посредством введения и использования автоматизированных информационных систем (далее – АИС). Такие программные обеспечения созданы во всех сферах общественной жизни (наиболее известной является система в деятельности органов исполнительной власти ГИС «Госуслуги»). Главной отличительной чертой данных систем является их функционирование на федеральном уровне: подчас целой системе публичных органов необходимо взаимодействовать для решения какого-либо частного вопроса.

Очевидно, тенденция по цифровизации публичных правоотношений должна найти свое отражение и в деятельности системы предупреждения безнадзорности в среде несовершеннолетних. У некоторых субъектов профилактики уже разработаны и введены собственные ведомственные информационные системы, которые позволяют оперативно получать и обрабатывать соответствующие сведения. Так, например, система органов опеки и попечительства уже оценила удобство и преимущество осуществления внутриведомственного взаимодействия посредством автоматизированных систем. АИС «Опека» позволяет накапливать и обрабатывать сведения о несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, и их законных представителях – опекунах. Но данная автономная система аккумулирует в себе лишь ту информацию, которая была получена в результате деятельности исключительно данного ведомства и его структурных подразделений по вопросу устройства малолетних граждан под опеку. При этом исключается возможность внесения и получения сведений из этой автоматизированной системы иными органами, пусть даже и осуществляющими сходные функции в системе предупреждения безнадзорности детей. Таким образом, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в настоящее время не имеют фактической возможности осуществлять координацию автоматизированного взаимодействия субъектов профилактики. Это связано с тем, что сама внутриведомственная деятельность комиссий не подверглась информатизации в технологическом смысле в достаточной степени.

Необходима также обработка опыта создания региональных баз данных о безнадзорных несовершеннолетних и их семьях. Не все субъекты РФ в равной степени обладают техническим потенциалом и возможностями создания и ведения такой системы учета. Но в ряде регионов такие банки сведений формируются на протяжении длительного времени, что существенно сказывается на качестве профилактической работы с несовершеннолетними в соответствующих субъектах РФ. В некоторых областях действует областной межведомственный банк семей и несовершеннолетних, которые требуют особого внимания. Полномочия по организации и координации ведения такой системы возложена на департамент социального развития. Программный комплекс позволяет всем субъектам системы профилактики иметь доступ к единому информационному полю, в котором в обобщенном виде ведется персонифицированный учет каждого поднадзорного физического лица, его семьи, отслеживается состояние работы каждого ведомства с несовершеннолетним и его родителями. В отношении каждого лица, состоящего на учете в такой базе данных, разрабатывается комплекс мероприятий, реабилитационная программа, включающая реализацию межведомственных технологий и предоставление социальных услуг. Опыт создания и функционирования таких комплексных банков данных имеют: Тюменская, Вологодская, Тамбовская, Ростовская области, Алтайский край, Санкт-Петербург, некоторые другие регионы РФ.

Вместе с тем, большинство комиссий как регионального, так и муниципального уровня, не используют АИС в своей практической деятельности и не осознают необходимость информационного взаимодействия субъектов системы профилактики в качестве приоритетной задачи. По результатам проведенного ФГБОУ ВО «СГЮА» исследования отмечается, что существенным недостатком использующихся АИС является невозможность информационного обмена между различными ведомствами, которые осуществляют деятельность по предупреждению безнадзорности.

Следует признать, что в настоящее время вопросы автоматизации процессов обмена информацией между органами профилактики не урегулированы на федеральном законодательстве. Существует необходимость внедрения единой федеральной АИС в сфере предупреждения безнадзорности несовершеннолетних. Главная цель создания такой базы данных о семьях с несовершеннолетними, требующими особого внимания со стороны государства, состоит в необходимости организации комплексного подхода для предупреждения безнадзорности. Такая система будет обеспечивать защиту прав и законных интересов подростков и их семей, автоматически составлять план индивидуально-профилактической работы с данной категорией граждан.

Региональное же законодательство в части регулирования указанных вопросов более детализировано. Так что, необходимо учесть региональный опыт по созданию подобных систем, положительные и негативные аспекты реализации такого взаимодействия на практике.

Внедрение единой федеральной АИС для обеспечения скоординированной деятельности системы профилактики безнадзорности требует детальной проработки правовой базы, регламентирующей права и обязанности участников информационного взаимодействия. В настоящее время ими разработан ряд законопроектов, предполагающих создание единого федерального банка данных безнадзорных несовершеннолетних и их семей. Так, например, законопроект, предложенный межведомственной рабочей группой по разработке проекта ФЗ «О защите прав несовершеннолетних и профилактике их антиобщественного и противоправного поведения» в ч. 1 ст. 33 предполагает создание государственной информационной системы в целях информационного обеспечения деятельности в сфере защиты прав несовершеннолетних, профилактике их неблагополучия, антиобщественного и противоправного поведения.

Подытожим возможные преимущества такой системы.

Будет обеспечена согласованная работа органов системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних. Проблемные аспекты

деятельности указанных органов сводятся чаще всего к отсутствию общей информационной платформы. Создание АИС позволит осуществлять профилактику безнадзорности согласованно и скоординировано.

Будут защищены права и законные интересы детей. Это позволит реализовать на практике такие конституционно значимые государственные гарантии как охрану материнства, отцовства и семьи, право на образование, здравоохранение, труд, социальное обеспечение, досуг.

Использование системы позволит осуществлять постоянный бесперебойный контроль за социально неблагополучными семьями и детьми. Особую значимость это преимущество приобретает в условиях постоянной миграции такой категории лиц. В случаях переезда граждан, поставленных на учет в региональной АИС, из одного субъекта РФ в другой, возникает вероятность того, что они «выпадают» из поля зрения правоприменителя. Общая же федеральная база данных будет располагать сведениями о всех поднадзорных субъектах, даже если они сменяют место жительства. Органы системы профилактики будут проинформированы о том, какая социальная работа проводилась в отношении безнадзорного по предыдущему месту жительства, и могут продолжить ее качественное осуществление.

Очевидно, что рассматриваемая правотворческая инициатива должна быть поддержана высшими законодательными органами государственной власти РФ в лице палат Федерального Собрания и должна занять свое место в системе нормативно-правовых актов. Из ст. 33 данного законопроекта ясно также, что разработчики не ограничиваются принятием лишь федерального закона. В рамках реализации данной инициативы предполагается также и издание Постановления Правительства, которое будет содержать «перечень сведений, вносимых в информационную систему, порядок ее формирования и ведения». Каким должно быть содержание данного подзаконного нормативно-правового акта? В перечне сведений должна быть информация, используемая субъектами системы профилактики при работе с несовершеннолетними и их семьями в соответствии с отраслевыми и ведомственными нормативными правовыми актами; информация, применяемая для персонифицированного учета несовершеннолетних; информация, отражаемая в формах статистической отчетности.

Одна из особенностей работы с ней состоит в том, что при организации работы с несовершеннолетним и его семьей орган системы профилактики предварительно должен получить согласие на обработку персональных данных для того, чтобы включить сведения о лицах в АИС. В течение одного рабочего дня соответствующие сведения должны быть введены в систему. Затем орган, который инициировал осуществление постоянного контроля над безнадзорным, должен в течение трех рабочих дней составить план профилактической работы, программу индивидуальной реабилитации и адаптации и разместить его в АИС. В данном плане адаптации несовершеннолетнего и его семьи, находящихся в социально опасном положении, указываются органы и учреждения системы профилактики, ответственные за исполнение мероприятий и сроки проведения мероприятий. В АИС должны своевременно и оперативно отражаться сведения о изменении такой программы реабилитации, анализ исполнения плана профилактической работы, информация о реализации отдельных профилактических мероприятий, а также решение о снятии лиц с индивидуального учета.

Подобный перечень сведений, подлежащих отражению в АИС, а также порядок и особенности учета посредством данной системы должны оказать практическую помощь в деятельности по разработке соответствующего проекта Постановления Правительства.

В современных условиях трудно переоценить значение разработки и внедрения федеральной информационной системы, которая будет выполнять функции электронной платформы для межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности, единой информационной системы для обмена сведениями.

Мы считаем, что предложенный нами перечень сведений, которые должны быть отражены в данной системе, а также порядок и особенности учета посредством данной системы могут оказать практическую помощь в деятельности по разработке соответствующего проекта Постановления Правительства. Направлением дальнейшего исследования является рассмотрение соблюдения прав и законных интересов безнадзорных несовершеннолетних при осуществлении их учета с помощью автоматизированных информационных систем.

Список литературы:

1. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (резолюция 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 20.04.2025)
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
3. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. ст. 3177
4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" // Собрание законодательства РФ. 2017. Ст.3659
5. Луговская А.А. Проблемы реализации взаимодействия органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30458810_95877053.pdf (дата обращения: 20.04.2025)
6. Попова В.И., Гулин К.А. Возможности совершенствования системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних в регионе // Экономические и социальные перемены в регионе. №40. 2017. С. 61-71.
7. Количество выявленных беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36186>
8. Глава Следственного комитета - о причинах жестоких преступлений подростков // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/12/28/glava-sledstvennogo-komiteta-o-prichinah-zhestokih-prestuplenij-podrostkov.html> (дата обращения: 20.04.2025)

References:

1. United Nations Guidelines for the Prevention of Juvenile Delinquency (Riyadh Guidelines) (General Assembly resolution 45/112 of 14 December 1990) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (accessed: 20.04.2025)
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)
3. Federal Law of 24 June 1999 N 120-FZ "On the Fundamentals of the System for the Prevention of Neglect and Delinquency of Minors" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 26. Art. 3177
4. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 N 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. Art. 3659
5. Lugovskaya A.A. Problems of implementing the interaction of bodies of the system for preventing neglect and juvenile delinquency // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30458810_95877053.pdf (date accessed: 20.04.2025)
6. Popova V.I., Gulín K.A. Possibilities of improving the system for preventing juvenile neglect in the region // Economic and social changes in the region. No. 40. 2017. P. 61-71.
7. The number of identified homeless and neglected minors // Unified Interdepartmental Information and Statistical System. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36186>
8. The Head of the Investigative Committee - on the causes of violent crimes of adolescents // Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2021/12/28/glava-sledstvennogo-komiteta-o-prichinah-zhestokih-prestuplenij-podrostkov.html> (date of access: 20.04.2025)

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_54

УДК 340 : 347.61/.64(417)

ИСТОЧНИКИ ИРЛАНДСКОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА SOURCES OF IRISH FAMILY LAW

ШТОКАЛО Светлана Викторовна,

доцент кафедры теории и истории государства и права

Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, кандидат юридических наук.

ул. Бутырина, 27, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Россия.

E-mail: s-shtokalo@mail.ru;

SHTOKALO Svetlana Victorovna,

Associate Professor, the Department of Theory and History of State and Law,

the North-Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, PhD in Law.

st. Butyrina, 27, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russia.

E-mail: s-shtokalo@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию источников ирландского семейного права на современном этапе. Основные юридические источники семейного права Ирландии изучаются на основе работ отечественных и зарубежных авторов, а также доступной оригинальной ирландской специальной литературы и нормативных материалов. Приведенная в статье информация о содержании ирландских законов по семейному праву позволит составить представление об основных направлениях правового регулирования в данной области. Автор приходит к заключению, что ирландская правовая система эволюционирует в традиционном русле развития семьи общего права.

Abstract: The article is devoted to the study of the sources of Irish family law at the present stage. The main legal sources of Irish family law are studied on the basis of the works of domestic and foreign authors, as well as available original Irish specialized literature and regulatory materials. The information provided in the article on the content of Irish laws on family law will allow one to form an idea of the main directions of legal regulation in this area. The author comes to the conclusion that the Irish legal system is evolving in the traditional direction of the development of the common law family.

Ключевые слова: Ирландия, правовая система, источники права, ирландское семейное право, Конституция Ирландии 1937 г.

Keywords: Ireland, legal system, sources of law, Irish family law, Constitution of Ireland 1937.

Для цитирования: Штокало С.В. Источники ирландского семейного права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 54-57. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_54.

For citation: Shtokalo S. V. Sources of Irish family law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 54-57. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_54.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Введение. Источники ирландского семейного права, как и правовая система Ирландии в целом, все еще недостаточно изучены в нашей стране. В рамках реализации эвристической функции юридической науки [1, с. 30], автор преследует цель предоставить больше специальной научной информации и тем самым сократить дефицит знаний о правовой системе Ирландии и, в частности, системе источников ирландского семейного права. Это может способствовать росту научных исследований и знаний в области права и государства, в связи с чем наше видение права будет представляться все менее ограниченным.

Правовая система Ирландии в литературе и справочных изданиях порой сопровождается такими уточняющими характеристиками, как «система... основанная на английской модели, но существенно измененная обычным правом» [2] или система основанная «на ирландском праве до 1922 г., которое само было основано на английском общем праве» [3] и др. Хотя правовая система Ирландии оценивается как «моносистема общего права» [4], она не отличается единством и не является единой органической системой [5, с. 258], по сути придерживается традиций общего права, относится к семье общего права, что в значительной степени оказывает влияние также и на систему источников ирландского семейного права.

Источники права – понятие многозначное. Профессор М.Н. Марченко в учебнике по теории государства и права, изданном в серии «Классический университетский учебник», отмечает, «чтобы стать реальностью и успешно выполнять свои функции право... должно иметь внешнее выражение. В отечественной и зарубежной юридической литературе это «внешнее выражение права» в одних случаях называют формой права или формами права, в других – источниками, а в-третьих их именуют одновременно и формами, и источниками права» [6, с. 504]. На основе оригинального исследования, посвященного правовой системе Великобритании, А.К. Романов подчеркивает, что «под источниками права понимают те формы, которые оно принимает и в которых оно осознается» [7, с. 90]. Российские авторы уделяли и уделяют немало внимания исследованию источников права, в том числе и источников правовой семьи общего права [8]. Что касается источников ирландского права, то обращение к их изучению, на наш взгляд, заслуживает большего внимания российских ученых, учитывая достаточно высокий качественный уровень исследований соответствующей проблематики в работах историков, юристов и политологов Ирландии. В связи с этим профессор И.Ю. Богдановская отмечает, что ирландская национальная школа изучения общего права наряду с другими зарубежными школами «внесла несомненный прорыв» [8, с. 5] в уровне соответствующих правовых исследований.

В отечественной и зарубежной литературе обычно описываются основные и дополнительные юридические источники права [7, с. 92]. Рассмотрим основные источники ирландского семейного права на современном этапе развития.

Конституция. Ирландская Конституция 1937 г. посвящает значительную часть раздела о фундаментальных правах положению семьи

в ирландском обществе. Ничего эквивалентного положениям этой конституции не обнаружено в Конституции Ирландского Свободного Государства 1922 г. Имелось много предложений о включении положений, касающихся семьи в Конституцию 1922 г., но все они были в конечном счете отвергнуты [9, р. 1].

В тексте Конституции Ирландии 1937 г. семье уделено особое внимание. В статье 41.1 установлено: «Государство признает семью как естественную первичную и основную ячейку общества, а также как моральный институт, обладающий неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, предшествующими и превосходящими любое позитивное право» [10]. В соответствии с этим Ирландское государство гарантирует защиту семьи, ее организацию и авторитет как необходимую основу социального порядка, незаменимую для благосостояния нации и государства.

С момента принятия Конституции 1937 г. в ирландской семье произошли глубокие изменения [11], что нашло отражение в соответствующих поправках к Конституции, которые в данной работе не рассматриваются и, на наш взгляд, как и современное конституционно-правовое регулирование семьи в Ирландии заслуживают отдельного исследования.

Законодательство. В Ирландии законодательство по семейному праву не кодифицировано, соответственно нет и семейного кодекса. По нашим подсчетам, учитывающим данные перечней законов по семейному праву с 1865 по 2020 гг. (составители К. Вуд и Д. Девенни) [12], по состоянию на январь 2025 г. в Ирландии количество законов, регулирующих вопросы семейного права составляет не менее шестидесяти. Кроме того, насчитывается немало и парламентских актов, содержащих комплексные нормы права.

Приведем перечень законодательных актов Ирландии по семейному праву, принятых с 1 января 2019 по 31 декабря 2024 гг.:

1. Закон о семейном праве 2019 г.
2. Закон о здравоохранении и поддержке ухода за детьми (разные положения) 2019 г.
3. Закон о родительском отпуске (изменение) 2019 г.
4. Закон о Комиссии по расследованию деятельности домов матери и ребенка и некоторых связанных с этим вопросов 2020 г.
5. Закон об Агентстве по делам детей и семьи (изменение) 2021 г.
6. Закон о детях (изменение) 2021 г.
7. Закон об отпуске по семейным обстоятельствам и прочих положениях 2021 г.
8. Закон об уходе за детьми (изменение) 2022 г.
9. Закон о местном самоуправлении (охрана материнства и другие меры для членов органов местного самоуправления) 2022 г.
10. Закон об Агентстве по борьбе с домашним, сексуальным и гендерным насилием 2023 г.
11. Закон о схеме оплаты учреждений матери и ребенка 2023 г.
12. Закон о социальном обеспечении (пособие на ребенка) 2023 г.
13. Закон об уходе за детьми (изменение) 2024 г.

Как видим, законодательство Ирландии по семейному праву за вышеуказанное пятилетие значительно не только по своему объему, но и по кругу затрагиваемых вопросов. Вышеназванные законы, приведенные по электронной Ирландской книге статутах (eISB), отражают современные тенденции развития ирландского семейного права и семейной политики. В Ирландии законы по предметной рубрике «Семья» издаются по следующим ключевым направлениям: брак; гражданское партнерство и сожительство; дети и родительские обязанности, усыновление; деятельность Агентства по делам семьи и детей; развод и судебное раздельное проживание; домашнее насилие и др.

Отметим также, что в Ирландии могут быть изданы акты делегированного законодательства (вторичные источники права), если это предусмотрено в конкретном законе. Так, например, к Закону о детях и семейных отношениях 2015 г. было принято несколько актов делегированного законодательства. Среди них можно отметить Положения 2019 г. о сертификации по Закону о детях и семейных отношениях 2015 г. и Правила Окружного суда 2020 г. о донорской вспомогательной репродукции человека. Делегированное законодательство в Ирландии активно развивается, охватывая в том числе и сферу семейного права.

Общее право. Система общего права в Ирландии берет свое начало в английской правовой традиции. Раймон Леже со ссылкой на сэра Джона Бейкера пишет: «Несмотря на наличие связей, которые исторически сложились между Англией и Ирландией, интеграции ирландских судов в судебную систему Англии не произошло. Но ирландские суды приняли общее право и применяли его также, как это делали и английские суды» [13, с. 113]. Как отмечает Фрэнк Мартин, отправление правосудия в области семейного права на основе общего права все еще используется ирландской судебной системой [14, р. 28]. Например, ирландское право недействительности (nullity) является очевидной областью, где судебная система расширяет различные основания для вынесения судебных постановлений (decrees) о недействительности брака. Данный пример судебного активизма не избежал академической критики на том основании, что расширение судебной практики семейного права в этой чувствительной и ключевой области может привести только к большей неопределенности относительно долгосрочного статуса брачного контракта [14, р. 28].

Приведем несколько примеров, поясняющих конституционные формулировки касающиеся института семьи из известных судебных дел, рассмотренных высшими судами Ирландии. В деле *State (Nicolaou) v. An Bord Uchtála* Верховный суд постановил: «Из положений статьи 41, в частности ее части 3, совершенно ясно, что семья упомянутая в настоящей статье, — это семья основанная на институте брака, и в контексте статьи брак означает действительный брак в соответствии с законодательством, действующем в государстве в данный момент» [15]. Этот судебный прецедент, которого неизменно придерживались ирландские суды, мог быть фактически отклонен на референдуме в марте 2024 г. в случае принятия 39 и 40 поправок к конституции, однако указанные поправки не были поддержаны на референдуме. В деле *Ryan v. The Attorney General* судья Кенни заявил «Никто из советников в этом деле не попытался установить что является неотъемлемым и неотчуждаемым правом семьи и

поскольку Конституция мало помогает в этом, я испытываю трудность в аргументации... «Неотъемлемое» означает то, которое не может быть передано или отдано, в то время как «неотчуждаемое» означает то, которое не может быть утрачено в связи с течением времени или... фактическим отказом в использовании» [16].

Ирландии кроме «неотъемлемых и неотчуждаемых прав» также известны «неперечисленные» естественные права (в отличие от прав предоставленных законом), которые защищаются ст. 40.3 Конституции. Так, например, незаконнорожденный ребенок имеет право на питание и жизнь, воспитание и образование, возможность работать и реализовывать в полной мере свою личность и достоинство как человеческого существа, а также те естественные права в соответствии с Конституцией, что и законнорожденный ребенок, на «религиозное и моральное, интеллектуальное, физическое и социальное образование» [17; 18].

Интересно отметить, что согласно отчету (дайджесту) по делу *G. v. An Bord Uchtála* [17] в этом деле содержатся ссылки не менее чем на двадцать дел, рассмотренных ирландскими судами и судами Соединенного Королевства. Как видим, судебные решения по различным вопросам семейного права продолжают составлять основу общего права.

Источники международного и европейского права. Как известно, источниками международного права являются международные договоры, соглашения и конвенции, которые, в частности, касаются вопросов семейного права и права детей и которые оказывают прямое или косвенное влияние на принципы ирландского семейного права.

Ирландия применяет дуалистическую (альтернативную монистической) теорию и как комментирует Джон О'Донохью, рассматривает «международное право и внутреннее право как полностью отдельные, так что международное право не обязательно является частью внутреннего права, если это только явно не указано» [19].

Важным источником ирландского семейного права являются правовые акты по правам человека, в частности, Европейская конвенция о правах человека 1950 г. (далее – ЕКПЧ) [20], которая была инкорпорирована Законом о Европейской конвенции о правах человека 2003 г. [21]. Указанный закон в статьях 3.1 и 4 гарантирует, что ирландские суды при толковании или применении любого законодательного положения или нормы права, как и другие органы государства, должны осуществлять свои функции способом совместимым с обязательствами государства, вытекающими из ЕКПЧ. По мнению некоторых комментаторов [14, р. 30-31] существует проблема, которая сводится к тому, что хотя есть средство правовой защиты от нарушения права, жертва может подать в суд на государственный орган только в том случае, если другие средства правовой защиты недоступны. Даже в этом случае единственным доступным средством правовой защиты является возмещение ущерба. Отметим, что по Закону 2003 г. в любом разбирательстве любой высший суд (Высокий суд, Апелляционный суд, Верховный суд) при осуществлении своей апелляционной юрисдикции, по заявлению в его адрес стороны дела или по собственной инициативе, и если никакие средства правовой защиты не являются адекватными и доступными, может сделать «заявление о несовместимости», свидетельствующее о том, что положение закона или норма права несовместимы с обязательствами государства в соответствии с положениями ЕКПЧ. Заявление о несовместимости не влияет на действительность, действие или исполнение законодательного положения или нормы права, в отношении которых оно принято, и не препятствует потерпевшей стороне делать заявления или представления в отношении вопросов, к которым относится декларация о несовместимости в любом разбирательстве в Европейском суде по правам человека. Премьер-министр Ирландии должен обеспечить, чтобы копия приказа суда, содержащего заявление о несовместимости, была представлена каждой Палате Парламента в течение следующих 21 дня заседания Палаты после вынесения приказа. Если, во-первых, сделано заявление о несовместимости, во-вторых, сторона соответствующего разбирательства подает письменное заявление Генеральному атторнею с требованием о компенсации за травму, убыток или ущерб понесенные этой стороной в результате несовместимости, и в-третьих, Правительство по своему усмотрению считает, что целесообразно провести выплату *ex gratia* компенсации этой стороне (выплата *ex gratia* — это добровольный платеж, производимый в пользу отдельного лица за ущерб или претензии без признания каких-либо правовых обязательств), то Правительство может обратиться к назначенному им советнику (*adviser*) с просьбой проконсультировать его относительно размера такой компенсации и может по своему усмотрению произвести выплату указанной суммы или другой суммы, которую оно сочтет целесообразной в данных обстоятельствах. В процессе консультации Правительства по вопросу о размере компенсации для вышеуказанных целей советник должен надлежащим образом учитывать принципы и практику, применяемые Европейским судом по правам человека в отношении предоставления справедливой компенсации стороне в соответствии со ст. 41 ЕКПЧ.

Заключение. Источники ирландского семейного права множественны. Система источников семейного права Ирландии иерархична и структурно не перегружена устаревшими и религиозными источниками. На характере системы источников семейного права и правовой системы Ирландии не может не сказаться объективный процесс сближения правовых систем общего и континентального права. Тем не менее, ирландская правовая система эволюционирует в традиционном русле развития семьи общего права и в целом сохраняет свой статус-кво за счет целенаправленного и надежного функционирования и повышения эффективности деятельности, прежде всего, парламента и судебной системы.

Список литературы:

1. Славова, Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание / Н. А. Славова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 23-32. – EDN WCYREM.
2. The World Factbook (2022 Archive) Legal system [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://www.cia.gov/the-world-factbook/about/archives/2022/field/legal-system/> (дата обращения: 23.03.2025)
3. List of national legal systems [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_national_legal_systems / (дата обращения: 23.03.2025)
4. COMMON LAW SYSTEMS AND MIXED SYSTEMS WITH A COMMON LAW TRADITION [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://www.juri-globe.ca/eng/sys-juri/class-poli/common-law.php> (дата обращения: 23.03.2025)
5. Марченко, М. Н. Правовые системы современного мира / М. Н. Марченко. – М. : Зерцало-М, 2009. – 528 с. – ISBN 978-5-94373-150-1.

6. Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2004. – 648 с. – (Серия "Классический университетский учебник" / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова). – ISBN 5-98032-395-3.
7. Романов, А. К. Право и правовая система Великобритании : учебное пособие / А. К. Романов. – М. : ФОРУМ, 2012. – 288 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-91134-397-2.
8. Богдановская, И. Ю. Источники права на современном этапе развития "общего права" : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Богдановская Ирина Юрьевна. – Москва, 2007. – 48 с. – EDN NITQCV.
9. Mohr T. Embedding the Family in the Irish Constitution // Howlin, N., Costello, K. (eds.). Law and the Family in Ireland, 1800-1950. – UK: Palgrave Macmillan, 2017. – 288 p.
10. CONSTITUTION OF IRELAND [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html> (дата обращения: 23.03.2025)
11. Hawthorn K. The transformation of the Irish 'family' [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://kirstyahawthorn.wordpress.com/sociology-2/the-transformation-of-the-irish-family/> (дата обращения: 23.03.2025)
12. Guide to Irish Family Law Acts. Index of Legislation 1865 to 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://www.lawyer.ie/family-law/irish-family-legislation/> (дата обращения: 23.03.2025)
13. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Раймон Леже ; пер. с фр. [Грядов А. В.]. – 2-е изд., перераб. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.
14. Martin F. The Changing Face of Family Law in Ireland // Judicial Studies Institute Journal. – [5:1 2005]. – 16-41 p.
15. State (Nicolaou) v. An Bord Uchtála [1966] I.R. 567.
16. Ryan v. The Attorney General [1965] 1 I.R. 294.
17. G. v. An Bord Uchtála G. Plaintiff and An Bord Uchtála and Others Defendants [1978 No. 290 Sp.] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ie.vlex.com/vid/g-v-an-bord-793405221> (дата обращения: 23.03.2025)
18. JOHNSTON AND OTHERS v. IRELAND, no. 9697/82, 18 December 1986.
19. Dáil Éireann debate - Thursday, 14 Jun 2001. European Convention on Human Rights Bill, 2001: Second Stage. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/dail/2001-06-14/6/> (дата обращения: 23.03.2025)
20. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 23.03.2025)
21. European Convention on Human Rights Act 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2003/act/20/enacted/en/html> (дата обращения: 23.03.2025)

References:

1. Slavova, N. A. Yuridicheskaya nauka: ponyatie, vozniknovenie, razvitiye, funktsii i soderzhanie / N. A. Slavova // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. – 2019. – Т. 1, № 2. – С. 23-32. – EDN WCYREM.
2. The World Factbook (2022 Archive) Legal system [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // <https://www.cia.gov/the-world-factbook/about/archives/2022/field/legal-system/> (data obrashcheniya: 23.03.2025)
3. List of national legal systems [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_national_legal_systems / (data obrashcheniya: 23.03.2025)
4. COMMON LAW SYSTEMS AND MIXED SYSTEMS WITH A COMMON LAW TRADITION [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // <https://www.juriglobe.ca/eng/sys-juri/class-poli/common-law.php> (data obrashcheniya: 23.03.2025)
5. Marchenko, M. N. Pravovye sistemy sovremennogo mira / M. N. Marchenko. – М. : Zercalo-M, 2009. – 528 s. – ISBN 978-5-94373-150-1.
6. Marchenko, M. N. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik / M. N. Marchenko. – М. : Prospekt, 2004. – 648 s. – (Seriya "Klassicheskij universitetskij uchebnik" / Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova). – ISBN 5-98032-395-3.
7. Romanov, A. K. Pravo i pravovaya sistema Velikobritanii : uchebnoe posobie / A. K. Romanov. – М. : FORUM, 2012. – 288 s. – (Vysshee obrazovanie). – ISBN 978-5-91134-397-2.
8. Bogdanovskaya, I. Yu. Istochniki prava na sovremennom etape razvitiya "obshchego prava" : spetsial'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve" : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Bogdanovskaya Irina Yur'evna. – Moskva, 2007. – 48 s. – EDN NITQCV.
9. Mohr T. Embedding the Family in the Irish Constitution // Howlin, N., Costello, K. (eds.). Law and the Family in Ireland, 1800-1950. – UK: Palgrave Macmillan, 2017. – 288 p.
10. CONSTITUTION OF IRELAND [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html> (data obrashcheniya: 23.03.2025)
11. Hawthorn K. The transformation of the Irish 'family' [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // <https://kirstyahawthorn.wordpress.com/sociology-2/the-transformation-of-the-irish-family/> (data obrashcheniya: 23.03.2025)
12. Guide to Irish Family Law Acts. Index of Legislation 1865 to 2020 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // <https://www.lawyer.ie/family-law/irish-family-legislation/> (data obrashcheniya: 23.03.2025)
13. Lezhe, R. Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoj podhod / Rajmon Lezhe ; per. s fr. [Gryadov A. V.]. – 2-e izd., pererab. – М. : Volters Kluver, 2010. – 592 s.
14. Martin F. The Changing Face of Family Law in Ireland // Judicial Studies Institute Journal. – [5:1 2005]. – 16-41 p.
15. State (Nicolaou) v. An Bord Uchtála [1966] I.R. 567.
16. Ryan v. The Attorney General [1965] 1 I.R. 294.
17. G. v. An Bord Uchtála G. Plaintiff and An Bord Uchtála and Others Defendants [1978 No. 290 Sp.] [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ie.vlex.com/vid/g-v-an-bord-793405221> (data obrashcheniya: 23.03.2025)
18. JOHNSTON AND OTHERS v. IRELAND, no. 9697/82, 18 December 1986.
19. Dáil Éireann debate - Thursday, 14 Jun 2001. European Convention on Human Rights Bill, 2001: Second Stage. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/dail/2001-06-14/6/> (data obrashcheniya: 23.03.2025)
20. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (data obrashcheniya: 23.03.2025)
21. European Convention on Human Rights Act 2003 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: // <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2003/act/20/enacted/en/html> (data obrashcheniya: 23.03.2025)

ПРОБЛЕМА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИИ В XVI-XVIII ВВ. THE ISSUE OF THE JUDICIAL INDEPENDENCE IN ENGLAND IT THE 16-18TH CENTURIES

ДРОЗДОВА Кристина Вячеславовна,
аспирант кафедры истории государства и права юридического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).
119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: drozdovak02@gmail.com;

научный руководитель:

ДАВИДЯН Гаяне Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права
юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).
119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: drozdovak02@gmail.com;

DROZDOVA K.V.,
Postgraduate student of the Department of History of State and Law, Law Faculty,
Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.
E-mail: drozdovak02@gmail.com;

Academic supervisor:

DAVIDYAN G.M.
PhD in Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law,
Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia.
E-mail: drozdovak02@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассмотрены особенности развития судебной системы Англии в XVI-XVIII вв. в контексте достижения ею независимости от других ветвей власти. Показаны основные проблемы, препятствовавшие получению судами самостоятельности, присущей современным правовым государствам. Изучен ряд ключевых нормативных актов, принятых в рассматриваемое время для решения задачи по обеспечению независимости судебной системы. Показан итог этой борьбы. Изучена позиция видных английских философов и правоведов по вопросу о роли судов в государственном механизме. Показаны некоторые особенности дальнейшего развития судебной системы Англии.

Abstract: In the article, the author examines the development of the English judicial system in the 16th-18th centuries in the context of its independence from other branches of government. The main problems that prevented the courts from gaining that independence inherent in modern legal states are shown. The author studies a number of key statutes that were adopted during that period with an intent to solve the problem of ensuring the independence of the judicial system. The outcome of this struggle is given. Furthermore, the author studies the position of prominent English philosophers and legal scholars, who studied the courts' role in the state mechanism. In conclusion, some features of the English judicial system's further development are considered.

Ключевые слова: судебная система Англии, суды Англии, история судебной системы Англии, история государства и права Англии, судебная ветвь власти, система разделения властей, независимость судов, несменяемость судей.

Keywords: judicial system of England, courts of England, history of the judicial system of England, English legal history, judicial branch of government, system of division of powers, judicial independence, security of tenure of judges.

Для цитирования: Дроздова К.В. Проблема независимости судебной системы Англии в XVI-XVIII вв. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 58-61. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_58.

For citation: Drozdova K.V. The issue of the judicial independence in England in the 16-18th centuries // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 58-61. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_58.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Актуальность данной статьи обусловлена особой ролью судов в современном государственном механизме Англии и Уэльса. [1].

Как известно, суды Англии обладают широким объемом правомочий и им исторически присуща высокая степень самостоятельности в принятии решений. В последние века суды играют важную роль в области охраны прав подданных и помогают сохранять доктрину верховенства права, недопущения установления тирании [2][3, С. 3-4]. Не в последнюю очередь это стало возможным благодаря гарантированию в законах и на практике принципа независимости судов от других ветвей власти.

Тем не менее, подобная модель в Англии сложилась далеко не сразу. На протяжении большей части Средневековья и даже в начале Нового времени суды не воспринимались как по-настоящему самостоятельные органы власти: вместо этого и парламент, и король обычно смотрели на них как на лиц, зависящих от воли монарха. По обозначенной причине представляется интересным рассмотреть эволюцию судебной системы в XVI-XVIII вв. – в то время, когда предпринимались попытки достигнуть должного уровня ее независимости, что в конечном итоге и удалось сделать.

Для выявления особенности действий судов данной эпохи, стоит обратить внимание на общие особенности деятельности судов Англии в более ранний период – в эпоху Средневековья в целом. Если говорить кратко, то судьи в указанное время не всегда держались в стороне от политики. Даже наоборот: периодически они могли быть довольно активно вовлечены в нее. Это выражалось, в частности, в занятии важных административных должностей [4, С. 72-75]. Таким образом, можно сделать вывод, что разделение властей и восприятие судей как профессио-

налов, державшихся в стороне от политических процессов, были совершенно не свойственны указанной эпохе [5, С. 119-120].

Тем не менее, наличие ряда громких разбирательств, когда неугодных судей привлекали к уголовной ответственности по причине нелояльности монарху (как, например, это было в 1387 г. во время правления Ричарда II), привело к тому, что судьи стали самоустраняться от участия в процессах, связанных с борьбой за власть. [5, С. 119-120][6]. И такая обстановка сохранялась продолжительное время – примерно до начала XVII в. На практике это возымело важный положительный эффект: нахождение судей на должностях уже почти перестало зависеть от изменений, происходивших в правительстве страны[7, С. 152].

За 200 лет, предшествовавших смерти королевы Елизаветы в 1603 году, судьи, за очень редким исключением, не вмешивались в политическую жизнь Англии. По указанной причине в этот длительный период судебного затишья юридическая практика становилась все более специализированной и технической. Данное утверждение можно хорошо проиллюстрировать на следующем примере: когда судей пригласили высказать решающее мнение о законности притязаний герцога Йоркского на престол, они ответили, что не им решать столь высокий политический вопрос и в данном случае, по их мнению, это должны делать лорды, принадлежащие королю[7, С. 152-153].

Монарх, в свою очередь, также особо не стремился привлекать судей к осуществлению административных функций. Весьма показательным образом это можно проиллюстрировать на примере Генриха VIII, у которого с 1540 года в его консультативном органе – Тайном совете – в принципе не присутствовали представители данной профессии. Последующие главы государства – Эдуард VI и дочь Мария I – все-таки решили включить в свои Тайные советы судей. Тем не менее, новая практика оказалась непродолжительной: уже Мария I решила отстранить от должности троих из них, а Елизавета I и вовсе полностью вывела их из состава упомянутого органа на целых 40 лет[4, С. 115-120]. Таким образом, судебная власть стала постепенно отделяться от правительства, и это было одной из характерных черт данного периода истории судебной системы Англии.

В это время также наблюдалось становление и развитие органов экстраординарной юстиции. Среди них особенное место занимали Звездная палата и Высокая комиссия. Последняя предназначалась для борьбы с религиозными нарушениями, а первая, будучи комитетом Тайного совета, использовалась изначально для решения вопросов, непосредственно затрагивавших интересы короля. Кроме этого, данный орган задействовался и в решении общегосударственных проблем – в частности, он способствовал процессу централизации правосудия. Как отмечают специалисты, со временем Звездная палата по факту превращалась в обычный суд – так, в нем дела заслушивались на регулярной основе, а заседания носили публичный характер (в частности, они делились на сессии)[8, С. 87-88].

Оценивая обстановку того периода, специалисты приходят к следующему заключению: король оставался главным законодателем, а судьи выступали в качестве толкователей этого закона. Тем не менее, даже такие отношения между судьями и монархом все равно оставались непростыми[7, С. 158-162]. Особенно заметно это проявилось в правление новой династии – Стюартов. Так, в 1607 г. произошел примечательный спор между Яковом I и видным юристом и судьей Э. Куком по вопросу о том, может ли король самостоятельно разбирать судебные дела в судах common law. Несмотря на притязания монарха на такую возможность, ответ, как утверждал упомянутый правовед, должен быть отрицательным, поскольку король не обладает для этого необходимыми знаниями и навыками. Здесь, по мнению Э. Кука, требуется овладение не естественным, а именно искусственным разумом, на котором и зиждется common law[9, С. 27].

Новые значительные изменения стали происходить с начала Английской буржуазной революции. Тогда судебная власть стала приобретать некоторые качества, присущие ей в современных государствах с системой разделения властей. Так, в 1641 году были ликвидированы чрезвычайные судебные органы, в первую очередь Звездная палата и Высокая комиссия[10][11]. Кроме того, в 1642 году Карл I был вынужден согласиться на назначение судей бессрочно «при [их] хорошем поведении» (quamdiu se bene gesserint); таким образом, был сделан отход от старого способа замещения должностей, согласно которому их обладатели находятся на них, покада «угодны королю». Помимо прочего, зарплата представителям указанной профессии вскоре была повышена: в 1645 году их оклад увеличили с менее чем 200 фунтов стерлингов в год до 1000. Все вышесказанное, как отмечают некоторые исследователи, позволило в последующие примерно четверть века снять с судей имевшееся ранее политическое давление[6].

После Реставрации монархии в 1660 году попытка восстановления старых порядков была предпринята не сразу. Так, поначалу все высшие судьи оставались на своих постах. Тем не менее, довольно быстро ситуация стала меняться в иную сторону и проблема независимости судей вновь дала о себе знать[4, С. 132-134]. В частности, обозначенная система, когда король назначал судей на неопределенный срок при условии их «хорошего поведения», в 1668 г. была заменена более старой, дореволюционной (согласно которой судьи находились на своих должностях, если «угодны королю»). В последующее время давление на судебную систему лишь возрастало, что проявлялось, в частности, во все более часто практикуемых увольнениях: за последние 11 лет своего правления Карл II отправил в отставку 11 своих судей; следующий же король, Яков II, всего за три года убрал с соответствующих должностей 12 человек[6].

Современным исследователям обычно бывает нелегко сформировать объективную точку зрения относительно рассматриваемого периода, которая бы учитывала все значимые факторы того времени. Тем не менее, можно утверждать, что общее качество судебной системы и уровень отправления правосудия стали более низкими. Этому можно дать следующие объяснение: судьи подвергались очень большому риску потерять работу, если их решения не находили одобрения короля[4, С. 150-153].

Главной угрозой судебной независимости, по мнению ряда специалистов, была принципиальная позиция поздних Стюартов по вопросу о широких полномочиях монарха: они считали, что могут в отдельных случаях обойтись без закона или, по крайней мере, обладают возможностью приостановить его действие. Поскольку явных полномочий у них на это не было, они обосновывали свои притязания абсолютной королев-

ской prerogative[6]. Все это на практике ставило судей в центр политических споров: дело в том, что соответствующие правовые принципы в Англии того времени часто не были четко прописаны в нормативных актах, по какой причине была неоценима роль судебной интерпретации неписанной английской конституции по вопросу о допустимых границах королевской власти.

Следует подчеркнуть, что подобные стремления главы государства традиционно встречали недовольство в среде правоведов. Так, работавший еще в середине XV в. главный судья Суда королевской скамьи Дж. Фортескью отмечал, что монарх может действовать лишь определенным образом; в частности, он не может изменять законы или же управлять страной, как тиран. Судьям, в свою очередь, по словам упомянутого деятеля, отводилась роль «стражей общего права, лучшего оплота свободы нации»[12, С. 25-26].

Проблема, связанная с притязаниями монарха на абсолютную власть, при Карле II еще на стояла так остро, поскольку он в конце концов все-таки отказался от попыток расширить границы своей абсолютной prerogative. Тем не менее, пришедший ему на смену Яков II решил с большим упорством проводить политику усиления своей власти[6].

Важный момент состоял в том, что никто из видных политических деятелей того времени не рассматривал судей в качестве самостоятельных лиц. Так, Парламент воспринимал их как подчиненных короля. Последний, в свою очередь, рассматривал контроль над судебной системой как важнейший элемент своей власти[13, С. 27].

Несмотря на всю серьезность проблемы, она, однако, еще не говорит о том, что профессиональные качества английских судей того времени были на невысоком уровне. В действительности ситуация с этой точки зрения была значительно более благоприятной, чем могло бы показаться на первый взгляд. В качестве примера можно привести следующий факт: в 1689 г., когда Парламент исследовал судебные решения периода Реставрации, он не нашел среди вынесенных до 1680 г. ни одного из них, что были бы достойны критического восприятия[6].

Принципиальным образом проблема независимости судебной системы стала решаться только после начала «Славной революции» 1688-89 гг. Уже на следующий день после того, как Палата общин постановила, что Яков II отрекся от престола, парламентский комитет составил перечень жалоб, которые должны были быть представлены новым королем и королевой, Вильгельму III и Марии II. В этом документе, среди прочего, содержались пункты о выплате заработной платы судьям из государственных средств и недопущении отстранения или отстранения судей от должности, «кроме случаев, предусмотренных законом»[4, С. 141-143]. На этом основании можно отметить наступление новой эпохи, которая стала характеризоваться фактическим признанием принципа независимой судебной власти.

В первом значительном законодательном акте Парламента – Билле о правах 1689 г. – данный вопрос, однако, не был обозначен в сколь-либо полной мере. В нем больше внимания уделялось обвинению прошлого короля Якова II в злоупотреблении властью – в частности, в своевольном приостановлении законов или же освобождении из-под их действия, создании специального суда для преследования неугодных, нарушении процессуальных прав подданных, назначении чрезмерных штрафов, а также жестоких и необычных наказаний. В «Билле о правах» подтверждались все старые законы о правах Парламента, личной неприкосновенности английских подданных. Таким образом, попытки короля расширять свои полномочия и ущемлять права частных лиц отныне стали запрещаться. В частности, объявлялись незаконными следующие действия монарха: приостановление статутах или освобождение из-под их действия; создание специальных судов и т.д.[14] Кроме того, там прямо указывалось, что монархия подчиняется закону[12, С. 28].

Многие же другие проблемы, ранее обозначенные парламентариями, в конечном итоге были решены уже в более позднем документе – в Акте об устройстве 1701 г.[15] Согласно последнему, судьям предоставлялся пожизненный срок полномочий (в ст. 3 говорится, что они занимают свою должность до тех пор, пока «ведут себя хорошо»)[16, С. 591]. Там также было указано, что указанных лиц можно смещать по заявлению той или иной палаты Парламента.

При этом ограничивались судебные полномочия короля: в упомянутой ст. 3 было отмечено, что «никакое прощение под большой королевской печатью не может быть дано вопреки приговору (impeachment) общин в Парламенте»[15]. Таким образом, предоставленные гарантии, призванные обеспечить соблюдение исполнительной властью принципа независимости судей, остаются в силе по сей день.

Как можно заметить, события XVII в. ясно обозначили необходимость четкого разделения между исполнительной, законодательной и судебной властью государства. Тем не менее, подобная точка зрения не сразу нашла свое подтверждение в научной среде. Действительно, концепция разделения властей уже была известна и находила широкую поддержку среди мыслителей, однако изначально в ее рамках затрагивался вопрос о необходимости разграничения именно законодательной и исполнительной власти, тогда как судьи оказывались в основном вне поля зрения рассматриваемой доктрины[6]. Только в середине XVIII столетия выдающийся юрист Блэкстоун смог сформулировать руководящие принципы в их современной форме, с делением ветвей власти на законодательную, исполнительную и судебную[17]. Причем судей знаменитый ученый называл своеобразной разновидностью «оракула»[16, С. 525].

При этом с формальной точки зрения данная концепция не была реализована вплоть до принятия Акта о конституционной реформе 2005 г.[18] Дело в том, что ни кодификация конституции, ни даже четкое разделение властей не свойственны английской правовой системе. Наоборот, данному государству свойственно их сочетание. В качестве примера, иллюстрирующего данную проблему, можно привести случай с лордом Мэнсфилдом, который был одновременно и главным судьей, и министром между 1757 и 1765 годами. Лорд-главный судья Элленборо, работавший в начале XIX в., также был членом кабинета министров.

В принципе государство того времени не воспринимало подобные ситуации в качестве угрозы строю. Как отмечало тогдашнее правительство, «наши принципы английской конституции мы берём не из теорий Монтескье и Блэкстоуна, а из прецедентов, и по этой причине было напрасно говорить о разделении властей»[19, С. 193].

Таким образом, проблема судебной независимости начала обозначаться в Англии еще в период Средневековья, и в дальнейшем оставалась весьма актуальной. Особенно остро этот вопрос дал о себе знать в XVII вв., когда представители новой династии Стюартов пытались расширить традиционные представления о полномочиях главы государства и на практике все чаще стали оказывать давление на судей. Последние тогда действительно не воспринимались как отдельная ветвь власти, как должностные лица, независимые от монарха. При этом нельзя не отметить то обстоятельство, что даже в это непростое время профессиональные качества судей и выносимых ими решений в целом находились на высоком уровне. В итоге, несмотря на возникавшие препятствия, представители данной профессии получили возможность действовать самостоятельно и не испытывать давления со стороны короля. В значительной мере это проблема была решена во время Английской буржуазной революции 1640-60 гг., однако окончательно и бесповоротно это удалось сделать уже по итогам «Славной революции» 1688-89 гг. Несмотря на принятие по итогам последней важных конституционных законов и закрепления в них положений, отражающих современный принцип разделения властей и независимости судебной системы, последняя во многом оказалась лишь фактической. Одной из причин такого исхода можно назвать то обстоятельство, что в то время не только в политической сфере, но даже в научной среде еще не возобладала современная точка зрения о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. Она будет должным образом разработана и обоснована правоведами только в середине XVIII в., а свое институциональное закрепление в государственном механизме Англии и Уэльса найдет еще гораздо позже – только в начале XXI в.

Список литературы:

1. Халифаева А.К., Агагомедова С.С., Ибрагимов М.Н. Королевские суды и судебные решения в Англии // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 49–52.
2. Гайсаров Р.И. История англосаксонской правовой семьи. Вопросы студенческой науки. Выпуск №4 (32). 2019. С. 77-81
3. Рассказов Л.П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Научный журнал КубГАУ. No105(01). 2015. С. 1-15
4. Hodgson, J. The English Legal Heritage. Oyez Publishing. 1979. 190 p.
5. Maitland F.W., Montague F.C. A Sketch of English Legal History. Lawbook Exchange. 1998. 229 p.
6. Brooke, H. The History of Judicial Independence in England and Wales. European Human Rights Law Review, 2015, № 5, PP. 446–459.
7. Brand, P. The making of the common law. Bloomsbury Academic. 1992. 490 p.
8. Shapiro, M. Courts: A Comparative and Political Analysis. University of Chicago Press. 2013. 258 p.
9. Томсинов, В.А. Common Law в юридической конструкции государственного строя Англии первых десятилетий XVII века // «Forging a common legal destiny». Liber Amicorum in honour of William E. Butler. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005. P. 17–31.
10. An Act for the Regulating the Privy Council and for taking away the Court commonly called the Star Chamber. July 5, 1641. Statutes of the Realm, v. 110. 17 Car. I. cap. 10. See Hist. of Engl. ix. 404.
11. An Act for the repeal of a branch of a Statute primo Elizabethae, concerning Commissioners for causes ecclesiastical. July 5, 1641. 17 Car. I. cap. 11. Statutes of the Realm, v. 112. See Hist. of Engl. ix. 404.
12. Михайлов А.М. Становление и развитие доктрины верховенства права в английской юридической мысли // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 9. С. 22-44.
13. McRuer, J. C. The Evolution of the Judicial Process. Clarke, Irwin. 1958. 115 p.
14. Bill of Rights (1689).
15. The Act of Settlement (1701).
16. Западная традиция права: эпоха формирования. Перевод с английского / Берман Г.Д. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 592 с.
17. Sir William Blackstone, Commentaries on the Law of England. Garland Publishing Inc, London. 1978. Vol 1. Being a reprint of the 1783 edition printed for W Strahan, T Cadd and D Prince, Oxford.
18. Constitutional Reform Act (2005).
19. Baker, J.H. An Introduction to English Legal History. Butterworths LexisNexis. 2002. 600 p.

References:

1. Khalifayeva A.K., Agamomedova S.S., Ibragimov M.N. Royal courts and judicial decisions in England // Civil service and personnel. 2024. No. 2. pp. 49-52
2. Gaisarov R.I. The history of the Anglo-Saxon legal family. Questions of student science. Issue No. 4 (32). 2019. pp. 77-81
3. Rasskazov L.P. The Anglo-Saxon legal family: genesis, main features and most important sources // KubGAU Scientific Journal. No105(01). 2015. pp. 1-15
4. Hodgson, J. The English Legal Heritage. Oyez Publishing. 1979. 190 p.
5. Maitland F.W., Montague F.C. A Sketch of English Legal History. Lawbook Exchange. 1998. 229 p.
6. Brooke, H. The History of Judicial Independence in England and Wales. European Human Rights Law Review, 2015, № 5, PP. 446–459.
7. Brand, P. The making of the common law. Bloomsbury Academic. 1992. 490 p.
8. Shapiro, M. Courts: A Comparative and Political Analysis. University of Chicago Press. 2013. 258 p.
9. Tomsinov, V.A. Common Law in the legal construction of the state system of England in the first decades of the 17th century // "Forging a com-mon legal destiny". Liber Amicorum in honour of William E. Butler. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005. P. 17–31.
10. An Act for the Regulating the Privy Council and for taking away the Court commonly called the Star Chamber. July 5, 1641. Statutes of the Realm, v. 110. 17 Car. I. cap. 10. See Hist. of Engl. ix. 404.
11. An Act for the repeal of a branch of a Statute primo Elizabethae, concerning Commissioners for causes ecclesiastical. July 5, 1641. 17 Car. I. cap. 11. Statutes of the Realm, v. 112. See Hist. of Engl. ix. 404.
12. Mikhailov A.M. The formation and development of the doctrine of the rule of law in English legal thought // Genesis: historical research. – 2023. – No. 9. pp. 22-44.
13. McRuer, J. C. The Evolution of the Judicial Process. Clarke, Irwin. 1958. 115 p.
14. Bill of Rights (1689).
15. The Act of Settlement (1701).
16. The Western tradition of law: the epoch of formation. Translated from English / Berman G.D. – Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1994. – 592 p.
17. Sir William Blackstone, Commentaries on the Law of England. Garland Publishing Inc, London. 1978. Vol 1. Being a reprint of the 1783 edition printed for W Strahan, T Cadd and D Prince, Oxford.
18. Constitutional Reform Act (2005).
19. Baker, J.H. An Introduction to English Legal History. Butterworths LexisNexis. 2002. 600 p.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ DEMOGRAPHIC SECURITY AS A DIRECTION OF STATE POLICY

КУТЬКО Виктория Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

308015, Российская Федерация, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

доцент кафедры теории и истории государства и права,
Белгородский университет кооперации, экономики и права.

308023, Российская Федерация, Белгородская область, г. Белгород, ул. Садовая, 116а.

E-mail: kutko@bsuedu.ru;

КРАСНИКОВ Степан Игоревич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права,

Белгородский университет кооперации, экономики и права.

308023, Российская Федерация, Белгородская область, г. Белгород, ул. Садовая, 116а.

E-mail: krasnikov.stepan.ru@yandex.ru;

НЕСТЕРЕНКО Виктория Викторовна,

консультант научно-исследовательской лаборатории правовых исследований (юридической клиники),
Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

308015, Российская Федерация, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: nesterenko_v@bsuedu.ru;

KUTKO Viktoria Vasilievna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Belgorod State National Research University.

308015, Russian Federation, Belgorod region, Belgorod, st. Pobeda, 85.

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law.

308023, Russian Federation, Belgorod region, Belgorod, st. Sadovaya, 116a.

Email: kutko@bsuedu.ru;

KRASNIKOV Stepan Igorevich,

postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law,
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law.

308023, Russian Federation, Belgorod region, Belgorod, st. Sadovaya, 116a.

E-mail: krasnikov.stepan.ru@yandex.ru;

NESTERENKO Viktoria Viktorovna,

consultant at the legal research laboratory (legal clinic),

Belgorod State National Research University.

308015, Russian Federation, Belgorod region, Belgorod, st. Pobeda, 85.

Email: nesterenko_v@bsuedu.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассмотрены актуальные вопросы демографической безопасности Российской Федерации. Основываясь на нормативных правовых актах, мнениях ученых и экспертов, авторы оценивают значимость демографической политики для государства и общества в целом. Сквозь призму научного знания рассматриваются понятие демографической безопасности, ее цели и задачи, способы сохранения национального генофонда, укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни населения. Делается акцент на мерах, которые принимаются государством для обеспечения демографической безопасности, включая нормотворческую деятельность, а также реализацию национального проекта «Демография». Приводятся статистические данные о динамике роста и убыли населения в масштабах всей страны, а также по возрастным группам.

Abstract: This article examines current issues of demographic security of the Russian Federation. Based on regulatory legal acts, opinions of scientists and experts, the authors assess the importance of demographic policy for the state and society as a whole. Through the prism of scientific knowledge, the concept of demographic security, its goals and objectives, ways of preserving the national gene pool, strengthening health and increasing life expectancy of the population are considered. Emphasis is placed on the measures taken by the state to ensure demographic security, including regulatory activities, as well as the implementation of the national project «Demography». Statistical data on the dynamics of population growth and decline on a national scale, as well as by age groups are provided.

Ключевые слова: демография, демографическая безопасность, демографическая политика, конституционно-правовые основы демографической безопасности, национальный генофонд.

Keywords: demography, demographic security, demographic policy, constitutional and legal foundations of demographic security, national gene pool.

Для цитирования: Кутько В.В., Красников С.И., Нестеренко В.В. Демографическая безопасность как направление государственной политики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 62-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_62.

For citation: Kutko V.V., Krasnikov S.I., Nesterenko V.V. Demographic security as a direction of state policy // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 62-64. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_62.

Статья поступила в редакцию: 17.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Основу любого государства составляет его народ, поэтому вопросы, связанные с демографией, занимают ключевые позиции в его политике. Современная Россия сталкивается со множеством вызовов и угроз национальной безопасности, как следствие, большой упор делается

на защиту ее интересов.

Ст. 2 Конституции Российской Федерации гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1]. Исходя из этого, можно утверждать, что демографическая политика находится на особом контроле у государства и требует к себе повышенного внимания.

Государство играет важную роль в регулировании демографических процессов. Тем не менее, целесообразно внести определенные коррективы в демографическую политику, чтобы она имела наибольшую эффективность и адаптивность к современной жизни. В частности, необходимо увеличить срок реализации концепции демографической политики и разработать новые методики управления демографическими процессами.

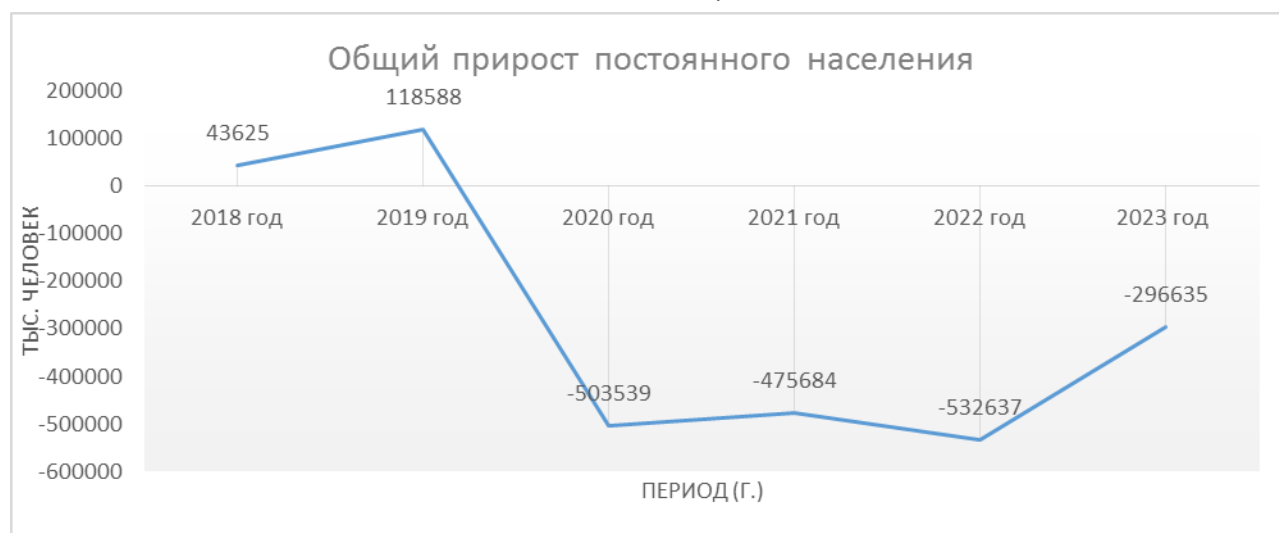
Само понятие демографической безопасности не представлено в правовом поле, но множество ученых и экспертов не оставили этот вопрос без внимания, поэтому считаем необходимым разобраться с ним с научной точки зрения.

По мнению И.А. Ветренко, «демографическая безопасность – потенциальная способность общества сохранять свой национальный генфонд и наращивать его в соответствии с теми нормами, которые характеризуют средний мировой уровень» [3].

А.И. Кондратенко утверждает, что «система демографической безопасности призвана, с одной стороны, изучать и практически реагировать на опасное влияние демографических процессов на ход мирового, государственного, регионального развития, а с другой стороны, изучать и активно реагировать на ход демографического развития больших и малых народов различных стихийных общественных процессов и целенаправленной политики государств» [4].

Для более наглядного анализа современной демографической ситуации в стране следует обратиться к данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата). Анализируя статистические данные последних лет, касающиеся всех жителей России, можно сделать вывод о том, что общий прирост постоянного населения из года в год неоднороден (таблица 1) [4].

Таблица 1

В 2020 г. замечен резкий отрицательный прирост, что связано с пандемией COVID-19. Последующие годы поддерживают негативную динамику в связи с неблагоприятной геополитической обстановкой, хотя предпосылки к улучшению ситуации, на наш взгляд, присутствуют.

Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» были поставлены цели и задачи, касающиеся всех сфер жизни общества и государства, включая демографическую политику. Так, одна из целей звучит следующим образом: «сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» [2].

Отмечается, что для сохранения населения необходимо материально поощрять многодетность, а также укоренить в сознании людей идею о том, что «нормальная» семья должна включать в себя двух и более детей [6].

Обеспечение демографической безопасности на современном этапе осуществляется посредством реализации национального проекта «Демография», который курируется Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации.

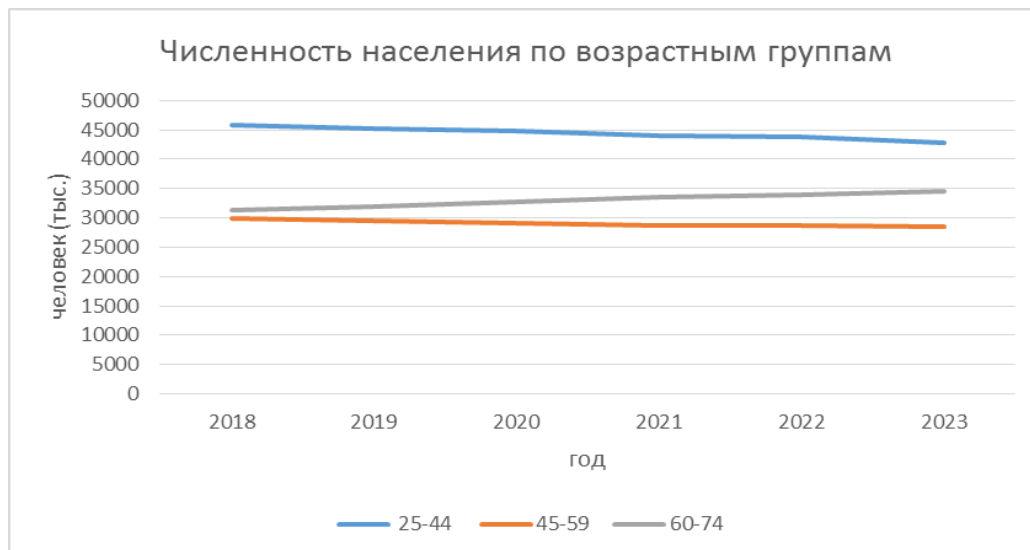
Целями и целевыми показателями являются:

1. Сохранение населения, здоровье и благополучие людей:
 - 1.1. Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет.
 - 1.2. Обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации.
 - 1.3. Увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70 %» [5].

Для этого, в свою очередь, необходимы профилактическая работа в сфере здравоохранения и оказания медицинских услуг, приобщение населения к здоровому образу жизни, формирование у него интереса к физической культуре и спорту.

Обращаясь к статистическим данным Росстата за последние годы, касающимся численности населения по возрастным группам, можно проследить, что доля молодых людей и людей среднего возраста сокращается, в отличие от людей пожилого возраста (таблица 2) [7].

Таблица 2

Депопуляция и старение населения приводят к ухудшению экономической ситуации в стране, увеличению доли безработных, замедлению темпов развития и т.д.

Еще одним негативным фактором, влияющим на демографическую ситуацию в России, является эмиграция квалифицированных специалистов в другие страны для поиска лучших условий труда. Для решения этой проблемы делаются шаги в сторону увеличения заработной платы, а также повышения престижа отечественных компаний.

Продолжая наше исследование, отметим, что демографическая безопасность является неотъемлемым элементом механизма развития общества и государства. Это способность общества сохранять свой национальный генофонд и наращивать его в соответствии с мировыми стандартами. Исследования ученых и утверждения экспертов подчеркивают необходимость оперативного реагирования на демографические проблемы в целях обеспечения стабильности.

Анализ данных Росстата остается достаточно неутешительным и демонстрирует отрицательную тенденцию прироста населения, вызванную пандемией и геополитической обстановкой, а также неоднородность и депопуляцию населения. Для решения проблем демографической безопасности на государственном уровне принимаются серьезные меры, включая программы по увеличению численности населения, повышению ожидаемой продолжительности жизни, пропаганды здорового образа жизни. Несомненно, планомерная и слаженная работа органов публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества способна обеспечить демографическую безопасность и решить насущные проблемы.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // КонсультантПлюс [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Текст : электронный (дата обращения: 19.03.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» // КонсультантПлюс [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Текст : электронный (дата обращения: 19.03.2025).
3. Ветренко, И.А., Поделков, А.В., Воронцов, С.А. Современная Российская демографическая политика через призму национальной безопасности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2015. – № 3. – С. 90-96. – Текст : непосредственный.
4. Кондратенко, А.И. Демографическая безопасность как условие защиты национальных интересов современной России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 5. – С. 73-78. – Текст : непосредственный.
5. Национальный проект «Демография» // Национальные проекты России: официальный сайт [сайт]. – URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai>. – Текст : электронный (дата обращения: 19.03.2025).
6. Общий прирост постоянного населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru>. – Текст : электронный (дата обращения: 19.03.2025).
7. Численность населения по возрастным группам // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [сайт]. – URL: <https://rosstat.gov.ru>. – Текст : электронный (дата обращения: 19.03.2025).

References:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // ConsultantPlus [site]. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Text : electronic (date of access: 19.03.2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 № 309 «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036» // ConsultantPlus [site]. – URL: <http://www.consultant.ru>. – Text : electronic (date of access: 19.03.2025).
3. Vetrchenko, I.A., Podelkov, A.V., Vorontsov, S.A. Modern Russian demographic policy through the prism of national security // Bulletin of Omsk University. Series «Historical Sciences». – 2015. – № 3. – P. 90-96. – Text : direct.
4. Kondratenko, A.I. Demographic security as a condition for protecting the national interests of modern Russia // Central Russian Bulletin of Social Sciences. – 2015. – № 5. – P. 73-78. – Text : direct.
5. National project «Demography» // National projects of Russia: official website [site]. – URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai>. – Text : electronic (date of access: 19.03.2025).
6. Total increase in permanent population // Official website of the Federal State Statistics Service [site]. – URL: <https://rosstat.gov.ru>. – Text : electronic (date of access: 19.03.2025).
7. Population by age groups // Official website of the Federal State Statistics Service [site]. – URL: <https://rosstat.gov.ru>. – Text : electronic (date of access: 19.03.2025).

ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЛОГЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF BLOGGING ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

ПРОВАЛИНСКИЙ Дмитрий Игоревич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти,
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева.

115409, Россия, г. Москва Каширское шоссе д. 74 А.

E-mail: dmi38288850@yandex.ru;

PROVALINSKY Dmitry Igorevich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law, State and Judicial Power,
Lebedev Russian State University of Justice.

74A Kashirskoe highway, Moscow, 115409, Russia.

E-mail: dmi38288850@yandex.ru

Краткая аннотация: Техническое развитие глобальной телекоммуникационной сети Интернет способствовало появлению новых форматов взаимодействия в Сети, одним из которых стал так называемый блогинг, который постепенно занял определенную нишу в вопросах подачи и обсуждения информации. Масштаб влияния блогинга на общественные процессы не был своевременно оценен со стороны государства. Это явилось одной из причин длительного нахождения блогерской деятельности в зоне саморегулирования. Предметом исследования являются теоретико-юридические аспекты осуществления правового регулирования блогерской деятельности в Российской Федерации в период с 2008 по 2024 годы. В исследуемый период времени выдвигались различного рода инициативы и разрабатывались законопроекты, часть из которых осталось невоплощенными в жизнь, а ряд принятых правовых актов не получили должной правовой реализации ввиду различных причин, главной из которых можно назвать непроработанность предмета регулирования. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что необходима теоретическая разработка общей концепции правового регулирования блогерской деятельности, а для этого необходим качественный детальный анализ всех неудачных правовых конструкций, затруднявших или даже сделавших невозможными правовую реализацию и правоприменение.

Abstract: Technical development of the global telecommunications network Internet contributed to the emergence of new formats of interaction on the Network, one of which was the so-called blogging, which gradually occupied a certain niche in matters of presentation and discussion of information. The scale of the influence of blogging on social processes was not promptly assessed by the state. This was one of the reasons for the long stay of blogging activity in the zone of self-regulation. The subject of the study is the theoretical and legal aspects of the implementation of legal regulation of blogging activity in the Russian Federation in the period from 2008 to 2024. During the studied period, various initiatives were put forward and bills were developed, some of which remained unimplemented, and a number of adopted legal acts did not receive proper legal implementation due to various reasons, the main one of which can be called the lack of development of the subject of regulation. This circumstance allows us to conclude that it is necessary to theoretically develop a general concept of legal regulation of blogging activity, and for this purpose a high-quality detailed analysis of all unsuccessful legal structures that complicated or even made impossible the implementation and enforcement of law.

Ключевые слова: цифровое пространство, цифровые правоотношения, блогинг, блогеры, блогерское сообщество, Интернет-ресурсы, информационный посредник, правовое регулирование блогерской деятельности.

Keywords: digital space, digital legal relations, blogging, bloggers, blogging community, Internet resources, information intermediary, legal regulation of blogging activities.

Для цитирования: Провалинский Д.И. Опыт правового регулирования блогерской деятельности в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 65-70. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_65.

For citation: Provalinsky D.I. Experience of legal regulation of blogging activities in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 65-70. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_65.

Статья поступила в редакцию: 28.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

С развитием глобальной телекоммуникационной сети Интернет постепенно изменялись и трансформировались общественные отношения. Совершенствование цифровых технологий способствовало освоению новых форматов подачи информации, среди которых особую нишу занимает так называемый блогинг.

Практически бесконтрольное наполнение сети Интернет различного рода информацией и контентом вероятно достигло своей «точки кипения», поскольку все чаще стали звучать предложения о необходимости правового регулирования как отдельных сегментов, так и всего цифрового пространства, особо выделяя отдельных участников цифровых правоотношений.

Вопрос о необходимости правового регулирования деятельности блогеров время от времени поднимается в общественном пространстве, но, как правило, это происходит в случаях выявления резонансных ситуаций, будь то неуплата налогов, публикация провокационного контента (информационного материала) или проведение вызывающего эфира (трэш-стрима), призыва зрителей (подписчиков) к совершению противоправных или антиобщественных деяний (например, участие в несанкционированных митингах или каких-либо противозаконных акциях), не говоря уже о распространении ложной информации (фейков) по какому-либо вопросу или в связи с какой-либо ситуацией, либо вовсе пропаганда идей и взглядов, направленных на разрушение традиционных устоев и ценностей российского общества.

Следует отметить, что проблема правового регулирования деятельности блогеров вызывает озабоченность не только со стороны общества, но и государства.

Так, в 2023 году Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ публично признало, что в России отсутствует

правовое регулирование блогинга и высказалось о необходимости «разработать нормы регулирования работы блогеров» [9].

Однако необходимо отметить и то, что практически с самого начала зарождения в России блогинга, в государстве неоднократно принимались попытки правового регулирования данной деятельности.

2008 год

Так, в феврале 2008 года, задолго до появления в массовом обиходе понятия «блогер», сенатор Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Слуцкер выступил с законодательной инициативой о внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О средствах массовой информации». В частности, в законопроекте предлагалось установить обязательную регистрацию Интернет-ресурсов с аудиторией не менее 1 000 посещений в день. Действие такого закона, по замыслу автора законопроекта, должно было распространяться на сетевые Интернет-издания.

Однако, данная инициатива не была поддержана ни Советом Федерации РФ, ни Государственной Думой РФ, а ее публичные обсуждения вызвали множество вопросов и споров из-за абстрактных и обтекаемых формулировок, содержащихся в указанном законопроекте.

В июле 2008 года министром внутренних дел Российской Федерации Р.Г. Нургалиевым было озвучено предложение приравнять глобальную телекоммуникационную сеть Интернет к средствам массовой информации [6]. Основным аргументом данного предложения являлось то, что сеть Интернет выступает в качестве источника информации и может использоваться для пропаганды экстремизма и терроризма, ксенофобии, правового нигилизма и др.

Данное предложение не было принято, вероятно еще и потому, что в такой ситуации абсолютно каждый пользователь цифрового пространства мог быть приравнен к СМИ со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме всего прочего, открытым оставался вопрос о ресурсах для мониторинга на постоянной основе действий всех без исключения пользователей Сети.

2010 год

В отсутствие специального закона, направленного на урегулирование деятельности блогов и блогеров, а также каких-либо иных правовых актов, в которых раскрывалась бы дефиниция данных понятий, 30.11.2010 года Федеральной службой судебных приставов РФ утверждаются «Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе» [8]. В тексте данного документа упоминается понятие «блог» в качестве одного из объектов первоначального поиска с помощью сети Интернет сведений о должниках и их имуществе. При этом кроме указания на то, что должник, а соответственно и блог/блогер могут быть как физическими, так и юридическими лицами, каких-либо дефиниций данных понятий не содержится.

2013 год

В 2013 году в Гражданском кодексе РФ появился абсолютно новый субъект права – «информационный посредник».

Согласно ч. 1 ст. 1253.1 Гражданского кодекса РФ информационный посредник – это лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет», лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети [3].

Из приведенной дефиниции с очевидностью следует вывод о том, что «информационный посредник» – это «собирательное» понятие, поскольку под такие характеристики, каждый в отдельности, и все вместе, подпадают:

– Интернет-провайдер – субъект, предоставляющий услуги связи/подключения к глобальной телекоммуникационной сети Интернет;

– блогер – лицо, создающее и публикующее информационные материалы (контент), в том числе и из информации, содержащейся в Сети в свободном доступе;

– владелец Интернет-ресурса – субъект (физическое/юридическое лицо), обладающий правом собственности на Интернет-ресурс (сайт) в глобальной телекоммуникационной сети Интернет и предоставляющий на возмездной/безвозмездной основе доступ другим пользователям для создания и ведения блогов посредством размещения авторского контента;

– любой пользователь глобальной телекоммуникационной сети Интернет, взаимодействующий с различной информацией или информационными материалами (контентом) за счет их тиражирования (пост/репост), рассылки или загрузки информационного материала в Сеть.

Приведенное наглядно показывает, что законодательное закрепление достаточно «размытого» термина «информационный посредник» никоим образом не способствовало достижению цели определенности понятийного аппарата, используемого для обозначения субъектов цифровых правоотношений, в том числе в вопросе дефиниции понятия «блогер».

2014 год

Попытка упорядочения деятельности Интернет-ресурсов как источника информации предпринималась в 2014 году, когда был принят Федеральный закон от 05.05.2014 N 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [19], которым на собственников Интернет-ресурсов (сайтов, блогов и др.) с активной аудиторией, посещающей соответствующие ресурс или страницу в социальной сети (свыше 3 000 пользователей в сутки), была возложена обязанность регистрироваться в Роскомнадзоре. Кроме того, накладывался ряд ограничений на информационное содержание соответствующих ресурсов/страниц.

На практике из-за непродуманности и поспешности принятия данных поправок в Закон, нововведения были восприняты негативно не только блогерским сообществом, окрестившим их «Законом о блогерах», но и обычными пользователями Сети, и были расценены ими как по-

пытка ограничения свободы слова и введение цензуры не только относительно деятельности блогеров, но и в российском сегменте цифрового пространства в целом.

Ситуация с правоприменением данной нормы усугублялась следующим:

– из-за отсутствия установленной законом юридической ответственности принятые поправки повсеместно были проигнорированы большинством представителей блогерского сообщества (как иностранными блогерами, создающими информационные материалы для русскоязычной аудитории, так и российскими блогерами).

Дополнившей КоАП РФ статьей 19.7.10 «Непредставление сведений или представление заведомо недостоверных сведений в орган, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» (введена Федеральным законом от 05.05.2014 № 97-ФЗ) [19] предусматривалась ответственность лишь за непредставление или несвоевременное предоставление соответствующей информации в Роскомнадзор;

– большинство Интернет-ресурсов, предоставляющих «трибуну» российским и русскоязычным блогерам были и остаются иностранными (YouTube, Twitter (ныне X), Instagram и др.). Условием ведения блогов на таких ресурсах является соблюдение установленных ими правил и норм, а также законодательства США;

– отсутствие на многих ресурсах открытого (общедоступного) счетчика посещения веб-страниц (в сутки или иные условные временные промежутки), также создавало формальные основания для игнорирования требований Закона.

Методика определения количества пользователей, утвержденная Приказом Роскомнадзора от 9 июля 2014 г. № 99 [12], также оказалась неэффективной и лишь создавала дополнительные бюрократические проволочки в процессе получения и предоставления необходимых данных.

Анализ этих причин в совокупности дает нам основание для вывода о том, что именно они послужили причиной для принятия Федерального закона от 29.07.2017 № 276-ФЗ [20], которым была признана утратившей силу ст. 10.2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», содержащая положения, касающиеся регулирования деятельности блогеров, в том числе и в части ведения реестра.

С этого времени Роскомнадзор перестал вести реестр блогеров [17].

Тем самым «de jure» и «de facto» блогеры были возвращены в зону саморегулирования и приравнены к обычным пользователям Сети, что представляется как минимум недальновидным, поскольку даже за те семь лет (практически упущенных), когда действовали положения ст. 10.2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» по результатам практики надзорной деятельности Роскомнадзора могли и должны были быть выработаны достаточно мобильные и гибкие правовые регуляторы, способствующие упорядочению блогерской деятельности, пресечению манипуляций общественным мнением с их стороны, а также искоренению присутствующих в Сети разнужданности и вседозволенности, прикрываемых свободой слова.

2017 год

В 2017 году со стороны государственных органов и должностных лиц предпринимались попытки организовать диалог с лидерами блогерского сообщества.

Так, в марте 2017 года Мединским В.П. (являвшимся на тот момент министром культуры РФ) была проведена встреча с представителями блогерского сообщества, на которой блогерам при создании информационных материалов (контента) предлагалось популяризировать образование и культуру среди молодежи [7].

В рамках этой встречи также была высказана инициатива «по созданию так называемого «совета блогеров» при молодежном парламенте Государственной Думы РФ, которая не нашла реального воплощения из-за отсутствия механизма действия данного инструмента, а также четко поставленных целей его воздействия». [5]

В мае 2017 года к теме блогеров обратились и депутаты Государственной Думы РФ, предоставившие трибуну для выступления Александре Балковской (более известной, как Саша Спилберг), которая в рамках своего выступления предложила законодателям изменить отношение к социальным сетям [10].

Однако также, как и в предыдущем случае произошло «пересечение» людей из «параллельных реальностей», не имеющих общих точек соприкосновения в понимании и восприятии обсуждаемых вопросов.

Данные мероприятия, к сожалению, никак ни повлияли на изменение ситуации, блогеры по-прежнему остались в зоне саморегулирования, вопрос о создании правовых регуляторов их деятельности более не поднимался.

2018 – 2020 годы

В целом названный период можно условно назвать временем затишья и практически отсутствия каких-либо подвижек в вопросе правового регулирования деятельности блогеров.

И это при том, что все очевидней становилось то обстоятельство, что отсутствие контроля и надзора в данной сфере способствует наращиванию оборотов разнужданного поведения, граничащего с противоправным, со стороны отдельных представителей блогерского сообщества.

Пожалуй, в качестве наиболее показательного примера следует назвать возмутительное с точки зрения морали и противоправное с точки зрения закона поведение отдельных блогеров, освещавших события пожара, произошедшего 25 марта 2018 года в ТРЦ «Зимняя вишня» (г.

Кемерово), которые не понесли ни общественного порицания, ни какой-либо юридической ответственности за распространение ложной информации о числе жертв трагедии и якобы о сокрытии властями данных о количестве погибших, спровоцировавшей среди местного населения стихийные митинги и акции протеста. [13]

Эта ситуация должна была бы послужить, как минимум, поводом для правотворческих инициатив, но этого не произошло.

Более того, в июне 2018 года в ходе прямой линии с Президентом РФ (07.06.2018) представителями блогерского сообщества поднимался вопрос о включении их в перечень профессий – блогеров [15]. Однако данная инициатива поддержки у Президента РФ не нашла.

2021 год

Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021г. № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г.» [16] блогерство (как указано в распоряжении) отнесено к творческим (креативным) индустриям.

2022 год

На прошедшем летом 2022 года Петербургском международном юридическом форуме общественной организацией «Совет блогеров» была озвучена инициатива по включению блогеров в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) с присвоением отдельного кода – «73.3. Деятельность в сфере информирования и влияния на мнение аудитории в социальных сетях и создания пользовательского контента» [14].

Судя по тому, что на момент проведения данного исследования ОКВЭД [11] (в редакции от 11.10.2024) по-прежнему не содержит в себе такого классификатора вида экономической деятельности, вопрос этот так и остался не решенным. Блогеры, которые регистрируют ИП или ООО, по-прежнему выбирают код 59.11 ОКВЭД «Производство кинофильмов и телевизионных программ», который не отражает существо их деятельности.

В октябре 2022 года главой комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей было объявлено о том, что в Государственной Думе РФ разрабатывается проект «Этического кодекса блогера», в котором предполагается прописать «принципы работы блогеров, работу с информацией, принцип честности... Кроме того, бесконфликтность – блогеры не должны оскорбительно вести себя» [2].

По состоянию на март 2025 года какой-либо информации о реализации данного заявления нет. Каким в итоге может получиться данный акт, сложно предположить, а еще более сложно предположить эффективность его регулирующего воздействия.

В декабре 2022 года на круглом столе в Государственной Думе РФ общественная организация «Совет блогеров» выступила с предложением «ввести добровольную регистрацию блогов как СМИ и наделить их возможностями и правами журналистов – в частности, относительно запросов в госорганы и организации, а также аккредитации на общественно значимые мероприятия» [18].

Какая-либо информация о реализации данной инициативы в настоящее время отсутствует. Следует отметить, что, как и многие инициативы, выдвигаемые блогерским сообществом, она, в очередной раз, направлена на обретение блогерами определенной общественной значимости, усиление роли в формировании общественного мнения, приобретение возможностей легально взаимодействовать с государственными органами по вопросам, представляющим интерес, прежде всего, для лиц, подлежащих наделению таким статусом (имеется в виду статус журналиста) в отсутствие каких-либо правовых механизмов, обеспечивающих профессиональное и этическое поведение с их стороны при указанном взаимодействии.

2023 год

В начале 2023 года депутатами Государственной Думы РФ от партии «Справедливая Россия» был подготовлен законопроект по вопросам правового регулирования деятельности блогеров и направлен в Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ для оценки регулирующего воздействия будущего закона.

Согласно этому законопроекту блогерам предлагается пройти добровольную регистрацию в качестве СМИ в том случае, если их блог посещают 5000 уникальных пользователей в день. С момента такой регистрации информация, опубликованная в блоге, перестанет расцениваться как личное мнение автора (блогера). Помимо этого, также предлагается внести соответствующие изменения в ст. 8 Закона РФ «О средствах массовой информации» [1, 4].

В декабре 2023 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о запрете распространения фото- и видео с изображениями жестокости. Указанный законопроект затрагивал, в том числе, деятельность блогеров, которые вдут так называемые «треш-стримы».

2024 год

В августе 2024 года были приняты ряд законов, направленных на борьбу с «треш-стримами».

Так, Федеральным законом от 08.08.2024 № 216-ФЗ [21], пункт 5 части 1 ст.10.6 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дополнен пунктом «к», в котором по существу приводится легальное определение так называемого «треш-стрима» – это информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

Говоря о легальности, здесь, конечно же, следует уточнить, что понятие «треш-стрим» является сленговым и, естественно, Закон не содержит таких формулировок конкретно, однако смысл содержания указанных действий получил свое правовое закрепление.

За названные действия Федеральным законом от 08.08.2024 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об

административных правонарушениях» [22] введена административная ответственность, которая предусматривается теперь частью 12 статьи 13.15 КоАП РФ.

Кроме того, Федеральным законом от 08.08.2024 № 218-ФЗ [23] внесены изменения в 11 статей (ст. ст. 63, 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 127²) Уголовного кодекса РФ, составы которых дополнены таким квалифицирующим признаком, как совершение преступления «с публичной демонстрацией, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет».

Регулирующее воздействие данных законодательных актов представляется вполне взвешенным, а подход решению проблемы – своевременным и системным.

В августе 2024 года был принят еще один Закон – Федеральный закон от 08.08.2024 № 303-ФЗ [24], статьей 3 которого, в частности, внесены изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Эти изменения коснулись владельцев страниц в соцсетях, аудитория которых превышает 10 тысяч пользователей. Начиная с 01.11.2024, такие лица должны предоставлять в Роскомнадзор сведения о себе в порядке, устанавливаемом Правительством РФ. Ведение перечня таких страниц в соцсетях возлагается на Роскомнадзор. В настоящее время в реестре социальных сетей Роскомнадзора числятся 15 ресурсов: «ВКонтакте», «Одноклассники», TikTok, YouTube, Telegram, RuTube, Twitch, Twitter (X), Likee, LeveJournal, Pinterest, Yappy, «Пикабу», «Дзен», Discord.

О том, насколько эффективным окажутся такие законоположения и будет ли достигнута их цель – так называемая «деанонимизация» владельцев каналов в мессенджерах, а иными словами, борьба с анонимностью блогеров, имеющих большие аудитории (свыше 10 тысяч подписчиков), с которой анонсировалось введение в действие названного Закона, покажет его правоприменение.

Анализ отечественного опыта правового регулирования блогерской деятельности позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, попытки в том или ином виде приравнять блогеров или наделить их полным или частичным статусом журналиста продемонстрировали крайне поверхностное изучение вопроса субъектами, наделенными правом законодательной инициативы и выступавшими с такими предложениями.

Более того, создается впечатление, что проблему отсутствия правового регулирования блогерской деятельности хотели решить, как говорится «с наскока», что крайне неосмотрительно, особенно когда речь идет о таком массовом не управляемом (и даже не самоуправляемом) сообществе, имеющем определенное влияние на аудиторию (подписчиков) и на общественное мнение.

Во-вторых, за основу в указанных инициативах почему-то принимались юридические конструкции, которые применимы лишь к таким средствам массовой информации как газеты, радио и телевидение. При этом со стороны авторов законопроектов и инициативных групп допускалось явное игнорирование (а порой попросту незнание) принципов организации и работы цифрового пространства и цифровых ресурсов.

В-третьих, полное игнорирование все новыми и новыми инициативными группами неудачного опыта предыдущих инициатив и попыток правового регулирования, а именно – «заикленность» на «привязке» к количеству посещений уникальных пользователей в сутки, (которую, как отмечалось выше, трудно установить и зафиксировать), а также на добровольности регистрации в контролирующих органах; отождествление (полностью или частично) блогеров с журналистами.

Вышеизложенное дает нам основание для вывода о том, что необходима теоретическая разработка общей концепции правового регулирования блогерской деятельности, на основе которой необходимо решать вопрос о приведении блогинга из зоны саморегулирования в рамки правового поля. Для этого необходим и качественный детальный анализ всех неудачных правовых конструкций, затруднявших или даже сделавших невозможными правореализацию и правоприменение.

Действительно, блогинг является относительно новым явлением как для общества, так и для государства, ввиду чего на начальном этапе его становления не был оценен весь масштаб его влияния на общественные процессы. Однако в настоящее время, когда основные его особенности уже проявились в достаточной мере, государством должна быть поставлена задача выведения этой деятельности из «серой» зоны неурегулированности, а потому и вседозволенности, в зону правового поля, внятного и понятного правового положения блогеров в качестве полноправных субъектов цифровых правоотношений.

Список литературы:

1. Блогерам в России предложат пройти добровольную регистрацию в качестве СМИ. Режим доступа: <https://www.ixbt.com/news/2023/04/05/blogeram-v-rossii-predlozhat-proiti-dobrovolnuju-registraciju-v-kachestve-smi.html> (дата обращения: 24.03.2024).
2. В кодекс блогера включают нормы достойного поведения перед подписчиками. Режим доступа: <https://ria.ru/20221028/kodeks-1827665778.html> (дата обращения: 12.01.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собр. законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). ст. 5496.
4. Законопроект о легализации работы блогеров направлен в Минцифры. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/04/05/969523-zakonoproekt-o-legalizatsii-raboti-bloggerov-napravlen-v-mintsifri> (дата обращения: 24.03.2024).
5. Зеленова Е.В., Гусарова М.Е. Правовое регулирование блогосферы: опыт и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2021. №6 (198). С.193-195.
6. МВД предлагает признать интернет средством массовой информации. Режим доступа: <https://ria.ru/20080711/113751853.html> (дата обращения: 12.05.2024).
7. Мединский предложил блогерам сотрудничество в популяризации культуры. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/culture/552908> (дата обращения: 20.05.2024).
8. Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе (утв. ФССП РФ 30.11.2010 № 02-7) (ред. от 16.03.2011) // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. № 1. 2011.
9. Минцифры предложило разработать нормы регулирования работы блогеров. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/05/2023/6452d27f9a7947b3ea0b421b/ (дата обращения: 06.01.2025).
10. Молодежная политика в стиле бьюти: чему нас учит Саша Спилберг. Режим доступа: <https://ria.ru/20170524/1494959552.html> (дата обращения: 12.01.2025).

11. «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст) (ред. от 11.10.2024). Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=491114&dst=100001#Zd2dfZUWwjUvxDB61> (дата обращения: 12.01.2025).
12. Приказ Роскомнадзора от 09.07.2014 № 99 «Об утверждении Методики определения количества пользователей сайта или страницы сайта в сети «Интернет» в сутки» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.07.2014 № 33340) // Российская газета. № 187. 20.08.2014. Документ утратил силу в связи с изданием Приказа Роскомнадзора от 09.10.2017 № 201, вступившего в силу по истечении 10 дней после дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 31.10.2017).
13. Провалинский Д.И. Некоторые проблемы, связанные с реализацией прав человека в сети Интернет // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции (20-21 сентября 2019 г.). 2019. С. 83-91.
14. Профессия «блогер». Как законодатели пытаются легализовать блогерский бизнес. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2022/7/26/professiya_blogger_kak_zakonodатели_pyatayutsya_legalizovat_blogerskij_biznes/ (дата обращения: 13.01.2025).
15. Путин рассказал, станет ли блогинг официальной профессией. Режим доступа: <https://rg.ru/2018/06/07/reg-urfo/putin-rasskazal-stanet-li-blogging-oficialnoj-professiej.html> (дата обращения: 13.01.2025).
16. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р (ред. от 26.01.2024) «Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» // Собр. законодательства РФ. № 40. 04.10.2021. ст.6877.
17. Роскомнадзор прекращает вести реестр блогеров. URL.: <https://rkn.gov.ru/press/news/news48342.htm> (дата обращения: 12.01.2025).
18. Совет блогеров выступил в Госдуме с предложением ввести добровольную регистрацию блогеров как СМИ. Режим доступа: <https://sovet-bloggerov.ru/23-12-22> (дата обращения: 24.03.2024).
19. Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Собр. законодательства РФ. 12.05.2014. № 19. ст. 2302.
20. Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства РФ. 31.07.2017. № 31 (Часть I). ст. 4825.
21. Федеральный закон от 08.08.2024 № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть I). ст. 4912.
22. Федеральный закон от 08.08.2024 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собр. законодательства РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть I). ст. 4913.
23. Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть I). ст. 4914.
24. Федеральный закон от 08.08.2024 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть II). ст. 4999.

References:

1. Bloggers in Russia will be offered to voluntarily register as a media outlet. Access mode: <https://www.ixbt.com/news/2023/04/05/bloggeram-v-rossii-predlozhat-projti-dobrovolnuyu-registraciju-v-kachestve-smi.html> (date of appeal: 03/24/2024).
2. The blogger's code will include standards of decent behavior in front of subscribers. Access mode: <https://ria.ru/20221028/kodeks-1827665778.html> (date of request: 12.01.2025).
3. The Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 12/18/2006 No. 230-FZ (as amended on 01/30/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 12/25/2006. No. 52 (1 part). Article 5496.4.
The draft law on legalizing the work of bloggers has been sent to the Ministry of Finance. Access mode: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/04/05/969523-zakonoproekt-o-legalizatsii-raboti-bloggerov-napravlenn-v-mintsifri> (date of access: 03/24/2024).
4. Zelenova E.V., Gusarova M.E. Legal regulation of the blogosphere: experience and prospects // Law and the State: theory and practice. 2021. №6 (198). С.193-195.
5. The Ministry of Internal Affairs proposes to recognize the Internet as a mass media outlet. Access mode: <https://ria.ru/20080711/113751853.html> (date of publication: 05/12/2024).
6. Medinsky offered bloggers cooperation in popularization of culture. Access mode: <https://www.interfax.ru/culture/552908> (date of publication: 05/20/2024).
7. Methodological recommendations on using the Internet to search for information about debtors and their property (approved by the Federal Migration Service of the Russian Federation on 11/30/2010 No. 02-7) (as amended on 03/16/2011) // Bulletin of the Federal Bailiff Service No. 1. 2011.
8. The Ministry of Finance has proposed to develop standards for regulating the work of bloggers. Access mode: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/05/2023/6452d27f9a7947b3ea0b421b / (date of access: 06.01.2025).
9. Youth policy in the style of beauty: what Sasha Spielberg teaches us. Access mode: <https://ria.ru/20170524/1494959552.html> (date of notification: 12.01.2025).
10. "OK 029-2014 (КДЕС Ed. 2). All-Russian classifier of types of economic activity" (approved by Rosstandart Order No. 14-st dated 01/31/2014) (as amended on 10/11/2024). Access mode: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=491114&dst=100001#Zd2dfZUWwjUvxDB61> (date of request: 12.01.2025).
11. Roskomnadzor Order No. 99 dated 07/09/2014 "On Approval of the Methodology for Determining the Number of Users of a Website or a Website Page on the Internet per Day" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 07/29/2014 No. 33340) // Rossiyskaya Gazeta. № 187. 20.08.2014. The document became invalid due to the issuance of Roskomnadzor Order No. 201 dated 09.10.2017, which entered into force 10 days after the date of its official publication (published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> – 31.10.2017).
12. Provalinsky D.I. Some problems related to the realization of human rights on the Internet // Yenisei political and legal readings: a collection of scientific articles based on the materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference (September 20-21, 2019). 2019. pp. 83-91.
13. Profession "blogger". How legislators are trying to legalize the blogging business. Access mode: https://zakon.ru/blog/2022/7/26/professiya_blogger_kak_zakonodатели_pyatayutsya_legalizovat_blogerskij_biznes/ (date of access: 01/13/2025).
14. Putin told whether blogging will become an official profession. Access mode: <https://rg.ru/2018/06/07/reg-urfo/putin-rasskazal-stanet-li-blogging-oficialnoj-professiej.html> (accessed: 01/13/2025).
15. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09/20/2021 No. 2613-r (as amended on 01/26/2024) "On approval of the Concept for the Development of creative Industries and mechanisms for their state support until 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. No. 40. 04.10.2021. art.6877.
16. Roskomnadzor stops keeping a register of bloggers. URL.: <https://rkn.gov.ru/press/news/news48342.htm> (date of appeal: 12.01.2025).
17. The Council of Bloggers made a proposal in the State Duma to introduce voluntary registration of blogs as mass media. Access mode: <https://sovet-bloggerov.ru/23-12-22> (date of request: 03/24/2024).
18. Federal Law No. 97-FZ of 05.05.2014 (as amended on 29.07.2017) "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Streamlining the exchange of information using Information and Telecommunications Networks" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05/12/2014. No. 19. art. 2302.
19. Federal Law No. 276-FZ dated July 29, 2017 "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07/31/2017. No. 31 (Part I).
art. 4825.21. Federal Law of 08.08.2024 No. 216-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 08/12/2024. No. 33 (Part I). Article 4912.
20. Federal Law No. 217-FZ dated 08.08.2024 "On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 08/12/2024. No. 33 (Part I). Art. 4913.
21. Federal Law of 08/08/2024 No. 218-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 08/12/2024. No. 33 (Part I). Art. 4914.
22. Federal Law of 08/08/2024 No. 303-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Communications" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 08/12/2024. No. 33 (Part II). art. 4999.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ THE SOCIAL SECURITY SYSTEM IN RUSSIA: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

ЕМБУЛАЕВА Наталья Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.

350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

E-mail: nembulaeva@mail.ru;

ШАПОВАЛОВ Анатолий Вячеславович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина.

350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

E-mail: anatolyinfo@mail.ru;

EMBULAeva Natalia Yurievna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Russia.

E-mail: nembulaeva@mail.ru;

SHAPOVALOV Anatoly Vyacheslavovich,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Kalinina str., 13, Krasnodar, 350044, Russia.

E-mail: anatolyinfo@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются различные подходы к пониманию сущности системы социального обеспечения. Уделяется внимание анализу сущностных и атрибутивных характеристик данного многоаспектного явления.

Abstract: The article discusses various approaches to understanding the essence of the social security system. Attention is paid to the analysis of the essential and attributive characteristics of this multidimensional phenomenon.

Ключевые слова: социальное обеспечение, материальные блага, социальное неравенство граждан, государственное социальное обеспечение, специфика правового регулирования.

Keywords: social security, material benefits, social inequality of citizens, state social security, specifics of legal regulation.

Для цитирования: Ембулаева Н.Ю., Шаповалов А.В. Система социального обеспечения в России: теоретико-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 71-73. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_71.

For citation: Embulaeva N.Yu., Shapovalov A.V. The social security system in Russia: theoretical and legal analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 71-73. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_71.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Процессы развития отечественной системы соцобеспечения и формирования четкого, структурированного понятия системы соцобеспечения протекали параллельно друг другу.

Необходимость обоснованности социального обеспечения как общественного явления с научной точки зрения объясняется отсутствием общепринятой трактовки понятия социального обеспечения как явления, состоящего из множества аспектов. Каждый автор трактует данное понятие по-своему. В целом, с научной точки зрения понятие социального обеспечения рассматривается как экономическая или правовая категория.

Экономический характер социального обеспечения как общественного явления заключается главным образом в необходимости решения проблемы социального неравенства граждан, которое выражается в неравенстве личных доходов, связанным с неравным распределением национального дохода. Опыт зарубежных стран показывает, что в данном случае целесообразно осуществить перераспределение национального дохода на государственном уровне, при котором будет задействована фискальная и социальная политика, в структуру которой как раз входит соцобеспечение [5, с. 68].

Правовой характер социального обеспечения как общественного явления заключается, главным образом, в правовом сопровождении процесса перераспределения национального дохода, которое, в свою очередь, опирается на нормативно-правовое закрепление:

- видов и способов осуществления соцобеспечения;
- порядка формирования соответствующих финансовых систем и закрепления их правового статуса;
- порядка защиты и восстановления нарушенных прав граждан и др. [5, с. 68].

Гражданин имеет право рассчитывать на соцобеспечение в следующих случаях:

- потребность в поддержке со стороны государства в случае наступления:
 - а) обстоятельств, не зависящих от человека;
 - б) потребности в восстановлении статуса полноценного члена общества;

в) потребности в получении гарантий социального комфорта.

Все вышесказанное подтверждает значимость социального обеспечения как социальной категории.

В современных условиях соцобеспечение характеризуется следующими сущностными признаками:

1) организационно-правовые способы распределения национального дохода между гражданами регулируются на государственном уровне;

2) социальные риски, которые могут считаться основаниями для предоставления гражданину помощи социального характера, закрепляются в действующем законодательстве и регулируются законодательными органами;

3) регулирование системы соцобеспечения осуществляется на нормативно-правовой или договорной основе, но только в том случае, если это было санкционировано государством;

4) минимальный порог стандарта соцобеспечения закрепляется в действующем законодательстве и регулируется законодательными органами государства.

Исходя из вышеперечисленных признаков, можно дать определение соцобеспечения как общественного явления. При этом следует отметить, что в силу многоаспектности и универсальности данного явления ни одна из существующих трактовок не сможет в полной мере отразить сущность понятия «социальное обеспечение».

По мнению ученых, которые занимаются исследованиями в области права соцобеспечения, под соцобеспечением следует понимать способ распределения части ВВП, при котором населению предоставляются материальные блага для того, чтобы исключить неравномерное распределение личных доходов и нивелировать последствия социальных рисков. При этом задействуются целевые финансовые источники на регулируемых на уровне законодательства условиях [5, с. 84].

Под государственным соцобеспечением понимается деятельность государственных органов, направленная на оказание отдельным категориям граждан необходимой материальной помощи, которая позволит покрывать все их жизненные потребности. Основаниями, в соответствии с которыми граждане могут претендовать на получение материальной помощи от государства, являются следующие: достижение определенного возраста (например, выход на пенсию); нетрудоспособность (временная или постоянная); потеря кормильца; инвалидность; иные предусмотренные законом основания. Оказание материальной помощи отдельным категориям населения со стороны государства осуществляется благодаря существованию и функционированию специально создаваемых фондов, которые формируются из страховых взносов и ассигнований из федерального бюджета [7, с. 37].

Помимо вышерассмотренных трактовок, соцобеспечение также может рассматриваться как система отношений между представителями социума и государственными органами, в ходе которых граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации по тем или иным, не зависящим от них причинам, получают материальную помощь от государства из специально созданных фондов страхования и социального обеспечения. Л. Ржаницина, в свою очередь, под соцобеспечением понимает распределение социальных выплат между отдельными категориями граждан, которые имеют право претендовать на такие выплаты, в соответствии с действующими законодательными нормами и правилами, являющимися одинаковыми для всех лиц и органов [6, с. 48].

По мнению М. О. Буяновой, соцобеспечение выражает социальную политику государства, в соответствии с которой отдельные категории граждан получают материальную поддержку со стороны государства путем выделения средств из соответствующих фондов. Основаниями при этом также считаются события, наступление которых не зависит от представителей вышеупомянутых категорий граждан, и социальная значимость которых предполагает необходимость вмешательства государства с целью восстановления социального равенства [4, с. 11].

Рассмотрев вышеприведенные трактовки понятия «соцобеспечение», можно определить, что все они характеризуют понятие как социальную категорию и описывают его отличительные черты.

В общественной жизни соцобеспечение играет ключевую роль, сущность которой, впрочем, может зависеть от проблем социального значения, их характера и степени воздействия на общество. Функции социального обеспечения сводятся к:

1) использованию соцобеспечения государственными органами в экономических целях (распределение части ВВП для восстановления социального равенства и нивелирования различного рода социальных рисков, связанных с потерей дохода и т.п.);

2) осуществлению трудовой деятельности в производственных целях, а также в целях удовлетворения нужд населения социального характера;

3) материальной (социальной) поддержке населения, которая включает в себя предоставление гражданам тех или иных материальных благ с целью удовлетворения основных социальных потребностей и недопущения падения уровня жизни граждан;

4) проведению мероприятий, направленных на реализацию социальной политики государства в отношении соцобеспечения населения. В соответствии с действующей Конституцией РФ, Россия является социальным государством, главные направления реализации социальной политики которого заключаются в достижении максимально высокого уровня жизни граждан. Система соцобеспечения при этом является главным инструментом осуществления социальной политики на государственном уровне, а эффективность функционирования данной системы определяет уровень социального равновесия в стране.

5) защите граждан от воздействия не зависящих от них негативных факторов, которые приводят к ухудшению условий и падению уровня жизни. Финансирование соцобеспечения осуществляется из специально созданных для этого фондов. Последние, в свою очередь, бывают государственными (финансирование в данном случае осуществляется государством), и негосударственными (финансирование в данном слу-

чае осуществляется соответственно негосударственными органами).

Что касается государственного соцобеспечения, то организационно-правовыми формами последнего могут быть: страхование, обеспечение и помощь.

Под государственным социальным страхованием понимается совокупность организационных, правовых и экономических мер, которые способствуют нивелированию последствий негативного воздействия факторов социального характера, которые могут приводить к падению уровня жизни населения [3, с. 86].

Под государственной социальной помощью традиционно понимают различного рода выплаты социального характера, на которые могут рассчитывать малоимущие семьи и одинокие граждане, доход которых ниже установленного законодательством прожиточного минимума.

Под государственным социальным обеспечением понимаются денежные выплаты, на которые отдельные категории граждан имеют право претендовать при наличии на то законных оснований. Такими выплатами могут быть: пенсия; пособие; различные компенсации и выплаты социального характера.

Под пенсией понимается выплата, производящаяся на регулярной основе на основании определенных обстоятельств, предусмотренных действующим законодательством. Для выплаты пенсий существуют специальные фонды.

Обстоятельствами, которые являются основаниями для выплаты пенсий гражданам, определяются такие виды пенсий: по государственному пенсионному обеспечению и трудовая.

Первая представляет собой ежемесячную денежную выплату, осуществляемую государством на основании предусмотренных законодательных норм. Целью государственного пенсионного обеспечения является компенсация трудового дохода граждан, которые по тем или иным причинам не могут продолжать свою трудовую деятельность или имеют выслугу на государственной службе, срок которой позволяет им досрочно выйти на пенсию. К причинам, не позволяющим гражданам продолжать трудовую деятельность, которые могут являться основаниями выхода на пенсию, помимо достижения пенсионного возраста, относят: инвалидность; потеря кормильца; нетрудоспособность; нанесенный здоровью вред при прохождении военной службы; нанесенный здоровью вред в результате катастроф техногенного или радиационного характера [1].

Законодательные условия и нормы определяют порядок и размер компенсационных выплат, которые получают отдельные категории граждан на основании страховки. К таким категориям относятся граждане, утратившие доход или потерявшие кормильцев. Такие компенсационные выплаты называются трудовыми пенсиями [2].

Компенсационные выплаты, которые являются дополнительной материальной помощью, называются пособиями. Такие выплаты фактически дополняют основной источник дохода отдельных категорий граждан, а их размер устанавливается и регулируется на законодательном уровне.

Если в жизни получателя наступают не зависящие от него обстоятельства, в результате которых последний начинает нуждаться в материальной поддержке, государство выплачивает компенсации. Компенсации могут быть нескольких видов, которые определяются характером обстоятельств, повлекших за собой потребность в получении гражданином материальной помощи со стороны государства (например, академический отпуск студента или рождение ребенка).

В случае наступления у граждан тяжелой жизненной ситуации в работу включаются социальные службы, обязанностью которых является предоставление социального обслуживания граждан, нуждающихся в помощи.

Такая помощь, оказываемая в рамках социального обслуживания населения, может носить материальный, психолого-педагогический, социально-правовой, адаптационный, бытовой, реабилитационный и др. характер.

Социальное обслуживание может осуществляться как по месту проживания получателя, так и на базе специализированных соц. учреждений, в которые граждане могут обратиться за помощью. Социальное обслуживание также предоставляется на соответствующих законных основаниях.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить многоаспектность соцобеспечения как явления социального характера. Данное явление в целом носит положительный характер, так как способствует успешной реализации социально значимых функций, направленных на регулирование уровня жизни граждан и нивелирование негативных последствий различного рода жизненных обстоятельств, в которых оказываются граждане, на государственном уровне.

При этом на сегодняшний день отечественную систему соцобеспечения нельзя считать полноценной, так как ее деятельность не позволяет в полной мере избавиться от растущей социальной напряженности.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» от 15.12.2001 №166-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №51. – Ст.4831.
2. Федеральный закон «О трудовых пенсиях в РФ» от 17.12.2001 №173-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №52(1). – Ст. 4920.
3. Галаганов В. П. Государственная социальная помощь в системе права социального обеспечения // Право и политика. – 2003. – № 6. – С.81–87.
4. Право социального обеспечения. Общая часть: учебник / коллектив авторов; под ред. М. О. Буяновой. – Москва: КНОРУС, 2021. – 224 с.
5. Право социального обеспечения России: учебник для бакалавров / отв. ред. Э. Г. Тучкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 480 с.
6. Ржаницына Л. Экономический рост должен сопровождаться повышением уровня жизни населения // Человек и труд. – 2004. – №1. – С. 47–51.
7. Шарин В.И. «Социальное обеспечение» – понятие, требующее уточнения // Социальное обеспечение. – 2005. – № 6. – С.36–39.

References:

1. Federal Law "On State Pension Provision in the RF" dated 12.15.2001 No. 166-FZ // Collection of Legislation of the RF. – 2001. – No. 51. – Art.4831.
2. Federal Law "On Labor Pensions in the RF" dated 17.12.2001 No. 173-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – №52(1). – 4920.
3. Galaganov V.P. State social assistance in the system of social security law // Law and politics. – 2003. – No. 6. – pp.81–87.
4. The right of social security. General part: textbook / collective of authors; edited by M.O. Buyanova. – Moscow: KNORUS, 2021. – 224 p.
5. The right of social security in Russia: textbook for bachelors / ed. by E. G. Tuckov. – 2nd ed., revised. and add. Moscow: Prospekt Publ., 2017. – 480 p.
6. Rzhantsyna L. Economic growth should be accompanied by an increase in the standard of living of the population // Man and labor. – 2004. – No. 1. – pp. 47–51.
7. Sharin V.I. "Social security" is a concept that requires clarification // Social security. – 2005. – No. 6. – pp. 36–39.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_74

УДК 340.1

СУЩНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ THE ESSENCE OF THE DEMOGRAPHIC FUNCTION OF THE RUSSIAN STATE: PROBLEM STATEMENT

ТУРАЕВА Дагмара Саламбековна,

ассистент кафедры «Информационное право и юриспруденция»

института цифровой экономики и технологического предпринимательства

ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова».

364021, Россия, Чеченская Республика, г. Грозный, проспект Хусейна Исаева, 100.

E-mail: mila_tur91@mail.ru;

TURAYEVA Dagmara S.,

Assistant Professor, Department of Information Law and Jurisprudence,

Institute of Digital Economics and Technological Entrepreneurship,

Grozny State Petroleum Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov.

100 Huseyn Isaev Avenue, Grozny, 364021, Russia, Chechen Republic.

E-mail: mila_tur91@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье в рамках постановки научной проблемы сформулированы основные аргументы в пользу признания демографической функции самостоятельной функцией Российского государства на современном этапе, в связи с чем осуществлена ревизия и анализ основных подходов к определению государственных функций в дореволюционный, советский и постсоветский периоды, выявлены некоторые существенные признаки данной категории. В результате автор приходит к выводу о том, что функции государства характеризуют содержание, правовые формы, полномочия органов публичной власти применительно к объектам правового регулирования – сферам общественных отношений, они обусловлены целями, задачами государства на определенном этапе его развития. Демографическое направление можно признать функцией Российского государства ввиду ее устойчивости во времени, выраженной социальной направленности, охвата деятельности всего государства в целом, комплексного характера.

Abstract: In this article, within the framework of the formulation of the scientific problem, the main arguments in favor of recognizing the demographic function as an independent function of the Russian state at the present stage are formulated, in connection with which the revision and analysis of the main approaches to the definition of state functions in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods are carried out, and some essential features of this category are identified. As a result, the author comes to the conclusion that the functions of the state characterize the content, legal forms, and powers of public authorities in relation to the objects of legal regulation – the spheres of public relations, they are determined by the goals and objectives of the state at a certain stage of its development. The demographic trend can be recognized as a function of the Russian state due to its stability over time, its pronounced social orientation, the coverage of the activities of the entire state as a whole, and its complex nature.

Ключевые слова: функция, функция государства, демографическая функция, деятельность, социальное назначение.

Keywords: function, state function, demographic function, activity, social purpose.

Для цитирования: Тураева Д.С. Сущность демографической функции Российского государства: постановка проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 74-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_74.

For citation: Turayeva D.S. The essence of the demographic function of the Russian state: problem statement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 74-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_74.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В настоящее время интерес к проблематике понятий, видов и системы функций Российского государства обусловлен в ряде случаев новыми или существенно скорректированными приоритетами правового регулирования, проблемами обеспечения суверенитета и безопасности, реализацией национальных интересов в соответствии с национальными стратегическими приоритетами.

Существенно то, что функции государства как основные направления его деятельности внутри государства и на международном уровне для их эффективной реализации должны быть детерминированы целеполаганием, прогнозированием, планированием и программированием социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечением национальной безопасности Российской Федерации, направленными на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации [1].

В сложившихся социально-экономических и политических условиях, с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан является ее национальными интересами на современном этапе [2]. До 31.12.2024 года в нашей стране действовал национальный проект «Демография», преобразованный с 01 января 2025 года в национальный проект «Семья» в составе пяти подпроектов: «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры». В 2024 году создан Совет при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики и в 2025 году утверждены Положение о Совете и его состав [3].

Относительно правового регулирования реализации государственной демографической и семейной политики на современном этапе уже сейчас можно констатировать формирование нового периода, озаменованного завершением действия Указа Президента РФ от 09.10.2007

N 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [4] и уже упомянутого нами национального проекта «Демография».

В ближайшей перспективе на повестке дня реализация основных задач демографической (точнее, демографической и семейной) политики, определение целей, задач, механизмов ее реализации в будущем. Так, на сайте Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации опубликован проект Распоряжения Правительства Российской Федерации «О Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года», включающий оценку сложившейся в данной сфере ситуации на настоящий момент; цель, основные задачи и приоритетные меры; основные механизмы, финансовые источники и этапы; оценку результатов ожидаемые результаты; контроль за реализацией стратегии [5].

Анализ основных положений представленных нами выше закона и нормативных источников стратегического характера (включая их опубликованные проекты) свидетельствует о том, что в Российской Федерации на высшем уровне демографические аспекты, связанные с повышением рождаемости, формированием мотивации к многодетности, увеличением ожидаемой продолжительности жизни, снижением смертности и уровня инвалидизации населения, профилактикой профессиональных заболеваний и т.д. (п. 33 Стратегии национальной безопасности) признаются стратегическим национальным приоритетом и самостоятельным направлением государственной политики.

В свою очередь, с учетом вышеизложенного, полагаем, что демографическое направление на современном этапе следует признать самостоятельной функцией государства. Обоснование нашего предложения содержится в данной статье.

Прежде всего, начнем с вопроса о понятии, природе и сущности функций государства – вопросу, который свое изучение на концептуальном уровне получил еще в советском правоведении.

Обращаясь к этимологии самого термина «функция», заметим, что он многозначен и, абстрагируясь от узкого математического значения, может быть определен, как: «работа, производимая органом, организмом»; «роль, значение чего-нибудь»; «обязанность, круг деятельности» [6].

Дореволюционный представитель юридической школы, автор «Энциклопедии права» Ф.В. Тарановский рассматривал государственную функцию применительно к ветвям государственной власти и разделению властей [7, с. 386]. Его современник С.А. Котляревский отмечал, что «логически функция предшествует органу; она есть нечто более основное и глубокое в жизни государства, и это вытекает из самой природы последнего» [8, с. 11]. Тем не менее, функция государства все же рассматривалась как некая первооснова, основание разделения государственных органов, но не направление деятельности самого государства как особой организации политической власти.

И только в советское время представления о функциях государства оформились в самостоятельное учение, в рамках которого были определены правовая природа, понятие, сущность, виды, система и формы осуществления функций государства.

Определенным методологическим ориентиром для формирования теории функций Советского государства послужила следующая характеристика государства, высказанная В.И. Лениным: «государство ни в коем случае не есть нечто инертное, оно всегда действует и действует очень энергично, всегда активно и никогда пассивно» [9, с. 124]. Данная фраза как нельзя лучше подтверждает принадлежность функционала не только учрежденным государством образованиям (государственным органам, должностным лицам и т.д.), но и ему самому. Таким образом, акцент в установлении природы государственных функций должен был перейти к самому государству.

Характерно, что в советское время научный интерес к рассматриваемой проблематике возник не сразу, поскольку сначала следовало определиться с классовым пониманием права и государства, их целей и задач. Поэтому в Энциклопедии государства и права 1925 года толкование функций государства отсутствовало [10, с. 661-663].

Некоторые ученые [11] полагают, что побудительным мотивом к разработке проблематики государственных функций послужило выступление И.В. Сталина в 1939 году на XVIII Съезде ВКП (б), содержащее упоминание о наличии внутренней (главной) и внешней (не главной) функций государств [12]. Со своей стороны, считаем, что потребность в формировании концептуального подхода к проблематике целей, задач, функций и социального назначения государства (в их диалектической взаимосвязи и взаимодействии) созрела объективно на фоне сформированных к тому времени представлений о понятии и сущности государства и права, а также потребности Советского государства в позиционировании себя на международной арене как независимого государства и обеспечения внутреннего суверенитета.

Тем не менее, уже спустя год, в учебнике по теории государства и права С.А. Голунского и М.С. Строговича появляется специальная глава, посвященная функциям государства и формам их осуществления (раздел, ставший традиционным для учебников по теории государства и права, вплоть до сегодняшнего дня – авт.), где функции государства были определены в качестве «основных сторон деятельности государства, направленной на разрешение тех задач, которые ставит перед ним господствующий класс и к достижению которых приравнивается все устройство государства» [13, с. 51]. Обратим внимание, что, помимо названных выше внутренних и внешних функций, авторами учебника были выделены хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная.

В конце 50-х годов прошлого века М.И. Пискотин функции государства определил, как «направление необходимой деятельности государства, предопределенной объективными факторами, потребностями сложившейся общественной жизни, с точки зрения её внутренних и внешних условий» [14, с. 90-91].

О взаимосвязи задач и функций государства так высказался Д.И. Чесноков: «...функции государства раскрывают его сущность применительно к особенностям данной эпохи и выдвинутым ею задачам. При этом, нередко одна и та же задача разрешается посредством нескольких функций государства...» [15, с. 15].

Вследствие проведенного анализа, можно констатировать, что к 1970 году в советской правовой доктрине сформировалась вполне

зрелая теория функций государства.

Так, Н.В. Черноголовкин утверждает, что, несмотря на особенности и различия частных определений государственных функций, их объединяет главное – «понимание функций государства как основных направлений в содержании его деятельности, определяемых задачами государства». Помимо этого, обращалось внимание на то, что функции государства опосредуют его сущность, политическую природу и предметное содержание государственной деятельности [16, с. 7-8].

Б.П. Курашвили систематизирует характерные черты функций государства, к которым причислены: абстрактность разделения государственной деятельности на виды; принадлежность функций не только государству, но и негосударственным организациям; относительное постоянство; системность и т.д. [17, с. 26-27].

Л.А. Морозова трактует функции государства как «основные направления его деятельности по управлению обществом, включая механизм государственного воздействия на развитие общественных процессов» [18, с. 98].

Проведенный анализ подходов к определению функций государства позволяет сформулировать следующие основные течения в рамках общей концепции.

Во-первых, можно выделить деятельностный подход, широко представленный в трудах М.И. Байтина, М.И. Пискотина, Т.Н. Радько, В.Е. Чиркина и других. Классическим здесь следует признать определение функций, предложенное М.И. Байтиным: это «основные направления внутренней и внешней деятельности государства, в которых выражаются и конкретизируются его классовая и общечеловеческая сущность и социальное назначение» [19, с. 59].

Во-вторых, достаточно условно можно говорить о наличии так называемого «предметно-политического» направления в деятельностном восприятии функций государства, когда его представители (к примеру, А.И. Денисов), не отрицая деятельностное воплощения функций, акцентируют внимание именно на предметно-политической составляющей [20, с. 315].

В-третьих, нельзя отрицать и ценность социально-телеологического и нормативно-телеологических подходов к восприятию функций государства, представители которых либо отождествляют цели и функции государства (Л.И. Каск [21, с. 7]), либо признают за целями решающую роль в воздействии государства на общественные отношения (А.П. Глебов [22]), либо определяют функции государства как нормативно-закрепленную деятельность, цели и основные дела государства (Ю.А. Тихомиров [23]).

Выявленная множественность подходов к определению функций государства свидетельствует о сложности рассматриваемой категории, ее сущностно-содержательной и видовой характеристики. Вместе с тем, данные подходы не противоречат друг другу, а лишь позволяют сформировать общую картину атрибутивных признаков государственных функций, определяющих их природу, сущность, содержание, виды и социальное назначение.

Таким образом, функции государства характеризуют содержание, правовые формы, полномочия органов публичной власти применительно к объектам правового регулирования – сферам общественных отношений, они обусловлены целями, задачами государства на определенном этапе его развития. Соответственно, демографическое направление можно признать одной из важных функций Российского государства ввиду ее устойчивости во времени, роли в обеспечении национальной безопасности [24], комплексного характера, выраженной социальной направленности, охвата деятельности всего государства в целом.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
3. Указ Президента РФ от 21.02.2025 № 99 «Об утверждении Положения о Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики и его состава» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21.02.2025.
4. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
5. Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/11?ysclid=m7tjwlk0xx25387634> (дата обращения: 04.03.2024).
6. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
7. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. 3-е изд. СПб., 2001.
8. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 35 т. Т. 1: 1893-1894. М., 1971.
10. Энциклопедия государства и права. М., 1925. Т. 1.
11. Бредихин А.Л. Функции государства как часть учения о государстве: проблемы определения // Философия права. 2024. № 1 (108). С. 14-19.
12. XVIII Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) (10-21 марта 1939 г.). Стенографический отчет. М., 1939.
13. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940.
14. Пискотин М.И. К вопросу о функциях советского государства в современный период // Сов. государство и право. 1958. № 1. С. 90-91.
15. Чесноков Д.И. Развитие советской социалистической государственности // Коммунист. 1965. № 17.
16. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М., 1970.
17. Курашвили Б.П. О системе функций государства // Проблемы государства и права: труды науч. сотрудников и аспирантов. М., 1974. С. 26-27.
18. Морозова Л.А. Функции российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. № 6.
19. Байтин М.И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006.
20. Денисов А. И. Советское государство. Возникновение, развитие, сущность и функции. М., 1967.
21. Каск Л.И. Функции и структура государства. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1969.
22. Глебов А.П. Проблемы структуры функций государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974.
23. Тихомиров Ю. А. О модернизации государства // Журн. рос. права. 2004. № 4. С. 3-16.
24. Беляева Г. С., Беляев В.П. Современные зарубежные концепции национальной безопасности: правовое измерение // Вопросы безопасности. 2016. № 5. С. 11-23.

References:

1. Federal Law No. 172-FZ of 06/28/2014 (as amended on 07/13/2024) "On Strategic Planning in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (part I). Art. 3378.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Assembly of the Legislature of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Article 5351.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/21/2025 No. 99 "On Approval of the Regulations on the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of State Demographic and Family Policy and its Composition" // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 02/21/2025.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.10.2007 No. 1351 (as amended on 07/01/2014) "On the approval of the Concept demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2007. № 42. St. 5009.
5. Action strategy for the implementation of family and demographic policy and support for large families in the Russian Federation until 2036. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/11?ysclid=m7tjwlk0xx25387634> (accessed: 03/04/2024).
6. Ozhegov's Explanatory Dictionary. S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 1949-1992. URL: <https://dic.academic.ru> (date of reference: 03/02/2025).
7. Taranovsky F.V. Encyclopedia of Law. 3rd ed., St. Petersburg, 2001.
8. Kotlyarevsky S.A. The rule of law and foreign policy. Moscow, 1909.
9. Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: in 35 vol. Vol. 1: 1893-1894. Moscow, 1971.
10. Encyclopedia of State and Law. Moscow, 1925. Vol. 1.
11. Bredikhin A.L. Functions of the state as part of the doctrine of the state: problems of definition // Philosophy of Law. 2024. No. 1 (108). pp. 14-19.
12. XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b) (March 10-21, 1939). Verbatim report. Moscow, 1939.
13. Golunsky S.A., Strogovich M.S. Theory of State and Law. Moscow, 1940.
14. Piskotin M.I. On the issue on the functions of the Soviet state in the modern period // Soviet State and Law. 1958. No. 1. pp. 90-91
15. Chesnokov D.I. The development of Soviet socialist statehood // Communist. 1965. No. 17.
16. Chernogolovkin N.V. Theory of the functions of the socialist state. Moscow, 1970.
17. Kurashvili B.P. On the system of functions of the state // Problems of the state and law: Proceedings of the scientific. M., 1974. pp. 26-27.
18. Morozova L.A. The functions of the Russian state at the present stage // State and Law. 1993. No. 6.
19. Baytin M.I. Questions of the general theory of the state and law. Saratov, 2006.
20. Denisov A. I. The Soviet State. Origin, development, essence and functions. Moscow, 1967.
21. Kask L.I. Functions and structure of the state. Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1969.
22. Glebov A.P. Problems of the structure of functions of the state: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. M., 1974.
23. Tikhomirov Yu. A. On the modernization of the state // Journal of Russian Law. 2004. No. 4. pp. 3-16.
24. Belyaeva G. S., Belyaev V.P. Modern foreign concepts of national security: a legal dimension // Security issues. 2016. No. 5. pp. 11-23.

ПРАВОВОЕ ЧУВСТВО И БОРЬБА ЗА ПРАВО В ВОЗЗРЕНИЯХ Р. ИЕРИНГА LEGAL FEELING AND STRUGGLE FOR LAW IN THE VIEWS OF R. IERING

АЛЕКМИНСКАЯ Гульнара Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ул. Летчика Пилутова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.

E-mail: gulya_alekminskaya@mail.ru;

ALEKMINSKAYA Gulnara Mikhailovna,

PhD in History, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.

E-mail: gulya_alekminskaya@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены воззрения Р. Иеринга на право, основой существования которого является борьба. Уточнены причины вступления правообладателей в борьбу за право. Одно из важных положений заключается в том, что право выступает условием нравственного существования человека. Защита права, по мнению Иеринга, является долгом по отношению к обществу, что проявляется в отношении объективного, или абстрактного права, и субъективного, или конкретного права. Реализация общественного права зависит от государственных институтов, частного права – от силы правового чувства человека. Там, где правовое чувство бездействует, оно ослабевает и притупляется. Для государства нет ничего более ценного, чем правовое чувство его граждан, которое нужно формировать и поддерживать.

Abstract: The article considers R. Iering's views on the right, the basis of which is the struggle. The reasons for the entry of copyright holders into the struggle for the right have been clarified. One of the important provisions is that the right is a condition for the moral existence of a person. The protection of law, according to Iering, is a duty in relation to society, which is manifested in relation to objective, or abstract law, and subjective, or specific law. The implementation of public law depends on state institutions, private law - on the strength of a person's legal sense. Where the legal sense is dormant, it weakens and dulls. For the state there is nothing more valuable than the legal sense of its citizens, which must be formed and maintained.

Ключевые слова: право, правовое чувство, правообладатель, государство, закон, частное право.

Key words: law, legal sense, copyright holder, state, law, private law.

Для цитирования: Алекминская Г.М. Правовое чувство и борьба за право в воззрениях Р. Иеринга // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 78-80. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_78.

For citation: Alekminskaya G.M. Legal feeling and struggle for law in the views of R. Iering // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 78-80. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_78.

Статья поступила в редакцию: 29.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

По Иерингу, право – понятие практическое, в нем заключаются как цель – мир, так и средство – борьба, нераздельно связанные и дополняющие друг друга. Основой существования права является борьба, всякое право в мире должно быть добыто борьбой [1, С. 12].

Поддержание же правового порядка представляет собой самоотверженную борьбу против беззакония, как со стороны государства, так и всего народа. Поступательное движение права осуществляется в виде повторяющегося обновления права, ограничения прежних правовых положений новыми. Право развивается изнутри, однако только закон, т.е. намеренное к цели направленное действие государственной власти может придать этому развитию новое направление. Подобный опыт может вызвать сильное сопротивление, а, следовательно, и борьбу, в которой, как и во всякой борьбе проявляются силы взаимно борющихся сторон. Во всех случаях, где существующее право находится в связи с укрепившимися интересами, новое право устанавливается только путем борьбы. Здесь одна против другой стоят две партии, из которых каждая становится под священное знамя права: одна – исторического, прошедшего права, другая – вечно творящегося, обновляющегося права [1, С. 16].

Таким образом, право в своем историческом развитии представляется картиной непрекращающихся исканий, неустанного стремления и тяжелой борьбы. Борьба происходит и повторяется во всех сферах права, как в низших слоях частного права, так и в высших сферах государственного и народного права.

При любом нарушении права каждый правообладатель задумывается над тем, нужно ли охранять право и, следовательно, вступить в борьбу или же уклониться от нее? Каков бы ни был ответ, в обоих случаях речь идет о пожертвовании: в одном случае правом жертвуют спокойствию, в другом – спокойствием праву. Вопрос сводится к тому, какова будет жертва? Так, богатый пожертвует для мира незначительной для него спорной суммой, бедный же, для которого эта сумма важна, пожертвует миром. Вопрос о борьбе за право решается путем взвешивания выгод и убытков. Однако каждый день мы наблюдаем процессы, в которых стоимость спорного предмета не является определяющей, и даже полная уверенность, что победа будет стоить дорого, не удерживает от борьбы за право.

Чем объясним подобный, бессмысленный с точки зрения разумного определения пользы, образ действий? Борьба здесь заключается в достижении идеальной цели – защите собственной личности и своего правового чувства. Нравственная боль побуждает оскорбленного начать борьбу. Внутренний голос говорит ему о том, что он должен поступить так из уважения к самому себе. Право предоставляет правообладателю выбор: защищать его или отказаться от защиты. Вместе с тем, борьба против неправды есть обязанность, долг правообладателя по отношению и к самому себе, и к обществу [1, С. 22]. Поддержание собственного существования и стремление к самосохранению проявляется в каждом живом существе. Условием же нравственного существования выступает право [1, С. 24-25]. Именно в нем человек отстаивает условия своего суще-

ствования. В этой связи, защита права – обязанность нравственного самосохранения человека.

Право представляет собой сумму единичных институтов, в каждом из которых выражаются соответствующие условия нравственного бытия. При этом возможно и насильственное вторжение в какое-либо из этих условий и это вторжение каждый обязан отражать. Поскольку недостаточно иметь право пользоваться жизненными условиями, необходимо также твердо охранять их.

Повод к тому представляется каждый раз, когда произвол осмеливается заявить о себе. Однако не каждая несправедливость есть произвол, те есть движение, направленное против идеи права. Владелец вещи, который считает себя ее собственником, не отрицает в другом лице идеи собственности, он только предъявляет на эту вещь свое право, вопрос в этом споре сводится к тому, кто является собственником. Но вор и разбойник совершенно иначе относятся к праву собственности. Они отрицают в собственности саму идею, а вместе с тем и существенное условие бытия личности. Если подобный образ действий признать всеобщим, правовым, то тогда собственность отрицалась бы и в принципе, и на практике.

Намеренная неправда и произвол причиняют нравственную боль, которую с различной интенсивностью, как и физическую, смотря по степени субъективной чувствительности, по форме и предмету правонарушения, по другим обстоятельствам ощущает каждый индивид, не лишенный чувствительности. Индивид, который не привык к фактическому бесправию, нуждается в устранении причины нравственной боли.

Каждый обладатель права защищает самые важные, самые жизненные условия своего существования. Реакция правового чувства не может быть определяема, как обыкновенный аффект – по темпераменту и характеру, в данном случае имеет место нравственная причина. «Степень энергии, с которой правовое чувство реагирует против правонарушения, является верным масштабом для измерения степени крепости и силы, с которыми индивид, общество или народ относятся к значению права, как права вообще, или отдельного правового института, касающегося его жизненных целей» [1, С. 32].

Та же самая чувствительность, которая проявляется различными социальными группами, когда дело идет о нарушении тех институтов, которые составляют основание их существования, повторяется и в государственной жизни в отношении тех учреждений, в которых осуществляются жизненные принципы государства. Мерилом чувствительности здесь служит уголовное право. Каждое государство, как правило, наказывает строже те преступления, которые угрожают жизненным принципам его существования.

Если источником права является правовое чувство, то правонарушения заставляют эти чувства высказаться. Чувствовать же боль и не защищаться при этом, означает отречься от правового чувства. Там, где правовое чувство бездействует, оно ослабевает и притупляется. «Чувствительность – способность ощущать боль от правонарушения и действующая сила – мужество и решимость отстранить его являются главными условиями правового чувства» [1, С. 38-39]. Однако, одно и то же правонарушение по-разному действует на разных лиц и членов различных социальных групп. Сила правового чувства ослабевает или усиливается по мере того, насколько значимым условием нравственного бытия является здесь право.

Защита права является долгом и по отношению к обществу. Это положение определяется отношением права в объективном смысле к праву в субъективном смысле. Можно предположить, что абстрактное право предполагает конкретное, которое имеет место быть там, где представляются соответствующие условия. В данном случае речь идет о зависимости конкретного права от абстрактного, однако «такое отношение зависимости существует и в противоположном направлении» [1, С. 41-42]. Правовое положение, которое не стало действующим или не употребляется, есть ни что иное, как «сломанная пружина, которая не работает в механизме права» [1, С. 42]. Вследствие продолжительного бездействия конкретное право прекращает свое существование. Претворение в жизнь общественного права обеспечивается тем, что обязанность его осуществления возложена государственной властью на различные органы и чиновников, тогда как гражданское (частное) право зависит от того, как осуществляют свое право частные лица и какова сила их правовых чувств. «Практическая сила правовых положений гражданского права основывается на осуществлении конкретного права и как последнее получает жизнь от закона, так в свою очередь, и оно дает закону жизнь» [1, С. 42].

«Если произвол и беззаконие одерживают верх, это верный признак того, что те, которые были призваны защищать закон, не исполнили своей обязанности. В частном праве каждый призван защищать закон. Каждый – страж и хранитель закона, поскольку это его касается. Конкретное право есть ни что иное, как уполномочие, данное ему государством, становиться по поводу своих собственных интересов в ряды защитников закона и сражаться с неправдой – уполномочие условное и специальное, в противоположность безусловному и общему уполномочию чиновников [1, С. 43]. «В таком обществе положение тех немногих, которые мужественно проводят в жизнь закон, принимает характер настоящего мученичества. Оставленные всеми теми, которые должны были быть их естественными союзниками и товарищами, стоят они одиноко против произвола, раздувшегося при всеобщей беззаботности и трусости, и при всем этом остаются верны самим себе, однако вместо признания заслуги, встречают только насмешку и порицание» [1, С. 43]. Ответственность за подобное положение падает не только на ту часть общества, которая попирает закон, но и на тех, которые не имеют мужества его поддерживать. Не неправду следует порицать за то, что она вытесняет право, но право, зачем оно допускает это. Когда сравниваются положения: «не делай беззакония», и «не терпи беззакония», чтобы определить более важное, то первым следует определить: «не терпи беззакония», а вторым «не делай беззакония» [1, С. 44]. Осознание того, что беззаконное действие встретит твердое сопротивление со стороны правообладателя, удержит человека от совершения правонарушения сильнее всякой заповеди [1, С. 44]. Таким образом, только практическая сила может составить основу нравственного закона.

В своем праве каждый защищает закон, а вместе с законом общественный порядок. При этом каждый призывается к участию в борьбе, не важно, осознает ли он правовую идею. «В борьбе за право один побуждается интересом, другой – болью вследствие нарушения права, третий идеей права, все они идут на поле борьбы и подают друг другу руки для достижения единой цели – защиты права от произвола» [1, С. 45]. Таким образом, поднимаясь от низких ступеней, где руководящим мотивом был интерес, к более высоким, где речь уже идет о нравственном самосохранении лично-

сти и ее содействию осуществлению правовой идеи, можно понять какого высокого значения достигает борьба субъекта за свое право [1, С. 47].

Однако даже и холодное, лишенное всякого идеального порыва правовое чувство, которое чувствует неправду только потому, что она прямо его касается, способно понимать отношение между конкретным правом и законом, выражающимся положением: мое право есть право общее [1, С. 47]. Это можно назвать солидарностью закона и конкретного права. Оно не так глубоко скрыто, чтобы не было понятно простому, неспособному к высшим воззрениям эгоизму, напротив, он то и видит его яснее, потому что ему выгоднее иметь в споре своим союзником государство [1, С. 48]. И поэтому эгоизм, сам того не сознавая и не желая, поднимается выше своего частного права, на высоту права вообще, на которой он выступает защитником закона. Истина остается истиной даже тогда, когда субъект признает и защищает ее только с узкой точки зрения собственного интереса.

Можно проследить борьбу отдельного человека за свое право во всех мотивах, от побуждений чистого расчета пользы до идеальных мотивов – защиты личности и ее нравственных жизненных условий и достижения осуществления идей правосудия – высочайшей вершины, с которой один ложный шаг оскорбленного в своем правовом чувстве приводит его к состоянию преступника и повергает в пропасть беззакония [1, С. 54]. Но интерес этой борьбы никаким образом не ограничивается частным правом или частной жизнью, но далеко выходит за их пределы. «Если правовое чувство отдельных лиц в отношении частной жизни оказывается вялым, трусливым, апатическим, не находит простора для свободного и сильного развития, вследствие препятствий, чинимых несправедливым законом или плохо устроенными учреждениями; если происходит преследование там, где следовало бы ожидать поддержки, где вследствие этого образуется привычка переносить терпеливо неправду, как нечто такое, чего нельзя изменить... Кто поверит, что такое рабское, приниженное, апатическое правовое чувство будет способно мгновенно подняться до живого ощущения и энергической реакции, когда будет идти дело не о частном правонарушении, но и об оскорблении правового чувства всего народа – покушении на его политическую свободу, нарушении или уничтожении государственных учреждений, нападении внешних врагов?» [1, С. 54].

Тот, кто не привык защищать свое право, каким образом будет он чувствовать стремление положить свою жизнь за общественное дело? В том, в котором нет понимания, что его чести и личности наносится оскорбление, кто, предпочитая удобства, поступает своим неподлежащим сомнению правом, тот, кто до этого времени в делах, касающихся права, все мерял только одним аршином материальных интересов, можно ли ожидать, чтобы там, где дело будет касаться права и чести целой нации, им будет принят другой способ измерения? [1, С. 54-55]. Откуда вдруг может прийти идеализм понимания, который до того отрицался? Борец за государственное и народное право тот же самый, что и тот, который борется за частное право. Те же самые качества, которые им приобретены в борьбе за свое частное право, будут ему необходимы при борьбе за государственное право. На нижних ступенях частного права, капля по капле должен образовываться и накапливаться нравственный капитал, чтобы потом государство могло извлечь его для своих целей. То, как народ будет защищать общее право, зависит от того, как отдельное лицо защищает свое частное право. У того народа, у которого заведено, чтобы каждый твердо защищал свое самое малейшее право, никто не осмелится отнять его высшие блага. Право есть идеализм, не идеализм фантазии, но идеализм характера, то есть человека, который себя самого осознает как цель и не обращает ни на что внимания, если он затронут в этом святилище [1, С. 55]. Соппротивление определяется не тем, от кого оно исходит и на кого направлено, а энергией правового чувства, нравственной силой, с которой человек стремится защитить себя.

Для государства нет более значимой цели, чем забота и формированию сильного правового чувства своего народа [1, С. 56]. «В сильном правовом чувстве отдельных лиц государство владеет неиссякаемым источником своей собственной силы, верной гарантией прочности своего положения, как внешнего, так и внутреннего» [1, С. 56-57]. Правовое чувство есть корень всего дерева. Не годится корень, если он попал в каменистый или песчаный грунт, слабо и все остальное – придет буря и вырвет с корнем все дерево. Ствол и вершина имеют то преимущество, что они видимы, тогда как корень скрыт в земле и не видим для глаза. Несправедливые законы и плохо устроенные учреждения оказывают разлагающее влияние на нравственную силу народа, они делают свое дело под землей, однако нельзя забывать, что яд из корня может восходить до вершины. Однако деспотизм знает, с чего ему начинать, чтобы ниспровергнуть дерево, он не трогает вершины, но разрушает корень. Всякий деспотизм начинал вторжением в частное право и нарушением прав отдельных лиц, и если ему удавалось здесь сделать свое дело, дерево падало само собой. Поэтому важно ему противодействовать, принимая в расчет и то, что те же самые ворота, в которые входят деспотизм и произвол, открыты и для внешнего врага. Сила народа равнозначна силе его правового чувства, следовательно, забота о правовом чувстве есть забота о самом государстве. Под заботой о правовом чувстве должно пониматься практическое приложение справедливости ко всем случаям жизни.

Список литературы:

1. Иеринг Р. Борьба за право / Иеринг Рудольф; пер. С. Гинзбурга с 7-го нем. изд. Киев: Типография А.К. Брунь, Прорезная улица, д. № 10, 1893. 71 с.

References:

1. Iering R. The struggle for the right / Iering Rudolf; translated by S. Ginzburg from the 7th German ed. Kiev: A.K. Brun Printing house, Proreznaya Street, No. 10, 1893.

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ И ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ THE RIGHT TO BE FORGOTTEN AND THE RIGHT TO INFORMATION: LEGAL ASPECTS AND MODERN CHALLENGES

РЫБОЛОВЛЕВА Наталья Сергеевна,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
E-mail: n-rybolovleva@mail.ru;

RYBOLOVLEVA Natalya Sergeevna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization of the Activities
of Internal Affairs Bodies of the Center for Command and Staff Exercises
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.
E-mail: n-rybolovleva@mail.ru

Краткая аннотация: В связи со стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий в настоящее время становится актуальным «право на забвение». В статье автором рассматривается правовое регулирование и применение «права на забвение» в зарубежной и отечественной практике, а также анализируются возможные коллизии между правом на забвение и правом на информацию.

Abstract: Due to the rapid development of information and telecommunication technologies, the "right to be forgotten" is currently becoming relevant. In this article, the author examines the legal regulation and application of the "right to be forgotten" in foreign and domestic practice, and also analyzes possible conflicts between the right to be forgotten and the right to information.

Ключевые слова: право на информацию, право на забвение, цифровизация, информация, права и свободы граждан, цифровые технологии.

Keywords: right to information, right to be forgotten, digitalization, information, rights and freedoms of citizens, digital technologies.

Для цитирования: Рыболовлева Н.С. Право на забвение и право на информацию: правовые аспекты и вызовы современности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 81-83. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_81.

For citation: Rybolovleva N.S. The right to be forgotten and the right to information: legal aspects and modern challenges // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 81-83. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_81.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Со второй половины XX века развитие социума происходит в условиях информационной революции. Уже сейчас однозначно можно утверждать, что XXI век – это век информации. Современный этап развития общества принято считать «информационным». Объемы информации колоссальны, они увеличиваются в геометрической прогрессии. В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии являются основной частью взаимодействия общества на всех этапах, без их существования уже невозможно представить нашу жизнь. Цифровизация постепенно проникает во все сферы общественной жизни. Безусловно, на текущем этапе информация и цифровые технологии являются незаменимым ресурсом для дальнейшего развития общества. Цифровые технологии постоянно совершенствуются и получают всё большее распространение. Всё это также затрагивает и вопросы реализации и защиты прав и свобод человека, поскольку «цифровизация представляет собой диалектически противоречивый процесс»[6]. С одной стороны она открывает широкие возможности для реализации конституционных прав и свобод граждан, с другой – цифровые технологии могут быть использованы для ограничения вышеупомянутых прав и свобод. М. Бачелет, верховный комиссар ООН по правам человека отметила, что цифровая революция является серьезной глобальной проблемой для прав человека, к значительным рискам для прав человека в цифровом пространстве приводят недорегулирование, чрезмерное регулирование и преднамеренное злоупотребление в этой сфере, что позволяет ей заключить, что «ни один аспект цифровой революции не может и не должен рассматриваться без учета прав человека» [13].

Еще несколько десятков лет назад невозможно было представить, что наша жизнь будет неразрывно связана с Интернетом. В настоящее время глобальная сеть Интернет, появившаяся в начале 90-х годов XX века, является универсальным средством коммуникации. Интернет играет важную роль в повседневной жизни людей, предоставляя гражданам широкие возможности доступа к информации и услугам. Практически ни один человек сейчас не представляет свою жизнь и повседневную деятельность без Интернета. Информация в Интернете является широко распространенной и доступной. Современный человек, имеющий доступ к сети Интернет, пользуется поисковыми системами каждый день и может получить практически любую информацию, например, находить друзей и родственников, различные инструкции, а также обращаться в органы государственной власти, финансовые организации и многое другое. При этом в настоящее время пользователи сети Интернет, используя приложения, общаясь в различных социальных сетях и мессенджерах, оставляют многочисленные цифровые следы («digitalfootprints»), которые позволяют собрать досье практически на любого человека. Ведь фактически любая информация, попадающая в Интернет, в том или ином виде

остаётся там навсегда. При этом следует понимать, что данные, попадающие в Интернет, не всегда продолжают оставаться достоверными, актуальными и т.д.

Интернет признан Европейским судом по правам человека одним из основных средств, с помощью которых люди реализуют право на свободу выражения мнения и другие права, связанные с информацией [10].

В связи с повсеместным распространением Интернета в XX веке возникло «право на забвение» (англ. «right to be forgotten») и стало особенно актуальным.

Некоторые ученые считают, что «право на забвение» можно рассматривать как часть права человека на защиту частной жизни, чести. Вместе с тем в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий «право на забвение» требует детальной регламентации и законодательного закрепления. Е.В. Тытюк определяет право на забвение как личное право физического лица при определенных условиях, закрепленных законодательно, требовать от оператора поисковых систем удаления ссылок на персональную информацию о себе [8]. «Право на забвение» является одним из личных нематериальных прав физического лица осуществлять контроль над своими персональными личными данными в сети Интернет [14], оно предоставляет лицу право на исправление, удаление либо прекращение обработки его персональных данных по его личному требованию, а также при наличии всех необходимых условий. В настоящее время «право на забвение» признается и регулируется в том или ином виде многими странами.

Существенной вехой в его регулировании стало принятие 24 октября 1995 года Директивы 95/46/ЕС Европейского Парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц применительно к обработке персональных данных и свободном движении таких» [1] (в настоящее время отменена), которая стала фундаментом для закрепления «права на забвение». Также в Хартии Европейского Союза «Об основных правах» 2007 в ч. 2 ст. 8 закреплено право каждого получать доступ к собранным в отношении него данным и добиваться устранения в них ошибок [9]. После этого «право на забвение» применялось судами в различных делах в странах Европейского Союза и не только.

Активное обсуждение «права на забвение» началось после рассмотрения в 2014 году Европейским Судом дела Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD), Mario Costeja González [12], в данном деле Европейский суд пришел к выводу о необходимости распространения «права на забвение». Решение суда обязало Google и другие поисковые системы организовать более активную политику, направленную на защиту личных данных пользователей, включая возможность удаления ссылок на информацию, являющейся неактуальной и противоречащей интересам заявителей. Международная организация по цифровым правам Access Now критически восприняла решение, указав, что Суд ЕС неверно истолковал и реализовал право на забвение: «хотя право на забвение защищает пользователей, оно также создает тревожное напряжение между правами на частную жизнь и защиту данных, с одной стороны, и правами на свободу выражения и информации, с другой» [11].

В 2016 году Европейским парламентом был одобрен законопроект Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46/ЕС (Общие правила защиты данных), в котором в ст. 17 закреплено «право на удаление данных» [5].

В Российской Федерации «право на забвение» косвенно было закреплено путем внесения поправок в законодательство об информации, вступивших в силу с 1 января 2016 года. Так, федеральным законом от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ [3] заинтересованным лицам было предоставлено право требовать от операторов поисковых систем прекращения распространения информации, которая соответствует описанным в законе критериям. Согласно указанному нормативному правовому акту российские пользователи Интернета имеют право скрывать устаревшую либо недостоверную информацию о себе, независимо от того, наносят ли такие сведения ущерб их чести и достоинству, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, а также информацию о совершенном гражданином преступлении, по которому не снята или не погашена судимость. При этом следует отметить, что в соответствии со ст. 10.3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ [4] оператор поисковой системы обязан сохранить в тайне информацию о факте обращения к нему заявителя с таким требованием. Вместе с тем законодатель обязал операторов поисковых систем удалять лишь ссылки, а не всю информацию, таким образом информация просто удаляется из поиска и все равно остается на просторах Интернета (т.е. на том сайте, где эта информация содержится, она так и останется, но если задать соответствующий запрос в поисковике, то ничего не найдется).

В настоящее время требования пользователей об удалении данных активно исполняют операторы «Яндекс», «Google», «Mail». Так, например, с 29 мая 2014 года по 31 декабря 2024 года поисковая система Google получила 1 742 320 обращений пользователей с требованием удалить более 6 874 375 ссылок, из которых только 2 969 556 (51,1 %) ссылок были удалены, а 2 840 240 (48,9 %) оставлены в открытом доступе [7].

Рассматривая право на информацию, стоит говорить о том, что доступ к информации важен для гражданского общества, т.к. именно это позволяет гражданам контролировать действия органов государственной власти, принимать различные осознанные решения. В связи с тем, что одним из основополагающих конституционных прав является закрепленное в статье 29 Конституции Российской Федерации право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [2], применение норм «права на забвение» в Российской Федерации противоречит праву на свободный доступ к информации. Например, до сих пор остается неизвестным, на каком основании сведения о заявителе были удалены, т.к. информация об объекте запроса в соответствии с законодательством не может быть раскрыта.

В соответствии с п. 1 ст. 10, п. 5 ст. 15 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ [4], свободное распространение информации гарантируется при условии соблюдения требований и ограничений, предусмотренных законодательством. Следовательно, если распространение информации нарушает законодательство Российской Федерации, а также применительно к конкретному случаю информация является неактуальной либо недостоверной, то ее распространение может быть ограничено. Однако следует понимать, что право на забвение не может

использоваться, когда речь идет об общественной безопасности.

В заключении следует отметить, что «право на забвение» вызывает диалектически противоположные мнения в научном сообществе. Сторонники «права на забвение» полагают, что оно позволит гражданам избежать влияния на их жизнь ненужной, а иногда и компрометирующей информации, а также предоставит им механизм защиты от ложной, вредоносной и устаревшей информации. Противники же высказывают точки зрения о том, что таким образом нарушается право на свободный доступ к информации. Также широкое использование «права на забвение» может оказать и отрицательное влияние на архивные данные, которые впоследствии будут необходимы для статистики. Право на забвение конфликтует с правом на информацию. Кроме того, вызывает опасение то, что оценку достоверности и актуальности информации производит другое частное лицо, которым являются операторы поисковых систем, т.к. на них возложены несвойственные им функции. По мнению автора статьи право самостоятельно устанавливать факты достоверности, актуальности размещенной информации не должно быть предоставлено ни операторам поисковых систем, ни администраторам сайтов.

Стремительное развитие цифровых технологий существенно меняет картину правовых отношений. Для достижения баланса между правом на забвение и правом на информацию необходимо налаживание диалога между правозащитниками, законодателями и высокотехнологическими компаниями, т.к. только путем совместных усилий возможно создать правовую среду, которая будет защищать права граждан, обеспечивая при этом открытость и доступность информации. В настоящее время законодательство Российской Федерации, регулирующее «право на забвение» нуждается в совершенствовании, чтобы в полной мере вписываться в концепцию информационных прав человека. В частности, предлагается рассматривать «право на забвение» в контексте прав субъектов персональных данных.

Список литературы:

1. Директива 95/46/ЕС Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 1995 года «О защите физических лиц применительно к обработке персональных данных и свободном движении таких» [Электронный ресурс] // [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационно-правового портала ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 21.03.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в действ. ред.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ (в действ. ред.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (в действ. ред.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.
5. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и совета «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46 / ЕС (Общие правила защиты данных)» [Электронный ресурс] // URL: <https://ogdpr.eu.ru/gdpr-2016-679> (дата обращения: 21.03.2025).
6. Рыболовлева Н.С. Цифровизация общественных отношений: риски и угрозы // Право и государство: теория и практика. № 5 (221). 2023. С. 133-135
7. Статистика заявлений пользователей с требованием удалить ссылки в поисковой системе Google [Электронный ресурс] // URL: <https://www.google.com/transparencyreport/removals/europe/privacy/?hl=ru>. (дата обращения: 24.03.2025).
8. Тютюк Е.В. «Право на забвение» как ограничение конституционных прав на информацию // Синергия Наук. - 2017. - № 13. - С. 383-390.
9. Хартия Европейского Союза об основных правах (2007/С 303/01) (Принята в г. Страсбург. 12.12.2007) [Электронный ресурс] // Официальный сайт информационно-правового портала ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 21.03.2025).
10. Cengiz and Others v. Turkey, 2015-VIII Eur. Ct. H.R. [Электронный ресурс] // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159188> (дата обращения: 24.01.2025).
11. Eliška Pírková, Estelle Massé. EU Court decides on two major "right to be forgotten" cases: there are no winners here / Pírková Eliška. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.accessnow.org/eu-court-decides-on-two-major-right-to-be-forgotten-cases-there-are-no-winners-here/> (дата обращения: 24.03.2025).
12. Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González. Judgment of the Court (Grand Chamber), 13 May 2014. [Электронный ресурс] <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-131/12>. (дата обращения 24.03.2025).
13. Les droits de l'homme à l'ère du numérique: peuvent-ils changer les choses? Discours liminaire de Michelle Bachelet, Haute-Commissaire des Nations Unies aux droits de l'homme. New York, 17 octobre 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/FR/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25158 &LangID=F> (дата обращения: 21.03.2025)
14. Zeller B., Trakman L., Walters R., Rosadi S.D. The Right to Be Forgotten —The EU and Asia Pacific Experience (Australia, Indonesia, Japan and Singapore) // European Human Rights Law Review. 2019. Iss. 1. P. 23-37.

References:

1. Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and the free movement of such [Electronic resource] // [Electronic resource] // Official website of the information and legal portal GARANT. URL: <http://base.garant.ru> (date of access: 21.03.2025).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (in effect) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>.
3. On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" and Articles 29 and 402 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 264-FZ of July 13, 2015 (in effect. ed.) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru> On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (in effect. ed.) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru>.
4. On information, information Technologies and information Protection: Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 (as amended) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>
5. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council "On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulations)" [Electronic resource] // URL: <https://ogdpr.eu.ru/gdpr-2016-679> (date of request: 21.03.2025).
6. Rybolovleva N.S. Digitalization of public relations: risks and threats // Law and the State: theory and practice. No. 5 (221). 2023. pp. 133-135
7. Statistics of user statements demanding the removal of links in the Google search engine [Electronic resource] // URL: <https://www.google.com/transparencyreport/removals/europe/privacy/?hl=ru>. (date of reference: 24.03.2025).
8. Tutyuk E.V. "The right to oblivion" as a restriction of constitutional rights to information // Synergy of Sciences, 2017, No. 13, pp. 383-390.
9. Charter of the European Union on Fundamental Rights (2007/C 303/01) (Adopted in Strasbourg on 12.12.2007) [Electronic resource] // The official website of the information and legal portal GARANT. URL: <http://base.garant.ru> (date of request: 21.03.2025).
10. Cengiz and Others v. Turkey, 2015-VIII Eur. Ct. H.R. [Электронный ресурс] // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159188> (дата обращения: 24.01.2025).
11. Eliška Pírková, Estelle Massé. EU Court decides on two major "right to be forgotten" cases: there are no winners here / Pírková Eliška. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.accessnow.org/eu-court-decides-on-two-major-right-to-be-forgotten-cases-there-are-no-winners-here/> (дата обращения: 24.03.2025).
12. Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González. Judgment of the Court (Grand Chamber), 13 May 2014. [Электронный ресурс] <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-131/12>. (дата обращения 24.03.2025).
13. Les droits de l'homme à l'ère du numérique: peuvent-ils changer les choses? Discours liminaire de Michelle Bachelet, Haute-Commissaire des Nations Unies aux droits de l'homme. New York, 17 octobre 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/FR/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=25158 &LangID=F> (дата обращения: 21.03.2025)
14. Zeller B., Trakman L., Walters R., Rosadi S.D. The Right to Be Forgotten —The EU and Asia Pacific Experience (Australia, Indonesia, Japan and Singapore) // European Human Rights Law Review. 2019. Iss. 1. P. 23-37.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_84

УДК 349.2; 347.9

ЧАСТНО-ПУБЛИЧНАЯ ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ PRIVATE-PUBLIC LAW MODEL OF LABOR REGULATION AS A CONDITION FOR ENSURING EMPLOYMENT

ЧУЧА Сергей Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора процессуального права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: chuchaigpan@gmail.com;

CHUCHA Sergey Yurievich,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Procedural Law of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences.
119019, Russia, Moscow, st. Znamenka, 10.
E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Краткая аннотация: Исследуется теория трудовых правоотношений. Формулируются предположения о будущей трансформации частного и публичного права в контексте изменения экономической парадигмы общества. Обосновывается усиление роли публичной компоненты в существующих и возникающих новых социальных отраслях права. В результате упрощение номенклатуры научных специальностей, не включение в нее частно-публичных советов приведет к исчезновению со временем частно-публичных отраслей, уровня их методологии с частноправовой. При этом такое правовое регулирование вступит в противоречие с базовыми экономическими потребностями, обусловленными организацией производства и труда.

Abstract: The theory of labor relations is studied. Assumptions are formulated about the future transformation of private and public law in the context of changing the economic paradigm of society. The strengthening of the role of the public component in existing and emerging new social branches of law is substantiated. As a result, the simplification of the nomenclature of scientific specialties, the failure to include private-public councils in it will lead to the disappearance of private-public branches over time, leveling their methodology with private law. At the same time, such legal regulation will come into conflict with the basic economic needs caused by the organization of production and labor.

Ключевые слова: частное право, публичное право, гражданское право, история трудового права, социальное право, отрасль права.

Keywords: private law, public law, civil law, history of labor law, social law, branch of law.

Для цитирования: Чуча С.Ю. Частно-публичная правовая модель регулирования труда как условие обеспечения занятости // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 84-86. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_84.

For citation: Chucha S.Yu. Private-public law model of labor regulation as a condition for ensuring employment // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 84-86. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_84.

Статья поступила в редакцию: 19.01.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Введение

В ряду национальных отраслей, советское трудовое право было доктринальным мировым лидером, а к концу 70-х годов прошлого века – и практической моделью правового регулирования труда для юридических систем многих стран мира, утратив этот статус в попытках имплементации не всегда успешных современных западных норм в переходный период 90-х годов [1, с. 18-19; 2, с.207-209]. Изъятие под любым предлогом из него публичной компоненты не позволит ни защитить права сторон трудового договора, ни обеспечить публичный интерес.

Исторический обзор становления частно-публичной отрасли трудового права

В самом начале своего формирования, трудовое право напоминало отрасль публичного права (Устав о промышленном труде – нормативный акт, в целом относящийся к административному (полицейскому праву) с элементами частного, но почти сразу стало рассматриваться как институт права гражданского, поскольку в основе трудовых правоотношений лежал гражданско-правовой договор найма труда, очень быстро названный трудовым.

Самостоятельные универсальные теории трудовых правоотношений во второй половине XX века удалось создать Н.Г.Александрову [3] и В.Н.Скобелкину [4; 5], исследовавшим объект под разными углами зрения. Если первый создал абстрактную модель единого неделимого правоотношения, расценивая все исключения как подтверждающие правильность его теоретической модели, то второй использовал и правила, и исключения из них как равноценный строительный материал в своих теоретических построениях. Один исследовал правовые нормы, а второй – и их реализацию. Получившиеся теории можно условно назвать статической и динамической соответственно [6; 7; 8].

Н.Г. Александров теоретически обосновывал создание отрасли, и в это единое правоотношение «подтягивал» правовые связи из смежных отраслей права, а неделимостью правоотношения прикреплял их к трудовому праву, к предмету отрасли. Сейчас о проблеме отраслевой самостоятельности трудового права начали рассуждать на фоне реформы юридических специальностей [9, с. 372-377], но, даже будучи разорванным в номенклатуре между частным и публичным, трудовое право не перестанет существовать как самостоятельная отрасль со своим предметом и методом, пока существует несамостоятельный труд. К ее исчезновению, на наш взгляд, может привести только смена технологического уклада, влекущая за собой такие изменения организации производства и общества, при которых несамостоятельный труд не будет востребован полностью и нормам отрасли нечего станет регулировать.

Тем не менее, наличие в трудовом праве публично-правовой компоненты не рассматривается как достаточный признак его отграничения от других цивилистических отраслей, поскольку и им в той или иной степени свойственны публично-правовые начала и в предмете правового регулирования, и в его механизме [10, с.12].

Более того, отмечается и встречный процесс – восприятие в целом как не свойственных гражданскому праву целой группы общественных отношений, связанных с правовым регулированием личных неимущественных прав [11, с. 94-103]. В ближайшей перспективе гражданскому праву самому придется побороться за сохранение текущего своего предмета, и попытаться перетянуть на себя (в состязании с публичными полнотой или частично отраслями) еще пока «бесхозные», появляющиеся и могущие появиться уже на наших глазах вызванные технологическими изменениями новые общественные отношения [12, с. 113-122].

Следует модифицировать доктрину трудового права и теорию трудовых правоотношений с тем, чтобы предмет трудового права как частно-публичной отрасли распространялся на всякие отношения с применением несамостоятельного труда. Для этого трудовое право, нацеленное сегодня на один определенный тип организации труда (с нюансами и существенной дифференциацией) – труда коллективов работников на индустриальных предприятиях, технологически относимых к третьему и четвертому технологическим укладам - и выработавшее оптимальную систему защиты слабой стороны трудовых отношений, характеризующейся стабильностью этих отношений [13, с. 279], отдельными своими институтами распространялось и на другие новые и возможные формы организации труда, которые возникли и еще возникнут в будущем [14; 15; 16] как наиболее соответствующие организации производства с использованием технологий пятого и шестого технологических укладов. Представляется, что этими институтами, как и в начале века, должны стать охрана труда, социальное страхование и социальное партнерство.

Пути трансформации предмета трудового права как частно-публичной отрасли

Полное поглощение со временем правового регулирования новых форм организации предметом трудового права – один вариант развития событий. Второй – появление новых отраслей, как и выход в начале века на арену истории трудового права как комплексной отрасли, впитавшей в себя институты права гражданского и административного с единственным отличием: теперь и трудовое право может стать донором. При этом вероятно придется исключить и из предмета гражданского права личные неимущественные отношения, передав их в предметы иных отраслей. Трудовое, семейное, жилищное, хозяйственное право и др. свое от права гражданского уже получили. В научной трудовомправовой литературе время от времени предлагается адаптировать (без изъятия из предмета) и иные институты и нормы гражданского права или применять отдельные его нормы к трудовым отношениям субсидиарно [17, с. 17-18; 18, с 46-55]. Теперь предстоит формировать предмет «нового социального права», включающего в себя социальное обеспечение, социальную защиту и социально-сетевое право, которое в условиях возможного внедрения безусловного базового дохода (хлеба) станет исполнять роль еще и зрелищ. Какие-то группы личных неимущественных отношений образуют, возможно, и иные отрасли права, также с включением элементов права публичного, которые будут вызваны к жизни меняющимися технологиями организации экономической и социальной жизни. Альтернатива – инъекции в отрасль гражданского права такого объема публичного элемента (по рецепту приготовления лягушки), за которым не видно будет частной сущности отрасли – равенства сторон, свободы договора и т.д., по типу параграфа 6 главы 30 ГК РФ, включая ч. 2 ст. 548 ГК РФ и соответствующее законодательство.

А.А. Иванов допускает неблагоприятные для отрасли гражданского права последствия расширения ее предмета за счет включения в него неразрывно связанных с личностью неимущественных отношений. Так может лучше для отрасли восстановить *status quo (ante bellum)*), чем утратить оригинальность? Проникновение публичного элемента в отдельные институты рано или поздно изменит и все остальные. А государство никогда не допустит регулирование неразрывно связанных с личностью отношений исключительно частноправовыми методами, особенно в условиях начавшейся трансформации (положительной или отрицательной – не важно, это оценочное суждение, базирующееся на сформированном у субъекта мировоззрении) экономической и общественной моделей.

Как будет выглядеть договор перевозки в условиях ограничений QR-кодирования? Большие возможности предоставит широкое использование для установления личности биометрических данных при условии совмещения их с соответствующими базами данных – привитых, судимых, закрепитованных, подозрительных, шумных, нелояльных... Ну а окончательно крест на приватности может поставить цифровой рубль [19, с. 29-31], позволяющий задать время действия каждой платежной единицы, целевое назначение, место применения и иные параметры.

Задача юриста – из элементов (норм) зачастую разной отраслевой принадлежности создать правовую модель (смоделировать комплекс правоотношений), обеспечивающую функционирование бизнес-модели, модели управления социальными процессами и др. Юрист на основе субъектного состава и характера их деятельности создает модель правовой регламентации комплекса правоотношений, словно складывает домик из кубиков. И чем больше кубиков – тем красивее может стать этот дом, тем удобнее будет в нем жить, тем он будет крепче и долговечнее. Очевидно, многообразие могут обеспечить только диспозитивные предписания. Императивные нормы (делай так или сидишь в тюрьму) и позволят смоделировать только самый примитивный барак.

Обычными гражданско-правовыми мерами уже сегодня не может быть обеспечено соблюдение прав сторон в договорах присоединения. Предложение вместо неэффективной защиты от несправедливых условий таких договоров, предусмотренной ст. 428 ГК РФ, использования других механизмов, таких как блокировка навязанных сильной стороной условий на основании ст. 10 ГК РФ, вызывает вопросы. Применение ст. 10 ГК РФ иначе, как исключительной, чрезвычайной меры, на наш взгляд, свидетельствует о неготовности стандартных гражданско-правовых способов защиты стороны сделки. Быть может, правильнее (эффективнее с точки зрения защиты прав сторон) было бы регулировать соответствующие отношения не гражданским правом, а, например, антимонопольным, совмещающим частные и публичные черты, с перемещением их в предмет соответствующей отрасли.

Статья А.А. Иванова подводит к выводу, что идея правового регулирования «нового социального права» может быть реализована установлением перечня запретов (что, собственно, и предлагает сам автор), перечня дозволений (попробуй перечисли все случаи, которые могут возникнуть в трансформирующемся обществе) или все оставить как есть и регулировать его договорными диспозитивными методами, но тогда без широкого применения ст. 10 ГК РФ обойтись не удастся, что заразно и может стать обычным и для иных институтов гражданского права. Зачем гражданскому праву регулирование целого блока отношений строить на оценке нравственных категорий?

Заключение

В отсутствии базисной экономической потребности в изменении правового регулирования в традиционных отраслях экономики, и сомнительный результат регулирования отношений, связанных с использованием личного труда (и даже шире – всяких неразрывно связанных с личностью неимущественных отношений) в перспективных способах организации средствами гражданского права. Мы можем ошибаться, но широчайшее использование принципа дифференциации правового регулирования разных договоров в трудовом праве в гораздо большей степени позволит защитить права сторон отношений в новых зарождающихся способах организации труда, свойственных будущему технологическому укладу. Но наша точка зрения не будет никого интересовать в сложившейся в отечественной науке структуре научных специальностей – трудовики будут разнесены по разным советам, подвергаясь все большему влиянию либо специалистов по частному, либо публичному, либо – международному праву. Спустя недолгое время они будут столь же далеки друг от друга в сущностном понимании предмета исследования, как сегодня далеки специалисты в области трудового права и права социального обеспечения: будучи изначально неразрывным целым (социальное страхование стало одним из причин выделения трудового договора), образуя экономическую основу и надстройку единой системы (труд лежит в основе социального обеспечения), они уже сегодня не всегда понимают друг друга.

Список литературы:

1. Чуча С.Ю. Историографические контексты концептуализации и применения гибридных и постглобальных правовых режимов: социально-трудовой аспект // Государство и право. 2024. № 11. С. 114-124. DOI: 10.31857/S10269452241100109.
2. Чуча С.Ю. Актуальные проблемы правового регулирования труда, занятости и социальной защиты (обзор международной научно-практической конференции «Ивановские чтения») // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 4. С. 204-220. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-4-chucha
3. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 336 с.
4. Скобелкин В.Н. Обеспечение трудовых прав рабочих и служащих (нормы и правоотношения). М.: Юрид. лит., 1982. 207 с.
5. Скобелкин В. Н. Трудовые правоотношения. М.: Вердикт-1М, 1999. 372 с.
6. Чуча С.Ю. Владимир Николаевич Скобелкин: солдат, ученый, гражданин (о научном вкладе фронтовиков в развитие трудового права) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 13-19. DOI: 10.17308/law/1995 5502/2024/3/P-P.
7. Чуча С.Ю. Занятость, труд, правоотношения: к столетию со дня рождения В.Н.Скобелкина (обзор круглого стола) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024. № 3. С. 122-124. DOI 10.24147/1990-5173.2024.21(3).122-124.
8. Чуча С.Ю. Обзор круглого стола «Занятость, труд, правоотношения» (к столетию со дня рождения В.Н.Скобелкина) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (57). С. 348-354. DOI: 10.17308/ law/1995-5502/2024/2/348-354.
9. Зайцева Л.В. Развитие публично-правовых начал в современном российском трудовом праве // Демидовский юридический журнал. 2024. Том 14, № 4. С. 372-377. DOI: 10.18255/2306-5648-2024-4-372-377.
10. Бублик В.А. Правовое регулирование предпринимательства: частные и публичные начала // Хозяйство и право. 2000. № 9. С. 12–22.
11. Иванов А.А. Расширение предмета гражданского права: социальный аспект // Закон. 2021. № 9. С. 94-103.
12. Чуча С.Ю. К вопросу о «новом социальном праве» и предмете гражданского права // Закон. 2022. № 4. С. 113-122. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-113-122
13. Чуча С.Ю. Обеспечение созидательного труда как традиционной ценности российским законодательством о занятости // Право и государство: теория и практика. 2024. № 7. С. 278-280. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_27
14. Prassl J. Humans as a Service: The Promise and Perils of Work in the Gig Economy. First Edition. Oxford University Press, 2018.199 p.
15. Laptev V., Fedin V. Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. 2020. Vol. VIII, iss. 1. P. 138 – 157. DOI 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.
16. Chucha S. Remote work as a method of labor protection in periods of public hazard // Supremacy of law. 2021. № 2. С.141-150. DOI: 10.52388/2345-1971.2021.e2.12.
17. Бару М.И. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям // Советская юстиция. 1963. № 14. С. 17-18.
18. Абрамова А.И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 46-55.
19. Музыка М.В. Цифровой рубль в ряду форм оплаты труда: проблемы и перспективы использования // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 29-31. DOI: 10.18572/2221-3295-2024-3-29-31.

References:

1. Chucha S.Yu. Historiographic contexts of conceptualization and application of hybrid and post-global legal regimes: social and labor aspect // State and Law. 2024. No. 11. P. 114-124. DOI: 10.31857/S10269452241100109.
2. Chucha S. Yu. Actual problems of legal regulation of labor, employment and social protection (review of the international scientific and practical conference "Ivanovskie Readings") // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 204-220. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-4-chucha.
3. Aleksandrov N. G. Labor relations. Moscow, Legal publishing house of the USSR Ministry of Justice, 1948. 336 p.
4. Skobelkin V. N. Ensuring labor rights of workers and employees: Norms and legal relations. Moscow, Legal literature, 1982. 167 p.
5. Skobelkin V. N. Labor relations. Moscow, Verdict-1M, 1999. 372 p.
6. Chucha S.Yu. Vladimir Nikolaevich Skobelkin: soldier, scientist, citizen (on the scientific contribution of front-line soldiers to the development of labor law) // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2024. No. 3 (58). P. 13-19. DOI: 10.17308/law/1995 5502/2024/3/P-P.
7. Chucha S.Yu. Employment, labor, legal relations: on the centenary of V.N. Skobelkin's birth (review of the round table) // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2024. No. 3. P. 122-124. DOI 10.24147/1990-5173.2024.21(3).122-124.
8. Chucha S. Yu. Review of the round table "Employment, labor, legal relations" (on the centenary of the birth of V.N. Skobelkin) // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2024. No. 2 (57). P. 348-354. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/348-354.
9. Zaitseva L.V. Development of public law principles in modern Russian labor law // Demidov Law Journal. 2024. Vol. 14, No. 4. P. 372-377. DOI: 10.18255/2306-5648-2024-4-372-377.
10. Bublik. V. A. Legal regulation of entrepreneurship: private and public principles // Business and Law. 2000. No. 9. P. 12–22.
11. Ivanov A.A. Expansion of the subject of civil law: social aspect // Law. 2021. No. 9. P. 94-103.
12. Chucha S.Yu. On the issue of the "new social law" and the subject of civil law // Law. 2022. No. 4. P. 113-122. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-113-122.
13. Chucha S.Yu. Ensuring creative work as a traditional value by Russian employment legislation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 7. P. 278-280. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_27.
14. Prassl J. Humans as a Service: The Promise and Perils of Work in the Gig Economy. First Edition. Oxford University Press, 2018.199 p.
15. Laptev V., Fedin V. Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. 2020. Vol. VIII, iss. 1. P. 138 – 157. DOI 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.
16. Chucha S. Remote work as a method of labor protection in periods of public hazard // Supremacy of law. 2021. № 2. С.141-150. DOI: 10.52388/2345-1971.2021.e2.12.
17. Baru M.I. On the subsidiary application of civil law norms to labor relations // Soviet Justice. 1963. No. 14. P. 17-18. (In Russ.).
18. Abramova A.I. Subsidiary application of legal norms as a way to optimize legislative regulation // Journal of Russian Law. 2013. No. 10. P. 46-55.
19. Muzika M.V. Digital ruble among forms of remuneration: problems and prospects of use // Labor law in Russia and abroad. 2024. No. 3/ P. 29-31. DOI: 10.18572/2221-3295-2024-3-29-31.

УЧАСТИЕ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБОРОНЕ КАК ВАЖНАЯ ЗАДАЧА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹ THE PARTICIPATION OF THE TROOPS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION IN TERRITORIAL DEFENSE AS AN IMPORTANT TASK TO ENSURE PUBLIC SAFETY

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник
Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева.
196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.

E-mail: vitya-shen@mail.ru;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences,
Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation,
Army General E.N. Zinichev.

149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.

E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: в настоящем исследовании территориальная оборона рассматривается как неотъемлемый элемент военного положения, выявляются пробелы правового регулирования. Автор обосновывает необходимость принятия Федерального закона «О территориальной обороне». Показывается место войск национальной гвардии в участии в территориальной обороне. Обосновывается необходимость внесения изменений в некоторые федеральные законы, предусматривающие особенность выполнения войсками национальной гвардии задачи, направленной на участие в территориальной обороне. Предлагается расширить административно-юрисдикционную деятельность войск национальной гвардии, предусматривающую порядок привлечения должностных лиц регионального и муниципального уровня к административной ответственности за неисполнение возложенных на них обязанностей по организации и осуществлению мероприятий по территориальной обороне.

Abstract: In this study, territorial defense is considered as an integral element of martial law, and gaps in legal regulation are identified. The author substantiates the need for the adoption of the Federal Law "On Territorial Defense". The place of the National Guard troops in participating in the territorial defense is shown. The article substantiates the need to amend some federal laws that provide for the specific performance of tasks by the National Guard troops aimed at participating in territorial defense. It is proposed to expand the administrative and jurisdictional activities of the National Guard troops, providing for the procedure for bringing officials of the regional and municipal levels to administrative responsibility for failure to fulfill their duties in organizing and implementing measures for territorial defense.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, войска национальной гвардии, военные комиссариаты, территориальная оборона, военное положение, правовое регулирование, законодательство, общественная безопасность, стратегический национальный приоритет, административно-юрисдикционная деятельность, права и свободы, человек и гражданин, оборона.

Keywords: President of the Russian Federation, National Guard troops, military commissariats, territorial defense, martial law, legal regulation, legislation, public safety, strategic national priority, administrative and jurisdictional activities, rights and freedoms, man and citizen, defense.

Для цитирования: Шеншин В.М. Участие войск национальной гвардии Российской Федерации в территориальной обороне как важная задача по обеспечению общественной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 87-89. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_87.

For citation: Shenshin V.M. The participation of the troops of the national guard of the Russian Federation in territorial defense as an important task to ensure public safety // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 87-89. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_87.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Сфера обеспечения органами государственной власти территориальной обороны актуальна по нескольким причинам: во-первых, проведение специальной военной операции, введение военного положения и обеспечение национальной безопасности на территориях некоторых субъектов Российской Федерации; во-вторых, несовершенством законодательства в этой сфере, соответственно недостаточной степенью правового регулирования рассматриваемого института.

Характерной особенностью территориальной обороны является то, что она вытекает из режима военного положения, или иными словами зависит от того, введен ли режим военного положения на всей территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, или не введен. То есть территориальная оборона – это следствие введенного военного положения, что с нашей точки зрения является условием, когда один режим зависит от другого. И если военное положение не введено, то и территориальная оборона по логике вещей осуществляться не должна.

Поясним на одном из примеров. Так, статьей 2 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» на войска возложен специфический перечень задач, среди которых стоит указать две задачи, затрагивающие предмет настоящего исследования и которые связаны с обеспечением войсками государственной и общественной безопасности – участие в обеспечении режима военного положения и участие в территориальной обороне.

Итак, участие войск в территориальной обороне является самостоятельным основанием применения государственной военной организации помимо военного положения. Однако, как мы уже сказали Федеральный закон «Об обороне» ставит условие участия в территориальной

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001).

обороне – введение военного положения.

Ю.А. Марценюк по поводу реализации войсками своей задачи, пишет: «Для территориального органа Росгвардии, как основополагающего и системообразующего формирования войск национальной гвардии, важнейшее влияние на его структуру, состав и специфику решаемых задач, готовность к обеспечению государственной и общественной безопасности, обороне страны оказывают особенности субъекта Российской Федерации, в том числе: численность субъекта Российской Федерации; социально-экономическая обстановка; наличие оппозиционных сил и протестная активность в регионе; криминогенная обстановка и другие условия»¹.

С нашей точки зрения существует необходимость внесения изменений в часть 2 статьи 22 Федерального закона «Об обороне», в соответствии с которыми следует отойти от связи территориальной обороны и военного положения. Если всмотреться в местности, где на сегодняшний день действуют отряды территориальной обороны, то это Белгородская область, Курская область, Брянская область, а это те субъекты Российской Федерации, в которых военное положение не вводилось. В указанных регионах действуют режимы контртеррористической операции, чрезвычайной ситуации, введен режим среднего уровня реагирования. Итак, уход от взаимосвязи территориальной обороны от военного положения позволит вводить исследуемый нами инструмент в любом регионе без введения военного положения.

Ситуация явно выглядит запутанной еще и с той точки зрения, что при введении каждого из режимов на войска национальной гвардии в соответствии с российским законодательством налагаются свои специфические полномочия по обеспечению каждого из режимов, что сказывается на защите войсками прав и свобод человека и гражданина. Федеральный закон «Об обороне» предписывает ведение территориальной обороны с учетом мер, применяемых в период действия военного положения, то есть в соответствии с Федеральным конституционным законом «О военном положении». В законодательстве о военном положении упоминание о территориальной обороне звучит всего два раза, да и то в одной статье – 10.1, которая является бланкетной и отсылает к статье 22 Федерального закона «Об обороне».

Таким образом, налицо возникла ситуация, требующая разработки отдельного проекта Федерального закона «О территориальной обороне». Начало работы над такой концепцией закона послужит положительным примером того, что у войск национальной гвардии появятся более определенные полномочия в сфере участия в территориальной обороне, а также разграничению военного положения и указанного режима. А все в совокупности позволит войскам более эффективно обеспечивать государственную и общественную безопасность, защищать права и свободы граждан.

Целью Федерального закона «О территориальной обороне» должно стать – создание, непротиворечивой системы норм, способной на законодательном уровне осуществлять регулирование отношений, связанных с организацией и функционированием территориальной обороны². Предметом правового регулирования закона будут являться общественные отношения, связанные с организацией и функционированием института территориальной обороны, правовой режим которого является неотъемлемой частью режима военного положения.

Федеральный закон «О территориальной обороне» должен внести правовую определенность в регулирование отношений, связанных с: порядком формирования сил территориальной обороны; уточнением места правоохранительных и иных специальных служб в обеспечении режима территориальной обороны; конкретизацией роли органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в организации территориальной обороны; формой и порядком участия граждан и организаций в мероприятиях территориальной обороны; финансированием мероприятий территориальной обороны.

Анализ законодательства не позволил выявить орган государственной власти, ответственный за ведение территориальной обороны. Отчасти это и Министерство обороны в лице военных комиссариатов, и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, в виде создания межведомственных координирующих органов – штабов территориальной обороны. Видимо такую ответственность исходя из предназначения войск национальной гвардии – обеспечение государственной и общественной безопасности, защита прав и свобод человека и гражданина, целесообразно возложить на государственную военную организацию. В этом контексте уместно вести речь о наделении войск национальной гвардии дополнительными полномочиями не только в административно-юрисдикционной плоскости, но и в уголовно-процессуальном аспекте. Конечно, не все так легко, как представляется, вместе с тем, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации и ее силовая компонента – войска национальной гвардии при наделении их соответствующими полномочиями смогли бы справиться с поставленной задачей. Но и саму формулировку задачи по участию в территориальной обороне следует видоизменить на – ведение территориальной обороны. Такой подход напрямую вытекает из всей истории существования и развития войск правопорядка, когда они в различные периоды развития российского государства принимали все меры к охране тыла, борьбе с диверсантами и в решении иных специфических задач, а также будет способствовать приданию войскам национальной гвардии более весомого статуса в системе обеспечения безопасности государства.

Одним из актуальных вопросов, стоящих на повестке дня, является факт установления административной ответственности за нарушение требований в области территориальной обороны (Федеральный закон от 08.08.2024 № 240-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»). Принятие указанного закона осуществлено в целях повышения эффективности системы выявления, предупреждения и пресечения установленных законодательством обязанностей по подготовке и осуществлению мероприятий по территориальной обороне, в связи с чем за неисполнение возложенных на должностных лиц обязанностей по организации и осуществлению мероприятий по территориальной обороне на региональном и муниципальном уровне установлена административная ответственность. Административ-

¹ Марценюк, Ю.А. Об исследовании проблем, связанных с формированием и развитием территориальных органов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / Ю. А. Марценюк // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2018. – № 3. – С. 3-8. – EDN IQCENZ.

² Кардаш, И.Л. Развитие нормативно-правовой базы территориальной обороны Российской Федерации в современных условиях / И. Л. Кардаш // Вестник военного права. – 2018. – № 1. – С. 32-38. – EDN YOOGML.

ное наказание – административный штраф в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей. Производство по делам об административных правонарушениях возложено на военные комиссариаты, что с нашей точки зрения, не совсем уместно, так как должностные лица войск национальной гвардии лучше и эффективнее осуществляют указанное полномочие.

Отметим, что в соответствии с Положением о военных комиссариатах (Указ Президента Российской Федерации от 07.12.2012 № 1609 «Об утверждении Положения о военных комиссариатах») военные комиссариаты являются территориальными органами Министерства обороны Российской Федерации, к полномочиям которых отнесена «организация территориальной обороны в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях (районах территориальной обороны), руководство ее развертыванием и ведением». При этом указанное Положение не предусматривает полномочий комиссариатов по осуществлению контроля за реализацией должностными лицами органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления полномочий по организации и осуществлению мероприятий по территориальной обороне.

Установленная законом обязанность уполномоченных должностных лиц по обеспечению мероприятий территориальной обороны Российской Федерации направлена на защиту интересов и безопасности Российской Федерации, усиление охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды, что предопределяет особую значимость объекта посягательства административного правонарушения. Вопросы осуществления территориальной обороны регулируются положениями Федерального закона «Об обороне». Так, в силу статей 2, 8 указанного Федерального закона планирование и осуществление мероприятий по территориальной обороне входит в организацию обороны, а организации независимо от форм собственности в соответствии с законодательством Российской Федерации обеспечивают и принимают участие в выполнении таких мероприятий. В соответствии с пунктом 2 статьи 4 Федерального закона Президент Российской Федерации, в числе прочего, утверждает Положение о территориальной обороне Российской Федерации и План территориальной обороны Российской Федерации, которыми определяются порядок организации и ведения территориальной обороны, функции уполномоченных органов, в том числе, федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в области территориальной обороны.

Статьей 22 Федерального закона «Об обороне» установлено, что территориальная оборона – это система мероприятий по охране военных, государственных, специальных объектов, важных для жизнедеятельности объектов инфраструктуры, объектов повышенной опасности, а также по борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями иностранных государств и предупреждению и ликвидации последствий их деятельности в целях создания благоприятных условий для функционирования указанных объектов и применения Вооруженных Сил Российской Федерации, и осуществляется она на территории или отдельных местностях Российской Федерации, где введено военное положение.

Для реализации указанных целей создаются межведомственные координирующие органы – штабы территориальной обороны, руководителями которых являются высшие должностные лица субъектов Российской Федерации, должностные лица местного самоуправления, возглавляющие местную администрацию, которые несут персональную ответственность за исполнение возложенных на них обязанностей в области территориальной обороны. Штабы территориальной обороны разрабатывают проекты необходимых нормативных правовых актов соответствующего субъекта Российской Федерации или муниципальных правовых актов, обеспечивают выполнение мероприятий по территориальной обороне на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, муниципального образования. Также штабы территориальной обороны контролируют состояние сил и средств, создаваемых для выполнения мероприятий по территориальной обороне органами исполнительной власти соответствующего региона, муниципальными образованиями и несут за это состояние ответственность.

В соответствии с пунктом 88 части 1 статьи 44 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, в числе прочего, относится решение вопросов организации и осуществления на межмуниципальном и региональном уровне мероприятий по территориальной обороне, включая создание сил и средств для выполнения мероприятий по территориальной обороне. В силу положений Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения муниципального образования относятся, в том числе, вопросы организации и осуществления мероприятий по территориальной обороне.

Таким образом, эффективная реализация войсками национальной гвардии Российской Федерации своего предназначения, а также выполнение ими задач напрямую зависят от принимаемых государством решений. Качественное обеспечение при этом общественной безопасности стоит обособлено и заслуживает отдельной проработки этого вопроса.

Список литературы:

1. Кардаш И.Л. Развитие нормативно-правовой базы территориальной обороны Российской Федерации в современных условиях / И. Л. Кардаш // Вестник военного права. 2018. № 1. С. 32-38. – EDN YOOGML.
2. Марценюк Ю.А. Об исследовании проблем, связанных с формированием и развитием территориальных органов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации / Ю.А. Марценюк // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2018. № 3. С. 3-8. – EDN IQCENZ.

References:

1. Kardash, I. L. The development of the regulatory framework of the territorial defense of the Russian Federation in modern conditions / I. L. Kardash // Bulletin of Military Law. – 2018. – No. 1. – pp. 32-38. – EDN YOOGML.
2. Marsenyuk, Yu.A. On the study of problems related to the formation and development of territorial bodies of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation / Yu.A. Marsenyuk // Academic Bulletin of the National Guard Troops of the Russian Federation. – 2018. – No. 3. – pp. 3-8. – EDN IQCENZ.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_90

УДК 323.28

ТЕРРОРИЗМ: ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА TERRORISM: LEGAL CHARACTERISTICS

ЕВСТРАТОВА Юлиана Айратовна,

заведующий кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, 1.
E-mail: yuliana130682@mail.ru;

ПОПКОВ Дмитрий Валерьевич,

профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат экономических наук.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, 1.
E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru;

ЛУКЬЯНОВА Александра Вячеславовна,

доцент кафедры философских и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат философских наук.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, 1.
E-mail: blacalex@yandex.ru;

EVSTRATOVA Juliana Ayratovna,

Head of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: yuliana130682@mail.ru;

POPKOV Dmitry V.,

Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: Narvskaya-ka@yandex.ru;

LUKYANOVA Alexandra Vyacheslavovna,

Associate Professor of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Philosophical Sciences.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: blacalex@yandex.ru

Краткая аннотация: Сегодня терроризм является одним из самых сложных и опасных политико-правовых явлений. Он выступает в качестве основной угрозы безопасности общества, мешает нормальному функционированию государственных органов и нормальной жизни людей. Кроме того, будучи явлением с политической окраской, терроризм выступает угрозой для существования всего мирового сообщества. Террористические акты и другие террористические преступления, несущие в себе деструктивный потенциал, и совершаемые практически во всех странах, часто становятся причиной военных конфликтов и иных глобальных катастрофических явлений.

Abstract: Terrorism is one of the most complex and dangerous political and legal phenomena today. It appears as the main threat to the security of society, hinders the normal functioning of government agencies and the normal lives of people. In addition, being a phenomenon with a political connotation, terrorism is a threat to the existence of the entire world community. Terrorist acts and other terrorist crimes, which carry a destructive potential and are committed in almost all countries, often cause military conflicts and other global catastrophic phenomena.

Ключевые слова: терроризм, противодействие терроризму, войска национальной гвардии, ФСБ России, правовой режим контр-террористической операции.

Keywords: terrorism, counter-terrorism, National Guard troops, FSB of Russia, legal regime of counter-terrorism operation.

Для цитирования: Евстратова Ю.А., Попков Д.В., Лукьянова А.В. Терроризм: правовая характеристика // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 90-94. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_90.

For citation: Evstratova Yu.A., Popkov D.V., Lukyanova A.V. Terrorism: legal characteristics // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 90-94. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_90.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Терроризм – как часто мы слышим об этом феномене в современном мире. Невзирая на это, нельзя сказать, что терроризм является исключительно современным явлением, чуждым нашим предшественникам. Террористические проявления знакомы еще тем временам, когда племена совершали подобные деяния с целью захватить скот или территорию. Первый же установленный факт существования террористической организации связывается с I веком нашей эры. В те времена организация под названием «Сикари» осуществляла различные убийства, акты уничтожения имущества, путем поджога и иными действиями, схожими с проявлениями терроризма¹.

Сегодня во многих странах мира, в том числе и в России, вспыхивают все новые и новые вспышки терроризма, которые приносят за собой огромное количество жертв и заставляют держать весь мир в страхе.

Непосредственно такой термин, как «терроризм» и близкий к нему термин – «террор» получили широкое распространение в 1789-1794 гг., известных Французской буржуазной революцией. В дальнейшем, в 1798 г., термин «терроризм» был внесен в словарь Французской академии

¹ Тужилин Т.О., Квачко И.А., Шаравин К.В. История возникновения и развитие терроризма в современном мире // Актуальные исследования. – 2022. – № 24. – С. 44.

наук, в котором определялся как «система страха».

Процесс установления сути терроризма начался на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1972 году, когда был создан специальный комитет по международному терроризму. Однако, несмотря на многочисленные проведенные международные конференции, посвященные терроризму, единого определения данному феномену не дано.

Такое обстоятельство объясняется, главным образом, многогранностью и сложностью данного политико-правового феномена. В целом, на сегодняшний день выработано около 200 его определений, разных специалистов из разных областей наук. Перечислять все определения в рамках данного исследования не представляется возможным.

Прежде чем переходить к правовой характеристике указанного института, необходимо установить его отдельные элементы. Это говорит о том, что для понимания терроризма, необходимо выявить и рассмотреть его основные признаки.

Признак насилия находит свое отражение практически во всех источниках международного права. В качестве примеров можно привести Предписание Северной Ирландии о задержании террористов (1972 г.) и Закон Северной Ирландии о чрезвычайных полномочиях (1973 г.), в которых терроризму дается следующее определение: «терроризм – применение насилия в политических целях», что включает «применение насилия в целях устрашения населения или какой-то его части»¹.

В правовых источниках нашей страны данный признак также выступает главным свойством этого феномена. Так, главным ФЗ в сфере борьбы с терроризмом терроризм определяется как «идеология насилия»².

Признак устрашения населения. С нашей точки зрения, признак устрашения – это главное звено терроризма, что можно объяснить тем, что непосредственно термин «*terror*», от которого произошел и термин «терроризм», переводится не иначе как страх и ужас. Тем не менее, он имеет отличия от иных преступлений, которые также могут создавать страх, тем обстоятельством, что страх создается преступниками не просто так, а с целью его использования в качестве инструмента целенаправленного воздействия. При таком воздействии организация устрашающей обстановки не есть самоцель преступления, а есть средство достижения его цели.

Верховный Суд РФ придерживается такой же позиции. В частности, устанавливает, что: «Совершение взрыва, поджога или иных действий подобного характера влечет уголовную ответственность по статье 205 УК РФ в тех случаях, когда установлено, что указанные действия имели устрашающий население характер... Устрашающими население могут быть признаны такие действия, которые по своему характеру способны вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества и т.п.»³.

Признак специальной цели. Террористические преступления, которые находят место в УК РФ, и отражаются в нем в виде определенных составов, характеризуются политической направленностью.

По данному вопросу Верховный Суд дает следующее пояснение: «...посягательство на жизнь и здоровье другого человека путем производства взрыва, поджога или иных действий подобного характера... и не преследующее цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, не образует состав преступления, предусмотренный статьей 205 УК РФ, и квалифицируется по соответствующим статьям Особенной части УК РФ».

Многие эксперты в области исследования терроризма считают, что понятие «терроризм» не должно рассматриваться только в рамках политической цели⁴. Данное понятие должно стать аполитичным, это значит, что в нем должны усматриваться все потенциальные цели терроризма. Согласиться с этим мнением невозможно. С нашей точки зрения, подобного рода подход к сущности терроризма сотрет грани между террористическими и иными составами преступлений. Тем самым возникнут дополнительные проблемы при классификации схожих составов.

Как пример можно вспомнить, как квалифицировались действия Галявиева И. (более известного, как «казанского стрелка») ⁵.

Припомним, что в казанской гимназии им был совершен массовый расстрел граждан, но при этом его преступление не было квалифицировано как какое-либо из террористических преступлений. В частности, его деяния были квалифицированы только по статье за убийство (ст. 105, ч. 2). Терроризм в данном случае не вменялся, поскольку в действиях злоумышленника не было цели «дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций либо воздействовать на принятие ими решений». При этом, если бы у преступника была бы найдена литература террористического содержания или доказана его связь с терроризмами и пр., то это дело было бы квалифицировано по статьям террористической направленности.

Признак повышенной общественной опасности. Данный признак является, пожалуй, одной из самых важных характеристик исследуемого феномена. Совершая общественно опасные деяния или угрожая их совершением, террористам удается сформировать обстановку страха и оказать психологическое воздействие, целью которого выступает склонение других лиц к определенным действиям (поведению).

Наряду с этим, террористы не просто создают чувства страха, опасности и незащищенности (хотя это уже напрямую связывается с целью терроризма), они создают ситуацию, при которой вероятен исход с причинением смерти огромному количеству людей. При этом не важно каким образом акт терроризма будет приведен в жизнь. Он может быть выражен производством поджога, взрыва и пр., при этом все равно будет

¹ Кочои С.М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: монография / С. М. Кочои. М: Проспект, 2023. – С. 60.

² Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия: монография / Безрукова О. В., Капитонова Е. А., Кулешова Г. П. [и др.]. М: Проспект, 2023. –С. 54.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская Газета. 2016. № 259.

⁴ Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г.А. Агаев, Н.В. Баранков, Д.А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

⁵ История стрельбы в гимназии № 175 //URL: <https://59.ru/text/incidents/2023/04/13/72216908/> // (дата обращения: 13.02.2025)

иметь место повышенная общественная опасность.

Признак наличия идеологии. Данный признак непосредственно отражен в главном антитеррористическом законе РФ, а также в уголовном законодательстве. Это значит, что основу террористических деяний составляет идея, которая при помощи совершения террористического преступления, привлекает к себе внимание. При этом, идеология может быть религиозной, националистической или сепаратистской.

Признак отсутствия латентности или публичность. Латентность по природе терроризма не может быть присуща ему. Как правило, террористы при совершении террористических преступлений, совершают все действия для того, чтобы их деяния не остались незамеченными обществом и государством, получили широкую огласку, зачастую даже специально раскрываются лица, которые их совершают, в то время как при совершении иных преступлений, злоумышленники предпринимают все усилия для того, чтобы скрыть свою личность и остаться не пойманным. Часто какой-то определенной террористической организации важно, чтобы все понимали: преступление совершено именно ими, а ни кем-то другим.

Рассмотрев признаки терроризма, вновь вернемся к определению данного феномена, обратившись, прежде всего, к законодательным и научным основам.

Законодательное определение терроризма содержится в ФЗ «О противодействии терроризму». В рассматриваемом нормативно-правовом акте определение данного явления таково: «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Между тем, УК РФ не содержит дефиниции терроризма¹. Однако существует узкое и широкое толкование данного явления, благодаря имеющимся в УК составам преступления. Так, с точки зрения узкого подхода понятие террористического подразумевает характеристику, указанную в ч. 1 ст. 205 УК РФ. С позиции широкого подхода под понятие «терроризм» попадает сразу несколько составов преступления (куда входят преступления, предусмотренные ст. 205.1-205.6 УК РФ; 207 УК РФ; 361 УК РФ и пр.)².

Бесспорно, к главному террористическому преступлению в российском законодательстве относят террористический акт³. Непосредственно ст. 205 УК РФ (террористический акт) представляет собой совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Проанализировав юридическую литературу, можно сделать вывод о том, что общественная безопасность является непосредственным объектом исследуемого нами преступления. Существует также и такая категория, как дополнительный объект, к которому применительно к террористическому акту, относят: 1) жизнь, 2) здоровье, 3) организационно-управленческий вред, 4) собственность.

Отметим, что подразумевается под понятием общественной безопасности, поскольку в дальнейшем, в ходе исследования, нам не раз встретится данная теоретико-правовая категория. Общественная безопасность, в контексте уголовного закона – это защищенность общества (граждан, входящих в него), а также его духовных и материальных ценностей от разного рода преступлений, предусмотренных уголовно-правовыми нормами.

Проанализируем объективную сторону террористического акта. Она представлена сразу двумя альтернативными деяниями, первое из которых охватывает сразу ряд разных действий. Так, в качестве первого деяния, отражающего объективную сторону этого преступления, выступает совершение взрывов и поджогов, а также иных действий, для которых установлен ряд требований. Требования закона таковы, что подобные действия должны устрашать население, создавать опасность гибели людей, а также приводить к значительному имущественному ущербу или приводить к иным общественно-опасным последствиям.

Если размышлять о такой категории, как опасность гибели людей, то следует отметить, что под ней понимается опасность причинения смерти, вследствие террористического акта, даже одному лицу. При этом такая опасность может не наступить, ведь данная категория – категория опасности характеризует собой лишь объективно возможное, а не реальное наступление определенных последствий⁴.

Иными действиями могут быть умышленные действия различного характера, последствия которых будут подобны террористическому акту⁵. Примеров много: это и затопление объектов жизнеобеспечения, повреждение линий электропередачи, распространение различного рода эпидемий (эпизоотий) и пр.

Что касается угрозы совершения взрыва, поджога или иных действий..., то она может быть выражена по-разному: 1) устно; посредством публикации в печатных изданиях; 2) при помощи использования средств и возможностей интернета, телевидения, радио и пр.⁶

¹ Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBFJC.

² Агаев Г.А., Быковский Д.Е. Уголовно-правовая политика в сфере борьбы с терроризмом //Аллея науки. – 2022. – № 8. – С. 282.

³ Шеншин, В. М. Юридические гарантии законности в деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPU.

⁴ Лебедев А.С., Замараев В.И. Уголовно-правовое противодействие терроризму // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде. – 2023. – № 1 – С. 130.

⁵ Новокшионов, Д. В. Объективная сторона преступления (окончание) / Д. В. Новокшионов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3(231). – С. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA; Новокшионов, Д. В. Объективная сторона преступления (начало) / Д. В. Новокшионов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZZEJE.

⁶ Метельков, А. Н. О соотношении понятий "борьба с терроризмом" и "минимизация и (или) ликвидация проявлений терроризма" в борьбе с ядерным терроризмом / А. Н. Метельков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 25-37. – EDN PCHSBK.

Состав данного преступления формальный, характеризуется тем, что непосредственно совершение взрыва, поджога, иных действий или высказывание угрозы террористического акта, выступают в качестве момента окончания данного преступления и наступления каких-либо последствий для этого не требуется.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла и цели. Лица, совершающие террористические акты, осознают общественно опасный характер своих действий и желают их совершить¹.

Субъектом террористического акта является физическое вменяемое лицо, достигшее 14-ти лет.

Таким образом, терроризм, который сегодня имеет место в самых разных странах земного полушария, имеет ряд опасных, присущих ему признаков. Среди таковых: широкий размах (арсенал) террористических действий; высокий уровень организованности; вливание значительных финансов в террористическую деятельность; высокий уровень технической оснащенности; отсутствие явных государственных границ и т.д.

Террористы в современных условиях имеют возможность использовать такие новейшие технологии, которые выводят террористические операции в один ряд с военными, что позволяет отнести терроризм к новейшей форме войны.

Угрозы, которые представляет терроризм, не только ухудшают экономическое положение во всем мире, но и подрывают государственную целостность стран, наносят урон, авторитету их представительных органов, сея панику и ужас среди обычных людей². Россия также не является исключением.

По данным глобального индекса терроризма, охватывающего 135 стран мира, на 2023 год РФ занимала 44 место с индексом 4,219³. Более негативные индексы терроризма имели Сирия – 8,2; Индия – 7,432, Египет – 6,932. Турция – 5,651 и др. Самый высокий индекс у Афганистана (9,109), у Ирака (8,511), у Сомали (8,398). Имеются и страны, где глобальный индекс терроризма равняется 0 (Узбекистан, Сербия, Грузия, Эстония, Беларусь, Болгария и др.).

Говоря о статистических данных, необходимо сказать о том, что в России, согласно официальным данным, в период с 2010 по 2023 год количество зарегистрированных террористических преступлений увеличилось почти в 4 раза с 581 (2010 г.) до 2382 преступлений за 2023 год⁴. Представленные показатели указывают на то, что сегодня количество совершения террористических преступлений стремительно растет⁵.

России не раз приходилось сталкиваться с террористическими деяниями, это и взрывы жилых домов⁶, взрывы в московском и петербургском метро, взрывы в поезде и многое другое⁷.

Постоянный рост террористической преступности является негативной тенденцией нашего государства⁸, в связи с чем борьба с терроризмом становится важной задачей российского общества и, конечно, государственной власти⁹. По этой причине борьба с терроризмом значится в качестве одной из главных целей Стратегии национальной безопасности РФ¹⁰. Это в свой черед обуславливает важность такого государственного направления, как антитеррористическая политика¹¹. Данная деятельность основывается на организационных и правовых началах, где ключевая роль принадлежит правовому режиму контртеррористической операции¹². В условиях постоянно нарастающей террористической угрозы использование этого специального правового режима с целью своевременного пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства становится крайне необходимым¹³.

Наряду с этим, применение данного специального правового режима в процессе противодействия терроризму, в нашей стране не имеет четкую правовую основу, что обусловлено рядом правовых проблем и пробелов, касающихся правового регулирования данного режима. К тому же практика показывает множество примеров, когда применение экстраординарных мер в отсутствие правового регулирования, может привести к невыполнению в различных формах установлений, содержащихся в Конституции и приравненных к ней по юридической силе источников.

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Л. В. Иногумова-Херай и др. М: Инфра-М, 2020. – С. 209.

² Шеншин, В. М. Об обеспечении режима контртеррористической операции в приграничных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 12(329). – С. 86-92. – EDN HQMAQU.

³ Глобальный индекс терроризма – 2023 // URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2023.html/> (дата обращения: 13.02.2025)

⁴ МВД РФ сообщило о росте на 6% числа террористических преступлений в 2023 г. // URL: <https://www.interfax.ru/russia/945212/> (дата обращения: 13.02.2025)

⁵ Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.

⁶ Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.

⁷ Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.

⁸ Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFW.

⁹ Шеншин, В. М. Полномочия Росгвардии по организации участия войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом следует дополнить / В. М. Шеншин // Современные вопросы государства, права, юридического образования : Сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 22 декабря 2022 года / Редколлегия: А.В. Лапаева, Н.С. Ельцов, О.В. Моисеева. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2023. – С. 137-141.

¹⁰ Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.

¹¹ Шеншин, В. М. Противодействие терроризму и экстремизму в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Тольятти, 26 ноября 2021 года / Тольяттинский государственный университет; Институт права. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРА", 2021. – С. 107-113. – EDN PBULCP.

¹² Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 31-40. – EDN OMFOIU; Строков, С. А. Особенности правового режима контртеррористической операции / С. А. Строков, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 1(246). – С. 109-117. – EDN YMHUXM.

¹³ Полунин, С. В. Возраст как один из факторов участия в террористической деятельности / С. В. Полунин, Е. С. Герман // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы : Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Новосибирск, 25 октября 2017 года / Под общей редакцией С.А. Куценко. Том Часть 2. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 260-264. – EDN ZUGYHR.

Список литературы:

1. Тужилин Т.О., Квачко И.А., Шаравин К.В. История возникновения и развитие терроризма в современном мире // Актуальные исследования. – 2022. – № 24. – С. 44.
2. Кочои С.М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: монография / С. М. Кочои. М: Проспект, 2023. –С. 60.
3. Терроризм и современное право: актуальные вопросы противодействия: монография / Безрукова О. В., Капитонова Е. А., Кулешова Г. П. [и др.]. М: Проспект, 2023. –С. 54.
4. Уголовное право. Общая часть : учебник / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, М. В. Баранчикова [и др.]. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBVJJC.
5. Шеншин, В. М. Юридические гарантии законности в деятельности Росгвардии / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPUP.
6. Лебедев А.С., Замараев В.И. Уголовно-правовое противодействие терроризму // Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде. – 2023. – № 1 – С. 130.
7. Новокшонов, Д. В. Объективная сторона преступления (окончание) / Д. В. Новокшонов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 3(231). – С. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.
8. Новокшонов, Д. В. Объективная сторона преступления (начало) / Д. В. Новокшонов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2(230). – С. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZJEJE.
9. Шеншин, В. М. Об обеспечении режима контртеррористической операции в приграничных субъектах Российской Федерации / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 12(329). – С. 86-92. – EDN HQMAQU.
10. Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPHA.
11. Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.
12. Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFW.
13. Шеншин, В. М. Полномочия Росгвардии по организации участия войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом следует дополнить / В. М. Шеншин // Современные вопросы государства, права, юридического образования : Сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 22 декабря 2022 г. / Редактор: А.В. Лапаева, Н.С. Ельцов, О.В. Моисеева. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2023. – С. 137-141.
14. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
15. Шеншин, В. М. Противодействие терроризму и экстремизму в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Тольятти, 26 ноября 2021 года / Тольяттинский государственный университет, Институт права. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРАМА", 2021. – С. 107-113. – EDN PBULCP.
16. Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 31-40. – EDN OMFOIU.
17. Строков, С. А. Особенности правового режима контртеррористической операции / С. А. Строков, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 1(246). – С. 109-117. – EDN YMHUXM.
18. Полунин, С. В. Возраст как один из факторов участия в террористической деятельности / С. В. Полунин, Е. С. Герман // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы : Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Новосибирск, 25 октября 2017 года / Под общей редакцией С.А. Куценко. Том Часть 2. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 260-264. – EDN ZUGYHR.
19. Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
20. Метельков, А. Н. О соотношении понятий "борьба с терроризмом" и "минимизация и (или) ликвидация проявлений терроризма" в борьбе с ядерным терроризмом / А. Н. Метельков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 25-37. – EDN PCHSBK.
21. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAYMY.

References:

1. Tuzhilin T.O., Kvachko I.A., Sharavin K.V. The history of the emergence and development of terrorism in the modern world // Current research. – 2022. –No. 24. – P. 44.
2. Kochoi S.M. Anti-extremist norms: legal justification of countering terrorism: a monograph / S. M. Kochoi. Moscow: Prospekt, 2023, p. 60.
3. Terrorism and modern law: actual issues of counteraction: a monograph / Bezrukova O. V., Kapitonova E. A., Kuleshova G. P. [et al.]. Moscow: Prospekt, 2023. –p. 54.
4. Criminal law. General part : textbook / A.V. Nikulenka, S. A. Denisov, M. V. Baranchikova [and others]. – 2nd edition, revised and expanded. – Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – 424 p. – ISBN 978-5-91837-939-4. – EDN MVBVJJC.
5. Shenshin, V. M. Legal guarantees of legality in the activities of the Russian Guard / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 10(238). – Pp. 82-85. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_10_82. – EDN LVMCPUP.
6. Lebedev A.S., Zamaraev V.I. Criminal law counteraction to terrorism // Prevention and counteraction to extremism and terrorism in the information environment. – 2023. – No. 1 – p. 130.
7. Novokshonov, D. V. The objective side of the crime (ending) / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 3(231). – Pp. 331-334. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_3_331. – EDN JZOVDA.
8. Novokshonov, D. V. The objective side of the crime (the beginning) / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Agrarian and land law. – 2024. – № 2(230). – Pp. 246-249. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_2_246. – EDN GZJEJE.
9. Shenshin, V. M. On ensuring the regime of counter-terrorism operations in the border regions of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 12(329). – Pp. 86-92. – EDN HQMAQU.
10. Shenshin, V. M. Terrorism and counteraction to terrorism and extremism by the CSTO / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Y. Starostin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 11(316). – Pp. 104-109. – EDN LOXPHA.
11. Volkogon, T. A. On the issue of the legal regimes "martial law" and "counter-terrorism operation" and the exercise by the troops of the National Guard of the Russian Federation of their powers in these regimes / T. A. Volkogon, A. N. Tulaev, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 9(314). – Pp. 21-32. – EDN OTKMXR.
12. Shenshin, V. M. On the concept of extremist crimes and on the participation of National Guard troops in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 7(312). – Pp. 89-94. – EDN XRZGFW.
13. Shenshin, V. M. The powers of the Rosgvardiya to organize the participation of National Guard troops in the fight against terrorism and extremism should be supplemented / V. M. Shenshin // Modern issues of state, law, and legal education: A collection of scientific papers based on the materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Tambov, December 22, 2022 / Editorial Board: A.V. Lapayeva, N.S. Yeltsov, O.V. Moiseeva. Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2023, pp. 137-141.
14. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2022. 202 p. ISBN 978-5-6048482-9-6. EDN CCFOMJ.
15. Shenshin, V. M. Countering terrorism and extremism in the field of ensuring state and public security / V. M. Shenshin // Criminal law impact as a special purposeful activity of the state : collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation), Tolyatti, November 26, 2021 / Tolyatti State University; Institute of Law. – Tolyatti: SAMARAMA Limited Liability Company, 2021. – pp. 107-113. – EDN PBULCP.
16. Shenshin, V. M. The place of the National Guard troops in the system of ensuring state and public security in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Military law. – 2021. – № 6(70). – Pp. 31-40. – EDN OMFOIU.
17. Strokov, S. A. Features of the legal regime of the counter-terrorism operation / S. A. Strokov, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2018. – № 1(246). – Pp. 109-117. – EDN YMHUXM.
18. Polunin, S. V. Age as one of the factors of participation in terrorist activities / S. V. Polunin, E. S. German // Actual problems of countering terrorism and extremism: history, current state, prospects : Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. In 2 parts, Novosibirsk, October 25, 2017 / Edited by S.A. Kutsenko. Volume Part 2. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2017. pp. 260-264. – EDN ZUGYHR.
19. Criminal law. Special part : A course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [and others]. – St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – 632 p. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.
20. Metelkov, A. N. On the relationship between the concepts of "combating terrorism" and "minimizing and (or) eliminating manifestations of terrorism" in the fight against nuclear terrorism / A. N. Metelkov // Law. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 4(53). – Pp. 25-37. – EDN PCHSBK.
21. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Without is a danger. Emergency situations. – 2022. – № 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAYMY.

**НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ЯЗЫКА СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК ОСНОВАНИЕ К ОТМЕНЕ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ:
ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
VIOLATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF THE LANGUAGE
OF JUDICIAL PROCEEDINGS AS A BASIS FOR THE ANNULMENT OF A COURT DECISION:
A REVIEW OF JUDICIAL PRACTICE**

СТУС Нина Владимировна,

профессор кафедры конституционного и международного права,
Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: stus@bsuedu.ru;

ГУЧИНОВА Лалина Асланбековна,

аспирант кафедры конституционного и международного права,
Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: 1684421@bsuedu.ru;

STUS Nina Vladimirovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the Law Institute of the National Research University «BelSU».
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation.
E-mail: stus@bsuedu.ru;

GUCHINOVA Lalina Aslanbekovna,

Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law,
Law Institute, Belgorod State National Research University.
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation.
E-mail: 1684421@bsuedu.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу сформировавшейся в Российской Федерации судебной практики, свидетельствующей о нарушении судами конституционного принципа языка судопроизводства. Приведенное исследование позволило определить основные формы нарушения принципа языка судопроизводства, которые допускают суды разных уровней и органы предварительного расследования, а также основания, по которым суды вышестоящих инстанций отменяют принятые по делу судебные постановления.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the judicial practice formed in the Russian Federation, which testifies to the violation by the courts of the constitutional principle of the language of judicial proceedings. The above study made it possible to identify the main forms of violation of the principle of the language of judicial proceedings, which are allowed by courts of different levels and bodies of preliminary investigation, as well as the grounds on which the courts of higher instances cancel the court decisions adopted in the case.

Ключевые слова: Конституция, конституционный принцип языка судопроизводства, правовое государство, суд, язык, переводчик, защитник, ходатайство, судебное заседание, лица, участвующие в деле.

Keywords: The Constitution, the constitutional principle of the language of judicial proceedings, the rule of law, the court, language, translator, defender, petition, court session, persons participating in the case.

Для цитирования: Стус Н.В., Гучинова Л.А. Нарушение конституционного принципа языка судопроизводства как основание к отмене судебного решения: обзор судебной практики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 95-98. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_95.

For citation: Stus N.V., Guchinova L.A. Violation of the constitutional principle of the language of judicial proceedings as a basis for the annulment of a court decision: a review of judicial practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 95-98. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_95.

Статья поступила в редакцию: 26.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Конституция Российской Федерации, провозгласив своей ст. 2 человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, установила обеспечительную роль правосудия (ст. 18) на основе равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19), гарантирование охраны достоинства личности (ч. 1 ст. 21) и государственную вообще (ч. 1 ст. 45), а судебную (ч. 1 ст. 46) в частности защиту ее прав и свобод.

Системной реализации этого служат соответствующие принципы, которые формализованы конституционно и законодательно, а также разработаны на доктринальном уровне. Как отмечает М.В. Мархгейм, а мы ее поддерживаем, «смысловые нагрузки, и ценностные грани конституционных принципов представляются практически неисчерпаемыми. В числе таких смыслов и граней – интегральность конституционных принципов, щедро распространяющая свой потенциал на современное общество и государство» [3]. К числу конституционных принципов, помимо прочих иных, относится принцип языка судопроизводства.

Разрабатывая конституционно-правовую теорию принципов судебной власти, А.П. Тресков уделил данному принципу специальное внимание [9] и определил его «в категорию принципов субъектно-статусной конфиденции, которая объединяет принципы, способствующие формированию доверия к суду и судьям» [8, с. 95].

По мнению О.Ю. Кузнецова «принцип языка судопроизводства, гарантируя и обеспечивая права и законные интересы субъектов процессуальных правоотношений, не владеющих языком, на котором осуществляется рассмотрение дела с их участием, одновременно обеспечивает сбалансированность и гармоничность применения процедур правосудия в зависимости от предмета разбирательства по делу и субъективных

характеристик личности его участников» [2].

Кроме того, приведенный принцип также следует отнести к категории организационно-функциональных при осуществлении судопроизводства в правовом государстве, так как его существование и функционирование основано на провозглашении российского государства демократическим, правовым, с республиканской формой правления.

Поскольку основное предназначение принципа языка судопроизводства состоит в обеспечении беспрепятственной коммуникации всех лиц, участвующих в деле с судом и между собой, представляется необходимым определить обстоятельства, при которых лицо признается не владеющим или в недостаточной степени владеющим языком, на котором ведется судопроизводство.

Как усматривается из содержания сборника постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1974-1979 г., «не владеющим языком судопроизводства следует считать иностранного гражданина, который не понимает или плохо понимает обычную разговорную речь, а также не умеет свободно изъясняться на данном языке либо испытывает затруднения в понимании тех или иных терминов или обстоятельств, связанных с производством процессуальных действий» [11, с. 30].

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указано, что «по смыслу закона под недостаточным владением языком понимается такой уровень знания языка, когда лицо не может уяснить смысл новых сложных для него понятий, т.е. владение языком не определяется как свободное, а, следовательно, лицо лишено возможности эффективно защищать свои права и законные интересы в рамках уголовного судопроизводства на всех его стадиях» [6].

Приведенные положения подлежат применению не только в рамках осуществления уголовного судопроизводства, но также распространяют свое действие на иные установленные законом виды судопроизводства.

Необходимо отметить, что изложенные судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации разъяснения в некоторых случаях остаются без внимания судов, что приводит к созданию препятствий для лиц, участвующих в деле, в общении с судом и с иными участниками по делу, а также к допущению судебной ошибки с позиции применения норм процессуального права.

Как усматривается из содержания статей 330 и 379.7 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации одним из оснований для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке, а также отмены или изменения судебных постановлений кассационным судом общей юрисдикции, является нарушение правил о языке, на котором ведется судебное производство.

Иными словами, нарушение конституционного принципа языка судопроизводства является безусловным основанием к отмене принятых по делу судебных постановлений.

Между тем, несмотря на особое значение принципа языка судопроизводства при осуществлении правосудия, некоторые процессуалисты не относят указанный принцип к реально действующим в настоящее время.

При нарушении правил о языке, на котором ведется судопроизводство, как указывает А.Т. Боннер «речь может идти исключительно о нарушении права лиц, участвующих в деле, давать объяснения, заявлять ходатайства и т.д. на родном языке или любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика» [1]. Одновременно автор указывает, что подобная ситуация в судебной практике встречается, но довольно редко.

Анализ сложившейся судебной практики свидетельствует о действительности слов автора, поскольку случаи нарушения судами принципа языка судопроизводства имеют место быть, однако широкого спектра распространения не имеют.

Для полного раскрытия проблемных аспектов рассматриваемого нами вопроса представляется необходимым проанализировать соответствующий массив судебной практики, свидетельствующий о нарушении судами и правоохранительными органами принципа языка судопроизводства.

Как следует из обстоятельств дела, изложенных в определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2009 г. № 66-О09-219, в период предварительного расследования уголовного дела по ходатайству обвиняемого П. и его защитника был назначен переводчик со знанием ингушского языка. Вместе с тем, в нарушение требований ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ постановление о привлечении П. в качестве обвиняемого не было переведено на ингушский язык и перевод указанного процессуального документа обвиняемому не был вручен.

Далее, П. в судебном заседании заявил ходатайство о предоставлении ему переводчика. Защитник Ш. поддержал ходатайство подзащитного, указав, что ранее Верховный Суд Российской Федерации дважды подтверждал правильность возвращения данного уголовного дела прокурору по основаниям, связанным с необходимостью участия переводчика в производстве по уголовному делу. Однако, рассмотрев ходатайство обвиняемого и его защитника, суд постановил отказать в его удовлетворении.

Решение суда по ходатайству было мотивировано тем, что П. в достаточной мере владеет русским языком, так как в материалах уголовного дела имеются данные о том, что он окончил российскую среднюю школу и техникум, обучение в которых проводилось на русском языке, является гражданином России, проживает в г. Иркутске с 1995 года, неоднократно участвовал в следственных действиях и в судебных разбирательствах, производство в которых осуществлялось на русском языке, и в услугах переводчика не нуждался.

Между тем, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала право П. на доступ к правосудию нарушенным и Постановлением от 22 октября 2009 года об отказе в предоставлении переводчика отменила, материалы по ходатайству о продлении срока содержания под стражей направила на новое судебное рассмотрение в тот же суд [7].

Согласно сложившейся судебной практике лицу, участвующему в деле, может быть отказано в предоставлении переводчика по мотиву наличия у него представителя.

Согласно содержанию Определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11 февраля 2022 № 88-4283/2022 В. обратился в суд с заявлением о пересмотре принятого по делу решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам. Определением Мытищинского городского суда Московской области от 25 ноября 2020 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 8 сентября 2021 г., в удовлетворении требований отказано.

Отменяя принятые по делу судебные постановления суд кассационной инстанции указал, что согласно протоколу судебного заседания суда первой инстанции от 25 ноября 2020 г. В. заявил ходатайство о желании воспользоваться услугами переводчика. Суд в удовлетворении ходатайства отказал, посчитав, что заявитель владеет русским языком и имеет представителя.

Кассационный суд обратил внимание на то, что суд первой инстанции в нарушение статьи 26 Конституции Российской Федерации, пункта 29 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», статей 9 и 162 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации необоснованно отклонил заявленное В. ходатайство, поскольку суд не обладает компетенцией определения степени владения языком национального судопроизводства, а наличие представителя не является юридически значимым обстоятельством при разрешении вопроса об участии переводчика.

Таким образом, суд кассационной инстанции, установив нарушение прав В., а также принципа языка судопроизводства, пришел к выводу об отмене принятых судебных постановлений с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции [5].

Вопросы нарушения практики применения и реализации принципа языка судопроизводства являются также предметом рассмотрения в Обзорах Верховного Суда. В содержание Обзора кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2012 года включено определение от 18 июня 2012 г. № 4-О12-38, в соответствии с содержанием которого судебная коллегия усмотрела нарушение принципа языка судопроизводства.

Согласно указанному определению, 10 февраля 2012 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации принято решение о выдаче К. для уголовного преследования компетентным органам Республики Таджикистан, соответствующее уведомление ему было вручено 22 февраля 2012 г.

24 марта 2012 г. К. подал жалобу на решение прокуратуры. В своем заявлении от 26 марта 2012 г. он просил суд восстановить ему пропущенный на обжалование срок, указывая на отсутствие переводчика при ознакомлении с решением, одновременно ссылаясь на незнание русского языка, что воспрепятствовало ему понять свое право на обжалование в течение отведенного срока.

Между тем, в удовлетворении указанного ходатайства К. Московским областным судом в Постановлении от 24 апреля 2012 г. было отказано.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление, указав, что в школе и ПТУ, которые окончил К., преподавание велось на таджикском языке. Жалобу и ходатайство на русском языке для него писал другой человек. Кроме того, ни одно должностное лицо не разъяснило ему право иметь переводчика. Постановление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации о его выдаче не было переведено на его родной язык, а уведомление о постановлении он подписал, не понимая его сути.

Из содержания определения следует, что суд не выяснил, владеет ли К. русским языком, не разъяснил ему и не обеспечил его право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, принимать жалобы, выступать в суде на родном языке и бесплатно пользоваться помощью переводчика.

С учетом вышеизложенного, а также установленных судами по делу фактических обстоятельств, судебная коллегия пришла к выводу, что постановление вынесено с нарушением уголовно-процессуального закона, с нарушением права К. на защиту, в связи с чем подлежит отмене, а материал – направлению на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда. Анализ вышеприведенных положений свидетельствует о том, что основными формами нарушения принципа языка судопроизводства являются не предоставление лицу, участвующему в деле, переводчика, а также не выяснение судом обстоятельств владения или не владения лицом языком судопроизводства, в необходимой для участия в судебном заседании базовой форме для беспрепятственной коммуникации с судом и иными лицами. При изучении практического материала по рассматриваемой теме нами было установлено, что нарушением принципа языка судопроизводства также может являться не перевод текста судебных постановлений с помощью применения шрифта Брайля, на что также обращалось внимание в научных публикациях [10].

Как следует из содержания Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2021 г. № 2650-О «По жалобе гражданина Григорьева Вадима Всеволодовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» по мнению заявителя, оспариваемая норма не соответствует статьям 2, 17 (части 1 и 2), 18, 19, 24 (часть 2) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку она не обязывает суд обеспечить изготовление копии приговора с использованием шрифта Брайля для вручения слепому либо слабовидящему осужденному, не имеющему возможности прочитать обычный (плоскопечатный) текст.

Согласно содержанию указанного определения и фактическим обстоятельствам дела, Григорьев В.В. в ходе судебного разбирательства по уголовному делу в отношении него и ряда граждан перенес заболевание, в результате которого наступили тяжелые последствия для его здоровья в виде существенных нарушений (фактической утраты) функции зрения.

В жалобе Григорьевым В.В. было изложено о том, что он, находясь в следственном изоляторе, освоил методику чтения рельефно-точечного тактильного шрифта для незрячих либо плохо видящих людей (шрифт Брайля) в степени, позволяющей самостоятельно читать тексты, написанные (изготовленные) с применением системы Брайля.

В связи с этим, после вынесения 6 марта 2017 года обвинительного приговора, защитник 20 марта 2017 года обратился в Железнодорожный районный суд г. Новосибирска с заявлением о предоставлении осужденному, копии указанного судебного постановления, изготовленного с применением шрифта Брайля. Суд, отказывая в удовлетворении заявления, указал, что осужденный активно участвовал в рассмотрении уго-

ловного дела, при этом он и его защитники не заявляли в ходе судебного разбирательства о необходимости изготовления принятых судебных документов с применением шрифта Брайля. Одновременно судом было отмечено, что для вручения осужденному изготовлена копия текста приговора, напечатанного обычным (плоскопечатным) шрифтом на одной стороне листа в четырех томах.

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с выводами судьи, оставив определение об отказе в удовлетворении ходатайства без изменения.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что нормы статьи 18 УПК Российской Федерации в системе действующего законодательства предполагают вручение осужденному – хотя и владеющему русским языком, но чьи физические возможности зрения в прочтении текстов документов, выполненных обычным (плоскопечатным) шрифтом, ограничены, – приговора, изготовленного с использованием рельефно-точечного тактильного шрифта Брайля при условии, что он владеет навыками чтения такого текста и не в состоянии прочитать обычный (плоскопечатный) текст. При этом суд должен удостовериться, что уровень владения осужденным навыками чтения текста, выполненного шрифтом Брайля, со всей очевидностью является достаточным для реализации названным участником права на ознакомление с приговором, что исключает с его стороны злоупотребление правом требовать предоставления текста приговора в такой форме, которой в силу отсутствия указанных навыков он самостоятельно воспользоваться не сможет, тогда как ознакомление с текстом приговора, изготовленного обычным (плоскопечатным) шрифтом, по крайней мере возможно с помощью других лиц. Конституционный Суд Российской Федерации одновременно указал в определении, что вручение осужденному, имеющему существенные нарушения функции зрения, текста приговора, выполненного обычным (плоскопечатным) шрифтом, не препятствует ознакомлению с его содержанием различными альтернативными способами, предусмотренными законом, и обжалованию приговора, не влияет на судьбу такого приговора, а потому не предполагает его отмены и пересмотра уголовного дела в связи с указанным обстоятельством [4].

Вышеизложенная позиция высшего судебного органа конституционного контроля в Российской Федерации наглядно свидетельствует о том, что указанным органом ведется активная деятельность по контролю как за соблюдением конституционного принципа языка судопроизводства, так и по предотвращению попыток лиц, участвующих в деле, злоупотребить гарантированными им правами, свободами и законными интересами в целях обжалования по их мнению «незаконных» судебных постановлений, принятых по делу, затягиванию производства по делу, а также оспариванию норм процессуального права, как не соответствующих Конституции России.

Анализ приведенных положений позволяет сделать вывод о том, что неукоснительное соблюдение рассмотренного в настоящей работе конституционного принципа языка судопроизводства позволяет минимизировать или в большей степени исключить случаи нарушения гарантированных Конституцией России и принятыми в ее исполнение нормативными правовыми актами прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также лиц, участвующих при рассмотрении дела в суде, что в конечном итоге способствует соблюдению баланса интересов и обеспечению равноправия сторон при осуществлении правосудия, вынесению законного и обоснованного судебного постановления по делу, а также восстановлению нарушенных прав лица.

Список литературы:

1. Боннер А. Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8, № 5. С. 11-31.
2. Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства (начало) // Современное право. 2005. № 4. С. 46-52.
3. Маркгейм М.В. Конституционные принципы как интегральный фактор современного российского общества и государства // Юриспруденция как интегративный феномен современного российского общества и государства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Юридического института НИУ «БелГУ». 2018. С. 49-51.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2650-О «По жалобе гражданина Григорьева Вадима Всеволодовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» URL: <https://www.consultant.ru/>.
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2022 №88-4283/2022 // URL: <https://www.consultant.ru/>.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2009 г. № 66-О09-219 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2009 г. № 66-О09-219 // URL: <https://www.consultant.ru/>.
8. Тресков А.П. Дефинирование конституционно-правового принципа языка судопроизводства в России на основании анализа его свойств // Российская юстиция. 2023. № 2. С. 76-80.
9. Тресков А.П. Принцип языка судопроизводства в России: конституционно-правовые аспекты // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития: Материалы международной научно-теоретической конференции – IX Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки РФ, члена-корреспондента РАН, д.ю.н., профессора Мальцева Г.В. (Белгород, 28-29 апреля 2022 г.). Белгород, ООО «Гик», 2022. С. 89-99.
10. Тресков А.П., Скифус С.В. Особенности обеспечения конституционного принципа языка в судопроизводстве для лиц, имеющих нарушения функции зрения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 12 (163). С. 95-100.
11. Чуркин А. В. Допустимость в уголовном процессе объяснений как новых доказательств // Российский следователь. 2013. № 17.

References:

1. Bonner A. T. The grounds for annulment of court rulings in civil and arbitration cases should be brought into line with life // Bulletin of the Civil Procedure. 2018. Vol. 8, No. 5. pp. 11-31.
2. Kuznetsov O.Y. The concept of "the language of judicial proceedings" in the system of Russian procedural legislation (the beginning) // Modern Law. 2005. No. 4. pp. 46-52.
3. Markhgeym M.V. Constitutional principles as an integral factor of modern Russian society and the state // Jurisprudence as an integrative phenomenon of modern Russian society and the state. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the BelSU Law Institute. 2018. Pp. 49-51.
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 12/28/2021 No. 2650-O "On the complaint of citizen Grigoriev Vadim Vsevolodovich for violation of his constitutional rights by part three of Article 18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" URL: <https://www.consultant.ru/>.
5. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 02/11/2022 No.88-4283/2022 // URL: <https://www.consultant.ru/>.
6. Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 10, 2009 No. 66-O09-219 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2010, No. 7.
7. Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 10, 2009 No. 66-O09-219 // URL: <https://www.consultant.ru/>.
8. Treskov A.P. Definition of the constitutional and legal principle of the language of judicial proceedings in Russia based on the analysis of its properties // Russian justice. 2023. No. 2. Pp. 76-80.
9. Treskov A.P. The principle of the language of judicial proceedings in Russia: constitutional and legal aspects // Law and the state in the modern world: status, problems, development trends: Proceedings of the International Scientific and Theoretical Conference - IX International "Maltsev Readings" in memory of Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor G.V. Maltsev (Belgorod, April 28-29, 2022). Belgorod, LLC "GiK", 2022. pp. 89-99.
10. Treskov A.P., Skifus S.V. Features of ensuring the constitutional principle of language in legal proceedings for persons with visual impairment // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2023. No. 12 (163). pp. 95-100.
11. Churkin A.V. The admissibility of explanations as new evidence in the criminal process // Russian investigator. 2013. № 17.

ОТЗЫВ ВЫБОРНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В МЕХАНИЗМЕ НАРОДОВЛАСТИЯ RECALL OF AN ELECTED PERSON AS A MEASURE OF RESPONSIBILITY OF PUBLIC AUTHORITIES TO THE POPULATION

ДОКТОРОВА Александра Трофимовна,

старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета
Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия.

Белинского ул., 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000, Россия.

E-mail: aastepanova@mail.ru;

СТЕПАНОВА Альбина Афанасьевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права
юридического факультета, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия.

Белинского ул., 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000, Россия.

E-mail: aastepanova@mail.ru;

DOKTOROVA Alexandra Trofimovna,

Senior lecturer at the Department of Constitutional and Municipal law, Faculty of Law,
North-Eastern Federal University in Yakutsk, Russia.

Belinsky St., 58, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russia.

E-mail: aastepanova@mail.ru;

STEPANOVA Albina Afanasyevna,

PhD in Law, Head of the Department of Constitutional and Municipal law, Faculty of Law,
North-Eastern Federal University in Yakutsk, Russia.

Belinsky St., 58, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000, Russia.

E-mail: aastepanova@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы ответственности органов публичной власти перед населением. Авторы анализируют положения действующего законодательства об ответственности органов публичной власти перед населением. В статье выдвинут тезис о том, что отзыв в современном понимании не является элементом императивного мандата и имеет право на существование даже при отсутствии правового регулирования на федеральном уровне.

Abstract: the article deals with the issues of responsibility of public authorities to the population. The author analyzes the provisions of the current legislation on the responsibility of public authorities to the population. The article puts forward the thesis that a recall of an elected person in the modern sense is not an element of an imperative mandate and has the right to exist even in the absence of legal regulation at the federal level.

Ключевые слова: высшее должностное лицо субъекта РФ, глава муниципального образования; конституционная ответственность; отзыв; органы публичной власти; население; местное самоуправление.

Key words: the highest official of the subject of the Russian Federation, the head of the municipality; constitutional responsibility; recall of an elected person; public authorities; population; local government.

Для цитирования: Докторова А.Т., Степанова А.А. Отзыв выборных должностных лиц в механизме народовластия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 99-101. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_99.

For citation: Doktorova A.T., Stepanova A.A. Recall of an elected person as a measure of responsibility of public authorities to the population // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 99-101. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_99.

Статья поступила в редакцию: 23.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Ответственность органов и должностных лиц публичной власти перед населением установлена федеральными законами и конкретизирована в законах субъектов РФ и уставах муниципальных образований. Однако на сегодняшний момент перечень мер ответственности органов публичной власти перед населением не унифицирован и законодательно определен не для всех уровней публичной власти.

Так, одна из основных мер ответственности перед населением - отзыв выборного должностного лица избирателями - применительно к высшему должностному лицу субъекта РФ в действующем федеральном законодательстве не получила закрепления¹. В ранее действовавшем законодательстве такая мера была предусмотрена: высшее должностное лицо субъекта РФ могло быть отозвано избирателями посредством прямого голосования². В связи с этим, вопрос о том, вправе ли субъекты Федерации самостоятельно устанавливать отзыв, остается открытым. Установление общих принципов организации публичной власти находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ)³. Исходя из этого, можно предположить, что субъекты Федерации, при соблюдении общих принципов организации публичной власти, устанавливаемых федеральным законодательством, в определении конкретных мер ответственности, применяемых к отдельным должностным лицам либо к органам публичной власти, в рамках этих принципов могут быть достаточно свободными. Вместе с тем, определенные сомнения в необходимости отзыва как меры ответственности все же существуют. По отношению к высшему должностному лицу субъекта в федеральном законодательстве установлено достаточное количество мер ответственности. В том чис-

¹ Федеральный закон от 21 декабря 2021 года N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета, Федеральный выпуск № 294(8645)

² Федеральный закон от 06.10.1999 N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» (в ред. от 21.12.2021 г.) // Собрание Законодательства РФ, 18.10.1999, №42, Ст.5005. Документ утратил силу.

³ Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

ле, за совершенное правонарушение. Дополнение существующего перечня еще одним громоздким и дорогостоящим механизмом – отзывом избирателями – представляется нецелесообразным и недостаточно обоснованным. В настоящее время большинство субъектов Федерации выбрали такую форму наделения полномочиями своего высшего должностного лица как избрание законодательными органами. Отзыв избирателями, как известно, возможен лишь в случае избрания избирателями. Соответственно, вопрос об отзыве высшего должностного лица для большинства субъектов РФ лишается своей актуальности. Кроме того, высшее должностное лицо субъекта РФ по сути своей должности интегрировано в единую систему исполнительной власти РФ, его должность является государственной должностью Российской Федерации¹, оно тесно связано субординационными отношениями с Президентом РФ, что ставит его в особый ряд среди выборных должностных лиц и, на наш взгляд, исключает возможность отзыва избирателями, зарегистрированными на территории субъекта.

Что касается депутата законодательного органа субъекта РФ, то его отзыв в федеральном законодательстве не предусмотрен. До принятия федерального закона в 2021 году отдельные субъекты РФ устанавливали такую меру ответственности (законы утратили силу в 2022г.)². В связи с этим, вопрос о допустимости отзыва депутата регионального парламента населением при отсутствии федерального правового регулирования представляется вполне резонным. Полагаем, что умолчание федерального законодателя о возможности отзыва депутата регионального парламента населением не является препятствием для установления указанной меры ответственности. Отзыв как мера ответственности, даже если считать его элементом статуса депутата, тем не менее, не относится к содержанию того или иного вида мандата депутата. Отзыв относится к глобальному вопросу о доверии между властью и обществом. Население вправе ставить вопрос об отзыве депутата, совершившего правонарушение, и тем самым не оправдавшего его доверие.

Споры о характере и содержании мандата депутата идут давно и не утихают до сих пор. Одни исследователи полагают, что мандат депутата является свободным [1], другие – полусвободным [2]. Третьи пишут о наличии партийного императивного мандата [3]. Конституционный Суд РФ в своих решениях не раз подчеркивал свободный характер мандата депутата³. Вместе с тем, субъекты Федерации по-разному подходят к разрешению этого вопроса: в некоторых субъектах закреплён свободный мандат⁴, в других – закреплены элементы императивного мандата депутата⁵.

Так, отдельные элементы императивного мандата депутата: указы, отчеты – находят закрепление в законодательстве 19 субъектов РФ⁶.

Отметим, что характер мандата депутата не влияет на связи депутата с избирателями: в любом случае депутат обязан поддерживать связь с избирателями [4]. Попытки увязать отзыв с императивным мандатом, на наш взгляд, искажают природу отзыва в современном его понимании. Основанием отзыва является совершение депутатом правонарушения, которое не связано с неисполнением наказов избирателей. Иными словами, население не привлекает к ответственности депутата за мандат, то есть, за ненадлежащее исполнение порученных полномочий. Свое негативное отношение к депутату, не оправдавшему его доверия, население может выразить при помощи протестного голосования на следующих выборах.

Что касается местного самоуправления, то отзыв в качестве меры ответственности перед населением установлен Федеральным законом от 06.10.03 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»: отзыву подлежат и глава муниципального образования населением, и депутат муниципального представительного органа. В отношении главы муниципального образования также установлена такая мера ответственности как удаление в отставку представительным органом.

Отметим, что особенностью отзыва депутата представительного органа местного самоуправления в России является запрет на применение отзыва к депутатам, избранным по пропорциональной системе (ч.2.1. ст. 24 Федерального закона №131-ФЗ). Ответственность депутата установлена лишь в отношении депутатов, избранных по мажоритарной системе. Указанная особенность делает невозможным реализацию отзыва населением в некоторых муниципальных образованиях.

Вместе с тем, если будет принят новый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁸, то, возможно, институт отзыва в системе местного самоуправления прекратит свое существование: проект закона не предусматривает отзыв как меру ответственности. Иными словами, ни глава муниципального образования, ни депутаты представительного органа не будут подлежать отзыву. При этом удаление в отставку главы представительным органом сохранено. Заметим, что за период с 2003 г.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. N 974 "О государственных должностях Российской Федерации"//pravo.gov.ru, 14 ноября 2024 г.

² Закон Тверской области «О порядке отзыва депутата Законодательного Собрания Тверской области» от 18 января 1996 года N 14 // Тверские ведомости, N 11 (9 - 15 февраля), 1996. Режим доступа: КонсультантПлюс; Закон Республики Северная Осетия-Алания от 27.04.1998 N 4-3 "О порядке отзыва депутата Парламента Республики Северная Осетия - Алания" // Газета "Северная Осетия". Режим доступа: КонсультантПлюс; Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве от 8 июля 2003 года N 35-ЗС (в ред. от 26.05.2014 N 42-ЗС) // Алтайская правда, 14.07.2003 (специальный выпуск). Режим доступа: КонсультантПлюс; Закон Кемеровской области «О порядке отзыва депутата Совета народных депутатов Кемеровской области» от 4 октября 1999 года N 61-ОЗ (в ред. от 08.05.2009 N 40-ОЗ) // Кузбасс, N 204, 27.10.1999. Режим доступа: КонсультантПлюс;

³ Абз.2 п.2.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 12.04.2002 N 9-П // СЗ РФ, 22.04.2002, N 16, Ст. 1601; Абз. 2 п.2.2. Определения Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 N 797-О-О // СЗ РФ, 24.12.2007, N 52, Ст. 6533; Абз.2, 3 п.3.1. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2012 N 4-П // СЗ РФ, 12.03.2012, N 11, Ст. 1365.

⁴ Закон Санкт-Петербурга от 08.02.1995 N 13-3 (ред. от 17.10.2022) "О статусе депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга"// Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, N 5-6, 1995. Режим доступа: КонсультантПлюс;

⁵ Областной закон Ленинградской области от 24.04.2007 N 62-оз (ред. от 10.04.2023) "О статусе депутата Законодательного собрания Ленинградской области" (принят ЗС ЛО 11.04.2007) // Вести, N 85, 05.05.2007. Режим доступа: КонсультантПлюс; Закон РС (Я) «О наказах избирателей народным депутатам РС (Я)» от 25.04.2006 г. // Ил Тумэн, N 41, 20.10.2006. Режим доступа: КонсультантПлюс.

⁶ Закон РС (Я) «О наказах избирателей народным депутатам РС (Я)» от 25.04.2006 г. // Ил Тумэн, N 41, 20.10.2006. Режим доступа: КонсультантПлюс. Областной закон Ленинградской области от 15.05.2012 N 37-оз (ред. от 16.02.2015) "О наказах избирателей депутатам Законодательного собрания Ленинградской области" // Вести, N 83, 24.05.2012.

⁷ Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: Федеральный закон от 06.10.03 № 131-ФЗ (в ред. от 19.11.2021, с изм. от 23.11.2021.) // Собрание Законодательства РФ, 06.10.2003, №40, Ст.3822.

⁸ Проект Федерального закона N 40361-8 "Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти". Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> Дата обращения: 23.02.2025

отзыв был применен только в отношении одного главы муниципального образования — главы городского поселения «Малиновский» Ханты-Мансийского автономного округа¹. В некоторых субъектах имелись неудачные попытки инициирования отзыва главы муниципального образования².

Таким образом, вопрос о допустимости или недопустимости отзыва выборных должностных лиц в науке конституционного права является спорным, а подход законодателя противоречивым. Отзыв, на наш взгляд, является проявлением непосредственной демократии, реализацией права граждан РФ участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. Народ, участвуя в формировании тех или иных органов власти, передает право на осуществление этой власти на определенный срок этим органам, при этом сохраняет за собой право контролировать их деятельность, а отзыв может решить проблемы обеспечения доверия населения в деятельности органов публичной власти.

Вместе с тем, для того, чтобы граждане могли реализовать свое право на отзыв необходимо, с одной стороны, упростить процедуру отзыва, с другой, установить четкие правовые основания отзыва. Так, высокие требования к определению результатов отзыва, которые были установлены в законодательстве, делали институт отзыва практически нереализуемым на практике.

Список литературы:

1. Трофимова Г.А. О пределах депутатской свободы // Российский юридический журнал. 2016. N 2. С. 82 - 89.
2. Глигич-Золотарева М.В., Кирюхин К.С. "Забронзовевшее" представительство // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 4. С. 28 – 29;
3. Варлен М.В. Статус парламентария: теоретические проблемы. М. : 2011. С. 101;
4. Докторова А.Т. К вопросу об ответственности народного депутата Республики Саха (Якутия) перед избирателями // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. N 3. С. 56 - 59.

References:

1. Trofimova G.A. On the limits of parliamentary freedom // Russian Law Journal. 2016. N 2. pp. 82-89.
2. Gligich-Zolotareva M.V., Kiryukhin K.S. The "frozen" representation // Constitutional and municipal law. 2011. N 4. pp. 28-29;
3. Varlen M.V. The status of a parliamentarian: theoretical problems. Moscow : 2011. p. 101;
4. Doktorova A.T. On the issue of the responsibility of the People's Deputy of the Republic of Sakha (Yakutia) to the voters // State power and local self-government. 2016. N 3. pp. 56-59.

¹ Избирательная комиссия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Официальный сайт. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.khantymansy.vybory.izbirkom.ru> (Доступ от 16.11.2017 г.)

² Решение № М-2497/2013 Каннского городского суда Красноярского края от 7 октября 2013 г. Апелляционное определение № 33-104/2014 от 13 января 2014 г. по делу № 33-104/2014 Красноярского краевого суда. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://sudact.ru>.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_102

УДК 342.92

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ И СЕРВИСОВ ЗА РАЗМЕЩЁННЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ КОНТЕНТ RESPONSIBILITY OF SOCIAL PLATFORMS AND SERVICES FOR THE CONTENT POSTED BY USERS

ВЛАСОВА Елена Львовна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, Россия.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

VLASOVA Elena Lvovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com

Краткая аннотация. В настоящее время социальные сети и онлайн-платформы стали неотъемлемой частью жизни, предоставляя платформу для общения, обмена информацией, создания контента и участия в сообществах. Однако, возникает вопрос об ответственности платформ за размещённый пользователями деструктивный контент. В статье предпринимается попытка обоснования принципиально новых взглядов, значимых предложений теоретического характера.

Abstract. Currently, social networks and online platforms have become an integral part of life, providing a platform for communication, information exchange, content creation and participation in communities. However, the question arises about the responsibility of platforms for destructive content posted by users. The article attempts to substantiate fundamentally new views, significant theoretical proposals.

Ключевые слова: контент, Интернет, треш-стримы, деструктивный онлайн-контент, онлайн-трансляции, администратор домена, домен, интернет-платформа, ответственность.

Keywords: content, Internet, trash streams, destructive online content, online broadcasts, domain administrator, domain, Internet platform, responsibility.

Для цитирования: Власова Е.Л. Ответственность социальных платформ и сервисов за размещённый пользователями контент // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 102-106. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_102.

For citation: Vlasova E.L. Responsibility of social platforms and services for the content posted by users // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 102-106. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_102.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Согласно статье 29 Конституции Российской Федерации «каждому гарантируется свобода мысли и слова. Каждый имеет право свободно ...распространять информацию, любым законным способом»¹.

В реалиях нашего времени распространение информации осуществляется в среде, детерминированной новыми технологиями [1, с. 88], в том числе, Интернет технологиями, социальный статус и техническая сторона которого до настоящего времени законодательно не определены.

В одних источниках употребляется термин «Интернет», в других – «сеть Интернет», в - третьих – «информационная телекоммуникационная система» и т.д. С точки зрения права отсутствие единого определения означает терминологическую неопределённость, что отрицательно сказывается на эффективности правового регулирования и правильности понимания целей и задач Интернета, создаёт барьеры в вопросах, что именно считать Интернетом, где он начинается и где заканчивается.

Так, отсутствие в сети Интернет цензуры и распространение информации случайным образом², привело, в конечном итоге, к возникновению, так называемого, «верхнего» и «нижнего» Интернета, целью применения которых является более эффективное воздействие на целевую аудиторию, учитывая её психологические особенности и потребности.

Верхний интернет — это мейнстримные сайты, социальные сети, блоги и другие ресурсы, популярные у широкой аудитории. В таком интернете обсуждают события, явления и тренды, которые понятны и интересны большинству людей.

Сегмент интернета, в котором обычно происходят треш-стримы³ и публикуется узконаправленный, часто маргинальный контент⁴, называют термином «нижний интернет». Характерными чертами последнего является специфическая аудитория, которая, как правило, не

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.

² Распространение информации случайным образом в сети Интернет означает, что это свойство характерно для децентрализованной организационной структуры сети. Отсутствие цензуры в Интернете позволяет информации распространяться подобно распространению анекдотов и слухов.

³ Стриминг (происходит от английского глагола «to stream», что означает «течь», «течение») — это технология передачи медиаконтента в реальном времени без полной загрузки файла.

Треш-стриминг — вид прямого эфира, ведущий которого совершает над собой или гостями опасные для здоровья, эпатажные, унижительные и тому подобные действия, обычно с целью получения денежного вознаграждения (донат) со стороны зрителей. Стримы проходят преимущественно на YouTube, монетизация происходит с помощью DonationAlerts и других подобных сервисов.

⁴ Контент (от английского content) — это содержимое веб-страниц, соцсетей, каналов в мессенджерах и разных программ. Формально любая информация, которую потребляет человек, может считаться контентом: литература, музыка, фильмы, телешоу и сериалы.

разделяет ценности «верхнего» Интернета, испытывает неприязнь к мейнстриму, находится в поиске альтернативных взглядов, стремится к эпатажу и специфическому общению. Контент «нижнего» Интернета часто провокационный, чёрный юмор, трэш, нецензурная лексика, конспирология, маргинальные темы. Как правило, это закрытые группы, форумы, анонимные имиджборды, YouTube-каналы, Telegram-каналы.

При этом, не существует чётких границ между «верхним» и «нижним» Интернетом. Один и тот же человек может быть частью как верхнего, так и нижнего Интернета, в зависимости от контекста.

В нашей стране с каждым годом каналов, которые публикует контент с физическими и психологическими издевательствами над людьми, становится всё больше и больше. По-существу, в сети активно развивается прибыльная субкультура – насильственный трэш-стрим, который собирает миллионы подписчиков на YouTube и на платформе Twitch. Трансляции идут открыто, без возрастных ограничений. Все желающие, в том числе, несовершеннолетние, могут подключиться к просмотру, а за определённую плату стать участником происходящего на экране.

В Российской Федерации в целях противодействия данному явлению были приняты Федеральный закон от 08.08.2024 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – ФЗ № 217-ФЗ), который внёс изменения в КоАП РФ, установив административную ответственность за проведение деструктивных онлайн-трансляций (часть 12 статьи 13.15 КоАП РФ) и Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 218-ФЗ), которым внесены поправки в УК РФ, направленные на противодействие распространению деструктивного контента в информационном пространстве в виде «трэш-стримов», которые будут считаться отягчающим обстоятельством при совершении таких преступлений, как убийство, умышленное причинение тяжкого, средней тяжести, лёгкого вреда здоровью, побои, истязание, угроза убийством, похищение человека, незаконное лишение свободы, использование рабского труда.

Принятие данных Федеральных законов не привело к решению проблемы, трэш-стримы как выходили так и продолжают регулярно выходить в эфир.

Основная масса публикаций в сети носит анонимный характер, и установить, кто именно разместил ту или иную информацию, зачастую не представляется возможным.

При этом, следует учитывать, что ответственность за распространение деструктивной информации несут владельцы интернет-ресурсов, что подтверждено судебной практикой (Постановление ВАС Московского округа от 9 марта 2004 г. Дело № КГ-А41/390-04).

Согласно решению суда «ссылка ответчика на то, что сведения в виде сообщений распространялись не им, а анонимными посетителями принадлежащего ему сайта, доступ к которому является свободным, обоснованно отклонена судом с указанием на то, что сама возможность появления порочащих сведений на страницах данного интернет-сайта является следствием создания ответчиком как его владельцем соответствующих технологических условий».

В соответствии с Регламентом и Правилами регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ (утверждены решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 № 2011-18/81 (редакция от 07.11.2022), в «Регламенте и тарифам на услуги по регистрации доменов второго уровня в зоне .RU» и Правилами регистрации доменов второго уровня в зоне .RU в первую очередь администратор домена несет ответственность за всё, что происходит в адресном пространстве его домена, за все конфликтные ситуации, за использование его домена в незаконных целях.

Домен (или доменное имя) – это уникальное имя сайта, адрес, по которому страницы ресурса доступны в интернете.

Например, google.com или skysmart.ru. Можно ввести его в адресную строку браузера, и тот автоматически перейдёт на нужный сайт.

Доменное имя состоит из нескольких частей, которые разделяются между собой точками. Эти части называются доменами первого, второго уровня и так далее. Записываются они от последнего по счёту домена к первому, то есть от более специфического к более общему.

Домен не связан напрямую ни с сервером сайта, где находятся все данные ресурса, ни с его IP-адресом – уникальным идентификатором для обмена запросами. Но, интернет-служба под названием DNS «связывает» между собой доменное имя и IP сайта, поэтому к сайту можно обращаться по домену.

Трансляция трэш-стримов идёт через определённые домены. Некоторые из них: youtube.com, yimg.com, googlevideo.com, yt3.ggpht.com, youtubei.googleapis.com, youtube.googleapis.com, youtube-ui.l.google.com¹.

Администратором домена выступает юридическое или физическое лицо, которое указано в поле «admin-о» формы описания домена. «Администратор домена определяет... порядок использования домена... [и поэтому] несет ответственность за выбор доменного имени, возможное нарушение прав на торговую марку, равно как и за конфликтные ситуации, возникающие при использовании доменного имени. Администратор самостоятельно выбирает и регистрирует индивидуальный пароль для доступа к информации о домене и несет ответственность за все действия, совершенные с использованием его пароля согласно договору...». Google LLC – администратор домена YouTube.com. MarkMonitor Inc. – администратор доменов Twitch

Данное обязательство и ответственность находят закрепление в каждом договоре Российского научно-исследовательского института развития общественных сетей (далее РосНИИРОС)² с конкретным администратором домена. Типовым договором предусмотрено, что на его ос-

¹ По данным на 3 января 2025 года доступно 20 доменов YouTube расположен на сайте netify.ai. В 2024 году у российских провайдеров были заблокированы некоторые домены YouTube, например youtube.com, googlevideo.com, yimg.com,youtu.be, ggpht.com, youtubei.googleapis.com.

² РосНИИРОС — российская автономная некоммерческая организация, которая занимается развитием компьютерных сетей для организаций науки и образования, а также базовых элементов инфраструктуры российского сегмента сети Интернет.

новании и в соответствии с его условиями администратор приобретает обязанности, в том числе ответственность за выбор доменного имени, возможное нарушение прав на торговую марку, а также за конфликтные ситуации, возникающие при использовании доменного имени.

Кроме того, в соответствии с пунктом 4.2 типового договора администратор домена принимает на себя ответственность за действия сотрудников, а также за действия третьих лиц с использованием его пароля.

Таким образом, администратор домена с момента внесения его имени в центральную базу данных РосНИИРОС лично отвечает за использование домена, в том числе, в незаконных целях, вне зависимости от того, кем осуществляется использование домена.

Работа YouTube и Twitch в России основана на законе о самоконтроле социальных сетей, который действует с февраля 2021 года (Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»»)¹.

Согласно ему, интернет-площадки должны самостоятельно выявлять и блокировать запрещённую информацию. Нововведения в законе позволяют добиться оперативного удаления социально опасной информации, требующей немедленного реагирования, например, треш-стримов и другого социально опасного контента.

В 2023 году Роскомнадзор включил YouTube, Rutube и Twitch в реестр социальных сетей. Владельцам ресурсов направили уведомления с указанием требований законодательства. В соответствии с ним интернет-площадки обязаны самостоятельно контролировать контент и иметь форму обратной связи для жалоб пользователей на размещение запрещённой информации.

Также, социальные сети должны разместить счётчик посещаемости и электронную форму для обращений пользователей о выявлении противоправной информации², а также ежегодно публиковать отчёт о рассмотрении подобных обращений. Социальные сети должны уведомлять пользователя об ограничениях к его контенту, принимать меры по предписаниям Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее Роскомнадзор), в том числе, отменять введённые меры по ограничению доступа к контенту пользователей. Закон закрепил за Роскомнадзором обязанность по формированию и ведению реестра социальных сетей для контроля соблюдения ими требований российского законодательства. С этой целью на сайте ведомства создан специальный раздел (www.530-fz.rkn.gov.ru), где представлена общая информация по закону (обязанности сторон, требования, приказы, рекомендованные счётчики), данные о нахождении ресурса в соответствующем реестре, а также сервисы для владельцев и пользователей социальных сетей.

С помощью указанных сервисов граждане получают возможность подать в ведомство обращение об обнаружении ресурса с признаками социальной сети, об отмене мер по ограничению доступа к информации, принятых владельцем ресурса, а также направить на горячую линию иные вопросы относительно взаимодействия с социальной сетью.

Владельцы интернет-ресурсов смогут перейти в личный кабинет для дальнейшего взаимодействия с Роскомнадзором, в том числе, по оценке противоправности контента и необходимости его удаления.

В настоящий момент в реестр социальных сетей включены Facebook, Twitter, Instagram, TikTok, Likee, Youtube, ВКонтакте и Одноклассники. Соответствующие уведомления о включении в реестр Роскомнадзор направил владельцам указанных интернет-ресурсов³.

В 2023 году были приняты поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), предусматривающие штрафы до 8 млн рублей для социальных сетей за несоблюдение закона о самоконтроле: 1) это статья 19.7.10-4 КоАП РФ. Неисполнение владельцем социальной сети предписания Роскомнадзора о мониторинге соцсети для выявления информации, схожей до степени смешения с той, что ранее уже требовало удалить ведомство. Штраф для граждан – от 100 тыс. до 200 тыс. рублей, для должностных лиц – от 500 тыс. до 800 тыс. рублей, для юридических лиц – от 4 млн до 6 млн рублей и 2) статья 13.50 («Неисполнение обязанностей владельцем социальной сети»). Отсутствие публикации ежегодного отчёта о результатах рассмотрения обращений о распространяемой с нарушением закона информации и результатах мониторинга соцсети, неразмещение в соцсети правил её использования и (или) неисполнение обязанности по информированию пользователей о введённых в них изменениях. Штрафы для граждан – от 50 тыс. до 100 тыс. рублей, для должностных лиц – от 200 тыс. до 400 тыс. рублей, для юридических лиц – от 600 тыс. до 1 млн рублей.

Таким образом, к ответственности за размещение треш-стримов на площадках YouTube и Twitch могут привлекаться либо авторы таких трансляций, либо владельцы доменов на основании новых статей КоАП РФ.

Контент в сети интернет не остаётся без внимания правоохранительных органов. Федеральная служба безопасности РФ (далее ФСБ), Роскомнадзор, а также Управление по борьбе с киберпреступностью МВД РФ⁴ активно участвуют в мониторинге и регулировании Интернета, блокируя доступ к ресурсам, содержащим деструктивную информацию.

Административная ответственность владельцев социальных сетей за неисполнение обязанностей по отслеживанию деструктивных онлайн-трансляций установлена частью 12 статьи 13.15 КоАП РФ, внесённой ФЗ № 217-ФЗ.

¹ Последняя редакция Федерального закона № 530-ФЗ — от 28 декабря 2024 года «О внесении изменения в статью 333.35 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». Документ опубликован 10 января 2025 года и вступил в силу 27 января 2025 года.

² Это прописано в Федеральном законе от 30.12.2020 №530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“». Согласно закону, с 1 февраля 2021 года владельцы социальных сетей обязаны размещать правила использования ресурса, счётчик посещаемости, электронную форму для обращений пользователей о выявлении противоправной информации, а также ежегодно публиковать отчёт о рассмотрении подобных обращений.

³ Информация о включении перечисленных интернет-ресурсов в реестр социальных сетей и направлении уведомлений их владельцам содержится на сайтах tass.ru, regnum.ru и finam.ru.

⁴ Управление «К» — подразделение Министерства внутренних дел России, которое входит в состав Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ) МВД РФ.

Основанием для привлечения к ответственности служит распространение в сети «Интернет» информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающее явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Наказание по этой статье предусматривает административный штраф: на граждан – в размере от 50 тыс. до 100 тыс. рублей; на должностных лиц – от 100 тыс. до 200 тыс. рублей; на юридических лиц – от 800 тыс. до 1 млн. рублей.

На владельцах социальных сетей лежит обязанность по отслеживанию и удалению запрещённого контента. Размещение такого контента на других сайтах в сети «Интернет» должно быть заблокировано операторами связи или Роскомнадзором.

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьёй 13.15 КоАП РФ, возбуждаются Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Должностными лицами, уполномоченными составлять протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 12 статьи 13.15 КоАП РФ, являются должностные лица органов внутренних дел (полиции).

Рассматриваются такие дела судьями районных судов, согласно ст.23.1 КоАП РФ

Обо всех случаях возбуждения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч.ч. 9 – 11 ст. 13.15 КоАП РФ, в течение 24 часов уведомляются органы прокуратуры Российской Федерации.

По данным за 2023 год, к административной ответственности в России по статье 13.15 КоАП РФ за злоупотребление свободой массовой информации было привлечено 463 лица.

YouTube и Twitch были включены Роскомнадзором в реестр социальных сетей с последующим самостоятельным выявлением и блокированием запрещённой информации, а также размещением форм обратной связи для жалоб пользователей.

При не выполнении требований Роскомнадзора, ведомство может принимать соответствующие меры. Например, в ноябре 2024 года Роскомнадзор выявил, что администрация YouTube не отвечает на запросы и не удаляет запрещённый на территории РФ контент. Роскомнадзор предупредил YouTube о возможном блокировании, в последствии YouTube - начали замедлять с помощью специальных устройств – ТСПУ (технические средства противодействия угрозам)¹.

В отношении Twitch в ноябре 2024 года Роскомнадзор также заявил, что администрация стримингового сервиса не отвечает на запросы и не удаляет запрещённый на территории РФ контент. Ведомство настаивает на удалении контента, который содержит недостоверные сведения и материалы, пропагандирующие запрещённые вещества. Если платформа не внесёт необходимые корректировки, Роскомнадзор может наложить штрафы или даже заблокировать сервис. Сейчас доступ к Twitch в России не ограничивается.

Исходя из вышесказанного, привлечь к ответственности стриминговые площадки проблематично, получается выход только один либо обязать их соответствовать требованиям Российского законодательства, либо запретить на территории РФ.

Проблематично и привлечение к административной ответственности треш-стримеров. Причин тут несколько, а главная, пожалуй, состоит в отсутствии законодательного определения запрещённого контента.

В Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – ФЗ № 436-ФЗ) в статье 5 используется довольно емкая формулировка. Под неё подпадают как типичные поджанры треш-стримов, так и множество иных правонарушений².

Определение запрещённого контента содержится также в ФЗ № 149-ФЗ. В частности, к запрещённой информации относятся материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера; информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений; информация о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства; информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами.

Также определение треш-контента, который относится к запрещённой информации, даётся в ФЗ № 216-ФЗ. Под ним понимается информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

Расширительное толкование запрещённого контента усложняется тем, что граница между обычным и треш-контентом довольно тонкая, и зачастую эти различия субъективны. Это делает разработку чётких и универсальных критериев для классификации контента сложной задачей. Вопросы классификации, аудиторки и регулирования контента могут варьироваться от случая к случаю, что затрудняет практическую реализацию контроля. Однако, работа с платформами для улучшения качества контроля контента остаётся важной частью проблемы. Необходимо сотрудничать с интернет-компаниями для разработки и внедрения более совершенных систем мониторинга и анализа контента с использо-

¹ Вернемся к видеокассетам? Грозит ли полная блокировка YouTube в России: отвечают эксперты. URL: <https://msk1.ru/text/world/2024/08/08/73932899/> (дата обращения: 27.03.2025).

² Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

ванием технологий искусственного интеллекта, а также с расширением алгоритмов, которые могут выявлять деструктивное поведение на платформе.

Большое количество стримов на хостингах. Отсмотреть каждый на предмет нарушений сложно и неэффективно. Стримы на хостингах – это передача видео и аудио в реальном времени через интернет. Зрители смотрят, слушают или взаимодействуют с контентом без необходимости скачивать его.

Для стриминга можно использовать, например, виртуальный частный сервер (VPS). На нём устанавливается программное обеспечение для стриминга (например, OBS Studio), настраиваются нужные параметры, и создаётся трансляция с идеальной картинкой.

Также для стриминга можно использовать VDS-сервер. В этом случае основная нагрузка по обработке транслируемого видео ложится именно на сервер, тем самым разгружая ПК.

Ещё один вариант – использование VDS-сервера с программным обеспечением Restreamer. Через протокол RTMP можно настроить передачу трансляции на VDS-сервер, а затем на стриминговую платформу.

VPS и VDS не запрещены в России. Однако с 1 февраля 2024 года организациям, не вошедшим в реестр Роскомнадзора, запрещено оказывать услуги хостинга на территории РФ, а их ресурсы могут заблокировать. VPS и VDS вошли в реестр Роскомнадзора. Например, в него включён хостинг-провайдер SpaceWeb, который оказывает услуги хостинга, регистрации доменов, облачных сервисов, VPS/VDS и аренды серверов¹.

Для привлечения гражданина к ответственности за противоправные действия, совершённые в прямом эфире, важно задокументировать факт этих действий. Это может быть сделано в рамках оперативно-розыскной деятельности, например, через наблюдение, эксперимент или сбор образцов для сравнительного исследования. Также возможно проведение проверки в соответствии с процедурами, предусмотренными статьями 144 и 145 УПК РФ.

Основные сложности могут возникнуть при сборе дополнительных доказательств, например, когда необходимо получить информацию о пользователе с платформы, на которой велась трансляция. Истребование установочных сведений (платежные транзакции, IP-адреса и другие данные) может быть затруднено, особенно если платформа находится в зарубежном сегменте интернета. Либо на первоначальном этапе – при идентификации личности из контента.

Однако правоохранительные органы имеют способы преодолеть такие препятствия. Например, если лицо чётко распознаваемо на видео, это затрудняет утверждение, что это не тот человек, особенно если его лицо или другие характеристики были задокументированы. Также помогает сопоставление обстановки, например, квартиры, с тем, что видно на видео, что служит дополнительным доказательством. Что касается порнографического контента, то в России он является уголовно наказуемым, однако в некоторых других странах его распространение не регулируется так строго. В то же время детская порнография запрещена во всех странах мира, что подтверждается международными конвенциями, включая Конвенцию о защите прав детей. Это накладывает строгие ограничения на распространение такого контента и требует от государственных органов и интернет-платформ активных усилий по его выявлению и предотвращению.

После рассмотрения соответствующими органами, деструктивные сообщества и интернет-платформы могут быть внесены в реестр запрещённой информации, и доступ к ним ограничивается. Однако возникает дополнительная проблема – обход этих ограничений с помощью общеизвестных методов, таких как использование VPN-сервисов или прокси-серверов. Эти инструменты позволяют пользователям обойти блокировки и продолжить доступ к запрещённым платформам, что усложняет задачу по их полному закрытию и блокированию. Поэтому важным шагом является совершенствование технологий фильтрации, а также усиление юридической ответственности за использование методов обхода ограничений.

Таким образом, для эффективного контроля над треш-контентом и его ограничением необходимо сочетание улучшенного мониторинга, сотрудничества с платформами и усиления правовых мер для предотвращения обхода ограничений.

Список литературы:

1. Савельева М.В. Искусственный интеллект как участник современных правоотношений / М.В. Савельева // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 1. С. 86–94.

References:

1. Savelyeva M.V. Artificial intelligence as a participant in modern legal relations / M.V. Savelyeva // Academic Law Journal. 2024. Vol. 25, No. 1. P. 86–94.

¹ SpaceWeb вошёл в Реестр провайдеров хостинга. URL: <https://sweb.ru/news/673/> (дата обращения: 27.03.2025).

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ IMPLEMENTATION OF LEGISLATIVE ACTIVITY BY THE COMMISSIONER UNDER THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS

ПЛАХОВА Екатерина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры «Частное и публичное право»

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет».

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: kate.yakush@mail.ru;

PLAKHOVA Ekaterina Sergeevna,

Senior lecturer of the Department of «Private and Public Law», Penza State University.

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.

E-mail: kate.yakush@mail.ru

Краткая аннотация. Институт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей – это современный развивающийся государственный орган. Его деятельность направлена исключительно на защиту прав бизнес-сообщества. Предпринимательское право претерпевает большое количество изменений, зависящих от внешних факторов, поэтому предприниматели нуждаются в своевременном реагировании законодательных органов на их проблемы, которые могут быть решены только изменением или совершенствованием законодательства. Целью исследования является анализ участия уполномоченного по защите прав предпринимателей в законодательской деятельности.

Abstract: The Institute of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs under the President of the Russian Federation is a modern and developing state body. His activities are aimed solely at protecting the rights of the business community. Business law undergoes a large number of changes depending on external factors, therefore, entrepreneurs need a timely response from legislative bodies to their problems, which can only be solved by changing or improving legislation. The purpose of the study is to analyze the participation of the Commissioner for the protection of entrepreneurs' rights in legislative activities.

Ключевые слова: уполномоченный, законодательство, полномочия, защита прав, инициатива.

Key words: commissioner, lawmaking, authority, protection of rights, initiative.

Для цитирования: Плахова Е. С. Осуществление законодательской деятельности уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 107-109. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_107.

For citation: Plakhova E.S. Implementation of legislative activity by the Commissioner under the President of the Russian Federation for the protection of the rights of entrepreneurs // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 107-109. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_107.

Статья поступила в редакцию: 06.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Конституцией Российской Федерации определены основные субъекты законодательной инициативы, которые в силу своих полномочий осуществляют законодательскую деятельность: «Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, сенаторам Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения»[1]. Узкий круг органов государственной власти, наделенных правом законодательной инициативы, позволяет сохранять легитимность этого процесса, не перегружать органы законодательной ветви власти, а также для других государственных органов избегать искусственного раздутия полномочий.

Стоит отметить, что «тема развития исполнительной власти и государственного управления в России – одна из наиболее неоднозначных, вместе с тем пристально изучаемых в настоящий момент, поскольку законодатель находится в постоянном поиске своей идеальной модели работы, в том числе проводя эксперименты с разными вариантами распределения объемов нагрузки на отдельные свои элементы при реализации обязанностей государства» [2, с.44]. Общество находится в постоянном развитии, появляются новые технологии, а значит и право не должно отставать от общих темпов, заданных социальными, экономическими и политическими явлениями нашей жизни.

Особую роль в исследовании законодательской деятельности стоит уделить институту Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, как развивающемуся механизму защиты прав предпринимателей. Зачастую проблемы бизнес-сообщества связаны и с неурегулированностью отдельных отношений в законе, пробельностью или противоречивостью законодательных положений. Все проблемы общества и государства, как во внутреннем, так и во внешнем регулировании, затрагивают предпринимателей во всех регионах страны.

Изначально институт омбудсмана создавался в целях «осуществления опосредованного парламентского контроля над деятельностью органов исполнительной власти», но в современных условиях развития общества «трансформировался в многообразие публично-правовых и частных институтов, направленных на урегулирование конфликтов «мягкими» способами между участниками различных правоотношений» [3, с.74]. В России «... уполномоченные отражают миссию, ради которой данный институт появился в ряде государств — это представительство общего должностного предназначения по защите прав. Поскольку уполномоченный выступает от имени государства, субъекта РФ, его лишь условно можно назвать представителем того, кто его назначил. Непосредственное осуществление власти не требует представительства: народ,

граждане сами принимают публично-властные решения. Иначе чем бы непосредственная демократия отличалась от представительной, только при которой требуется «уполномоченный» на принятие публично-властных решений? В определенном контексте допустимо лишь рассмотрение в рамках отношений представительства возможностей граждан на участие в управлении делами государства, реализация которых не приводит к прямому принятию публично-властных решений» [4, с. 283 – 284].

Таким образом, в отечественной правовой системе первым зародился институт Уполномоченного по правам человека. Востребованность института омбудсмана зародила необходимость его специализации. Уполномоченные по защите прав детей и предпринимателей были утверждены в целях оказания эффективной и точечной помощи для субъектов защиты. Это снизило время рассмотрения жалоб, а также узкопрофильность позволила решать даже самые сложные проблемы.

Потребность общества в государственном органе, который встал бы на защиту прав предпринимателей, назрела давно. А утверждение в 2013 году института бизнес-омбудсмана не стало неожиданностью. На тот момент практика показывала, что предприниматели не в силах самостоятельно разрешить ситуации, связанные с нарушением их прав и законных интересов. Специфичность отношений между представителями государства и представителями бизнес-сообщества не позволяла налаживать взаимодействие и баланс терялся. Зачастую в спорах побеждал сильнейший, к числу которых относился орган государственной власти.

Р. А. Акбердин отмечает, что «уполномоченный по правам предпринимателей выступает в роли посредника между органами государственной власти и субъектами предпринимательской деятельности, обеспечивает контроль баланса между ветвями государственной власти, содействует соблюдению законности в деятельности государственных органов и должностных лиц» [5, с. 575].

Схожей позиции придерживается Е. Б. Казакова. По ее мнению, «предприниматели являются субъектами различных правоотношений, что всегда может привести к злоупотреблениям со стороны контрагентов либо органов государственной власти или местного самоуправления, а это в свою очередь может повлечь за собой нарушение прав и законных интересов предпринимателей» [6, с. 54].

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей (далее – Уполномоченный) вправе направлять Президенту Российской Федерации, сенаторам Российской Федерации, депутатам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в Правительство Российской Федерации, законодательные органы субъектов Российской Федерации, иные органы государственной власти, органы местного самоуправления предложения о принятии нормативных правовых актов (о внесении изменений в нормативные правовые акты или признании их утратившими силу), относящихся к сфере деятельности Уполномоченного [7].

Г. В. Синцов обращает внимание на важную для законодателя оговорку о том, что «инициативы Уполномоченного должны относиться к его сфере деятельности» [8, с. 43]. Это четко определено законодателем – в сферу деятельности Уполномоченного входят защита прав, свобод и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности [7]. Уполномоченный и его рабочий аппарат не заинтересованы в превышении собственных полномочий и выходе за их рамки.

Существует мнение о том, что «поскольку существует зависимость положения уполномоченного от одобрения их деятельности со стороны субъектов государственной власти РФ, на практике возможно возникновение ситуаций, в которой уполномоченные в рамках своей деятельности ставят интересы органов публичной власти выше интересов предпринимательского сообщества» [9, с. 23].

Можно сделать вывод, что «законодательные инициативы Уполномоченного направлены на улучшение жизни и работы предпринимателей, и именно он обладает такими полномочиями. Следовательно, главная роль Уполномоченного – это содействие реформированию законодательства в целях обеспечения защиты прав предпринимателей» [10, с. 16].

На начало 2024 года внимание экспертов Уполномоченного направлено на новые меры по совершенствованию законодательства, как то выделение отдельных составов суда для рассмотрения антимонопольных дел, чтобы повысить уровень их специализации и профессионализма; избыточную уголовную ответственность за картели на товарных рынках; недостаточную мотивировку и конкретику запросов антимонопольного органа, к которым не применяются правила аналогичные проверкам.

Преимуществами наделения Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей правом законодательной инициативы по мнению автора являются:

- Оперативность, то есть быстрое реагирование на системные проблемы, выявленные в ходе работы;
- Экспертность, то есть законопроекты будут основаны на реальной практике, а не на теоретических моделях;
- Повышение авторитета, то есть усиление влияния среди государственных органов, позволит увеличить доверие среди предпринимателей.

Однако наделение Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей за более десятилетний стаж работы правом законодательной инициативы так и не происходит, потому что возникает ряд сложностей: законопроекты могут оставаться на уровне согласования долгие годы; инициативы могут конфликтовать с интересами других ведомств; аппарат Уполномоченного может не справиться с дополнительной нагрузкой.

Таким образом, в ходе проводимого исследования появилась возможность акцентировать внимание общественности на главные аспекты законодательной деятельности уполномоченного по защите прав предпринимателей. Хотя и бизнес-омбудсмен не наделен правом законодательной инициативы, это не мешает ему осуществлять законодательскую деятельность – выступать инициатором совершенствования законодательства, обращать внимание на пробелы и противоречия в сфере предпринимательского права. Однако, наделение Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей правом законодательной инициативы – это логичный шаг для усиления его роли в защите

прав предпринимателей и создания благоприятного делового климата в России.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 № 7–ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ, от 21.07.2014 № 11–ФКЗ, от 14.03.2020 № 1–ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Рузаева Д. В. Административная реформа и конституционные обязанности государства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 1. С. 42–50.
3. Феоктистов, Д. Е. Институт омбудсмена и противодействие коррупции: основная или сопутствующая функция? / Д. Е. Феоктистов // Наука. Общество. Государство. – 2022. – Т. 10, № 3(39). – С. 71–83.
4. Масленикова С.В. Институт публично-правового представительства в Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 278–285.
5. Акбердин, Р. А. Институт уполномоченного по правам предпринимателей как способ защиты прав предпринимателей / Р. А. Акбердин // Аллея науки. – 2018. – Т. 1, № 3(19). – С. 574–576.
6. Казакова, Е. Б. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей и перспективы его развития в Российской Федерации / Е. Б. Казакова // Наука. Общество. Государство. – 2022. – Т. 10, № 4(40). – С. 52–59.
7. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78–ФЗ (ред. от 10.07.2023) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2305.
8. Синцов, Г. В. Деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: теоретические и правоприменительные аспекты / Г. В. Синцов, Д. Е. Феоктистов // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий : Сборник докладов VI Московского юридического форума, Москва, 04–06 апреля 2019 года. – Москва: ООО «РГ-Пресс», 2019. – С. 43–49.
9. Слепнев, А. Д. К вопросу о независимости уполномоченных по защите прав предпринимателей / А. Д. Слепнев // АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ : сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 25 апреля 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 20–25.
10. Лиликова, О. С. Роль уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации / О. С. Лиликова, К. С. Емельянова // Закон. Общество. Человек. Актуальные вопросы теории и практики права : Сборник научных статей / Под редакцией О.В. Архиповой, А.И. Климина. – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью "Фора-принт", 2020. – С. 13–17.

References:

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993, s izm., odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020 (s uchetoм popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 № 6–FKZ, ot 30.12.2008 № 7–FKZ, ot 05.02.2014 № 2–FKZ, ot 21.07.2014 № 11–FKZ, ot 14.03.2020 № 1–FKZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2014. – № 31. – St. 4398.
2. Ruzaeva D. V. Administrativnaya reforma i konstitutsionnye obyazannosti gosudarstva // Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». 2024. T. 12, № 1. pp. 42–50.
3. Feoktistov, D. E. Institut ombudsmena i protivodeistvie korruptsii: osnovnaya ili sopushtvuyushchaya funktsiya? / D. E. Feoktistov // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2022. – T. 10, № 3(39). – pp. 71–83.
4. Maslennikova S.V. Institut publichno-pravovogo predstavitel'stva v Rossiiskoi Federatsii // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2022. T. 15. № 5. pp. 278–285.
5. Akberdin, R. A. Institut upolnomochennogo po pravam predprinimatelei kak sposob zashchity prav predprinimatelei / R. A. Akberdin // Alleya nauki. – 2018. – T. 1, № 3(19). – pp. 574–576.
6. Kazakova, E. B. Institut Upolnomochennogo po zashchite prav predprinimatelei i perspektivy ego razvitiya v Rossiiskoi Federatsii / E. B. Kazakova // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2022. – T. 10, № 4(40). – pp. 52–59.
7. Federal'nyi zakon ot 07.05.2013 № 78–FZ (red. ot 10.07.2023) «Ob upolnomochennykh po zashchite prav predprinimatelei» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2013. – № 19. – St. 2305.
8. Sintsov, G. V. Deyatel'nost' Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii: teoreticheskie i pravoprimenitel'nye aspekty / G. V. Sintsov, D. E. Feoktistov // Institut upolnomochennykh po pravam cheloveka v sisteme konstitutsionnykh garantii : Sbornik dokladov VI Moskovskogo yuridicheskogo foruma, Moskva, 04–06 aprelya 2019 goda. – Moskva: OOO «RG-Press», 2019. – pp. 43–49.
9. Slepnev, A. D. K voprosu o nezavisimosti upolnomochennykh po zashchite prav predprinimatelei / A. D. Slepnev // AKTUAL'NYE PROBLEMY OBSHCHESTVA, EKONOMIKI I PRAVA v SOVREMENNYKH USLOVIYakh : sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Petrozavodsk, 25 aprelya 2023 goda. – Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya I.I.), 2023. – pp. 20–25.
10. Lilikova, O. S. Rol' upolnomochennogo po zashchite prav predprinimatelei v Rossiiskoi Federatsii / O. S. Lilikova, K. S. Emel'yanova // Zakon. Obshchestvo. Chelovek. Aktual'nye voprosy teorii i praktiki prava : Sbornik nauchnykh statei / Pod redaktsiei O.V. Arkhipovoi, A.I. Klimina. – Sankt-Peterburg : Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Fora-print", 2020. – pp. 13–17.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_110

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГИС «ЕЦХД» С ЦЕЛЬЮ ОПТИМИЗАЦИИ РАБОТЫ И ПОВЫШЕНИЯ РАСКРЫВАЕМОСТИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ Г. МОСКВЫ И МО

LEGAL SUPPORT FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN GIS "ECDD" IN ORDER TO OPTIMIZE WORK AND INCREASE THE DETECTION OF OFFENSES IN MOSCOW AND THE MOSCOW REGION

УРМАНОВ Олег Эдуардович,

аспирант ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (РГСУ),
специалист Управления по вопросам безопасности и противодействия коррупции префектуры
Северного административного округа города Москвы.

129256, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1.

E-mail: Oleg-urmanov@mail.ru;

URMANOV Oleg Eduardovich,

Postgraduate student at the Russian State Social University (RGSU),
specialist at the Prefectural Office for Security and Anti-Corruption
The Northern Administrative District of Moscow.

4 Wilhelma Peak str., building 1, Moscow, 129256, Russia.

E-mail: Oleg-urmanov@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию вопросов правового обеспечения использования искусственного интеллекта (далее - ИИ) в государственной информационной системе «Единый центр обработки и хранения данных» (далее – ГИС «ЕЦХД») для оптимизации работы правоохранительных органов и повышения раскрываемости правонарушений на территории города Москвы и Московской области. В работе с использованием методов формально-догматического анализа рассматриваются основные направления интеграции ИИ в ГИС, включая анализ данных, обработку видеоданных и оптимизацию маршрутов патрулирования. Особое внимание уделяется правовым аспектам, связанным с защитой персональных данных, законодательством о правоохранительной деятельности и этическим вопросам. Приводятся примеры успешного применения ИИ в других странах, что подчеркивает потенциал таких технологий для повышения эффективности правоохранительных органов. Статья акцентирует внимание на необходимости разработки, уточнения и оптимизации механизмов обеспечения соблюдения правовых норм и этических стандартов при внедрении ИИ в практику работы с данными.

Abstract: The article is devoted to the legal provision of the use of artificial intelligence (AI) in geographic information systems (GIS) "Unified Data Storage Center" (EDCC) to optimize the work of law enforcement agencies and increase the detection of offenses in the city of Moscow and the Moscow region. The paper considers the main directions of AI integration into GIS, including data analysis, video data processing and optimization of patrol routes. Particular attention is paid to legal aspects related to personal data protection, law enforcement legislation, and ethical issues. Examples of successful AI applications in other countries are given, which highlights the potential of such technologies to improve the effectiveness of law enforcement agencies. The article emphasizes the need to comply with legal norms and ethical standards when implementing AI in data management practice.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, правовое обеспечение, ГИС «ЕЦХД», геоинформационные системы, раскрываемость правонарушений, защита персональных данных, правоохранительные органы, этические аспекты, оптимизация работы, технологии безопасности.

Keywords: Artificial intelligence, geoinformation systems, legal support, ECSD, disclosure of offenses, protection of personal data, law enforcement agencies, ethical aspects, optimization of work, security technologies.

Для цитирования: Урманов О.Э. Правовое обеспечение использования искусственного интеллекта в ГИС «ЕЦХД» с целью оптимизации работы и повышения раскрываемости правонарушений на территории г. Москвы и МО // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 110-114. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_110.

For citation: Urmanov O.E. Legal support for the use of artificial intelligence in GIS "ECDD" in order to optimize work and increase the detection of offenses in Moscow and the Moscow region // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 110-114. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_110.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Актуальность исследования в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) и их интеграции в различные сферы деятельности, включая деятельность хозяйствующих субъектов¹, органов, осуществляющих полномочия в области контроля (надзора)², правоохранительных органов³ и др.⁴, становится особенно важным исследование правового обеспечения использования ИИ в ГИС «ЕЦХД». В частности, применение ИИ в рамках хранения данных представляет собой значительный шаг к оптимизации работы правоохрани-

¹ Бондаренко, Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. 2024. Том 22. № 1 (110) С. 50-57 DOI: 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7; Землин А.И., Матвеева М.А., Гоц Е.В., Торшин А.А. Актуальные проблемы правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием высокоавтоматизированных автомобилей: монография. Москва: КноРус. 2022; Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58-69. EDN: BSMKWA; Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств // Транспортное право. 2022. № 4. С. 13-20. EDN: YNLWLS

² Белозеров, В.Л. Актуальные проблемы правового обеспечения транспортной безопасности и контрольной (надзорной) деятельности на транспорте: монография / В.Л. Белозеров, С.В. Борисова, А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Г.Ю. Корякин, Лещов / под. ред. А.И. Землина — Москва: Издательство Русайнс, 2024;

³ Zemlin, A. Problems of ensuring security of transport infrastructure facilities / A. Zemlin, I. Kholikov, I. Mamedova, O. Zemlina // IOP Publishing Ltd, "International Science and Technology Conference "Earth Science" - Chapter 3", 2021, 42002 // DOI: 10.1088/1755-1315/666/4/042002; Bagreeva, E. G. On the issue of classification of risks of environmental safety of the transport complex: legal and organizational aspects / E. G. Bagreeva, A. I. Zemlin, S. K. Shamsunov // Turismo-estudos e praticas. — FEB 2021. <https://www.webof-science.com/wos/woscc/full-record/WOS:000625009000029>; Zemlin, A. Problems of ensuring security of transport infrastructure / A. Zemlin, I. Kholikov, I. Mamedova // Facilities. 2021. T. 666. C. 042002.

⁴ Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ В.В. Путина от 10 октября 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

тельных органов и повышению раскрываемости правонарушений на территории города Москвы и Московской области.

Основательно отмечается, что современные вызовы, такие как рост преступности, необходимость эффективного распределения ресурсов правоохранительных органов и защита прав граждан, требуют внедрения инновационных технологий¹. ИИ способен обрабатывать большие объемы данных, выявлять закономерности и предсказывать потенциальные угрозы, что делает его незаменимым инструментом в борьбе с преступностью.

Однако с увеличением возможностей ИИ возникают и новые правовые и этические вопросы. Защита персональных данных, соблюдение норм законодательства о правоохранительной деятельности и обеспечение прозрачности алгоритмов становятся критически важными аспектами для успешной интеграции ИИ в практику работы правоохранительных органов. Неправильное или незнание использования технологий может привести к нарушениям прав граждан, что подчеркивает необходимость тщательного правового регулирования.

Таким образом, данное исследование актуально не только с точки зрения повышения эффективности работы правоохранительных органов, но и в контексте обеспечения правовых гарантий и защиты интересов граждан. Анализ правового обеспечения использования ИИ в ГИС «ЕЦХД» позволит выявить существующие проблемы и предложить рекомендации по их решению, что будет способствовать созданию безопасной и правомерной среды для применения новых технологий в сфере безопасности.

Искусственный интеллект (ИИ) на сегодняшний день стал важной частью многих технологий, применяемых в самых разных сферах, включая правоохранительные органы. Его внедрение в работу правоохранительных структур открывает новые горизонты для повышения эффективности и качества работы. Системы позволяют анализировать пространственные данные, что в свою очередь может существенно изменить подход к раскрытию преступлений и реагированию на правонарушения.

Геоинформационные системы предоставляют возможность визуализировать и обрабатывать большие объемы данных, связанные с местоположением. Это может включать информацию о преступлениях, их географическом распределении, а также данные о потенциальных угрозах. Использование ИИ в этом контексте позволяет не только обрабатывать исторические данные, но и выявлять закономерности, которые могут быть неочевидны при традиционном анализе. Например, алгоритмы машинного обучения могут помочь предсказать, где и когда может произойти преступление, на основе анализа предыдущих инцидентов и других факторов.

Тем не менее, с внедрением ИИ в практику работы правоохранительных органов возникают и серьезные правовые вопросы. Применение технологий должно соответствовать действующему законодательству, которое регулирует защиту персональных данных и права граждан. Важно обеспечить, чтобы использование ИИ не нарушало права людей и не приводило к дискриминации или неправомерным действиям со стороны правоохранительных органов. Поэтому правовое обеспечение использования ИИ в ГИС «ЕЦХД» становится ключевым аспектом для успешной интеграции этих технологий.

В данной статье мы сосредоточим свое основное внимание на том, как правовое регулирование может поддерживать эффективное использование ИИ в ГИС «ЕЦХД», а также на том, какие меры необходимо предпринять для защиты прав граждан. Мы рассмотрим существующие правовые нормы и предложим рекомендации по их адаптации к новым технологиям. Это позволит не только повысить раскрываемость правонарушений на территории города Москвы и Московской области, но и создать безопасную правовую среду для внедрения инновационных решений в правоохранительную практику.

1. Роль ИИ в ГИС «ЕЦХД»

ГИС «ЕЦХД» позволяет собирать, обрабатывать и анализировать большие объемы данных, включая информацию о правонарушениях, передвижениях граждан, видеонаблюдение и другие источники информации. Подключение объектовой системы видеонаблюдения к ГИС «ЕЦХД» в свою очередь может стать положительным фактором в случае реального совершения террористического акта, так как данная возможность дает оперативно оценить характер террористической угрозы и интеграция ИИ в эту систему может осуществляться через следующие направления:

- Анализ данных: ИИ может обрабатывать и анализировать данные о правонарушениях, выявляя паттерны и аномалии, что позволяет предсказывать возможные преступления и оперативно реагировать на них.
- Обработка видеоданных: Алгоритмы компьютерного зрения могут использоваться для анализа видеопотоков с камер наблюдения, что позволяет выявлять подозрительное поведение и улучшать мониторинг общественных мест.
- Оптимизация маршрутов патрулирования: ИИ может помочь в планировании маршрутов патрулирования, основываясь на данных о преступности, времени суток и других факторах, что повышает эффективность работы правоохранительных органов.

Геоинформационная система «ЕЦХД» представляет собой мощный инструмент, который может собирать, обрабатывать и анализировать огромные объемы данных, включая информацию о правонарушениях, передвижениях граждан, данные с видеонаблюдения и другие источники информации. Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в эту систему открывает новые горизонты для повышения эффективности работы правоохранительных органов.

Одним из ключевых направлений интеграции ИИ является анализ данных. Искусственный интеллект способен обрабатывать большие массивы информации о правонарушениях, выявляя закономерности и аномалии в поведении. Например, ИИ может анализировать исторические данные о преступлениях, определять, в каких районах и в какое время суток чаще всего происходят правонарушения. Это позволяет не только пред-

¹Сokolova A.A. Вызовы искусственного интеллекта в юриспруденции: междисциплинарная модель познания // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 245–249.

сказывать возможные преступления, но и оперативно реагировать на них. Когда система фиксирует определенные паттерны, правоохранительные органы могут заранее принимать меры для предотвращения преступлений, что значительно повышает уровень безопасности в обществе.

Еще одним важным направлением является обработка видеоданных. Алгоритмы компьютерного зрения могут быть использованы для анализа видеопотоков с камер наблюдения. Это позволяет выявлять подозрительное поведение в общественных местах, таких как станции метро, торговые центры или улицы. Например, если камера фиксирует человека, который ведет себя агрессивно или проявляет признаки стресса, система может автоматически уведомить патрульные группы о необходимости проверки ситуации. Таким образом, интеграция ИИ в видеонаблюдение не только улучшает мониторинг общественных мест, но и способствует быстрому реагированию на потенциальные угрозы.

Кроме того, ИИ может значительно оптимизировать маршруты патрулирования правоохранительных органов. Система может анализировать данные о преступности, учитывая время суток, день недели и другие факторы, чтобы предложить наиболее эффективные маршруты для патрулей. Это позволяет не только увеличить вероятность задержания правонарушителей на месте преступления, но и повысить общее чувство безопасности у граждан. Когда патрулирование осуществляется более эффективно, это создает ощущение присутствия правоохранительных органов и предупреждает возможные правонарушения.

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в ГИС «ЕЦХД» представляет собой многообещающий шаг к созданию более безопасного общества. Использование ИИ для анализа данных о правонарушениях, обработки видеопотоков и оптимизации маршрутов патрулирования может существенно повысить эффективность работы правоохранительных органов и улучшить качество жизни граждан.

2. Правовое обеспечение использования ИИ в ГИС «ЕЦХД»

Правовое обеспечение использования ИИ в ГИС «ЕЦХД» включает в себя несколько ключевых аспектов:

- Использование ИИ и ГИС связано с обработкой персональных данных граждан. В России действуют законы, регулирующие защиту персональных данных, такие как Федеральный закон «О персональных данных» (№ 152-ФЗ). Необходимо обеспечить соблюдение этих норм при сборе, обработке и хранении данных, что включает:

- **Согласие граждан:** Обработка персональных данных должна осуществляться только с согласия субъектов данных или на основании других законных оснований.

- **Анонимизация данных:** Для снижения рисков нарушения конфиденциальности целесообразно применять методы анонимизации и псевдонимизации данных.

- Законодательство о правоохранительной деятельности

Правовые нормы, регулирующие деятельность правоохранительных органов, также должны учитывать использование ИИ в ГИС «ЕЦХД»¹. Это включает:

- **Обоснованность применения технологий:** Использование ИИ должно быть обосновано необходимостью повышения эффективности работы правоохранительных органов и защиты прав граждан.

- **Контроль и ответственность:** Необходимо установить механизмы контроля за использованием ИИ, чтобы избежать злоупотреблений и обеспечить ответственность за неправомерные действия.

- Этические аспекты

Использование ИИ в правоохранительной деятельности поднимает ряд этических вопросов:

- **Предвзятость алгоритмов:** Алгоритмы могут содержать предвзятости, что может привести к дискриминации определенных групп населения. Важно проводить регулярные проверки и аудит алгоритмов на предмет их справедливости.

- **Прозрачность решений:** Граждане должны иметь возможность понимать, как принимаются решения на основе ИИ, чтобы повысить доверие к правоохранительным органам.

Правовое обеспечение использования искусственного интеллекта (ИИ) в геоинформационных системах, таких как «ЕЦХД», является важной задачей, которая затрагивает множество аспектов, включая защиту персональных данных, законодательство о правоохранительной деятельности и этические нормы. В России существует ряд законов, регулирующих обработку и защиту персональных данных граждан, среди которых ключевым является Федеральный закон «О персональных данных» (№ 152-ФЗ). Этот закон требует, чтобы обработка персональных данных осуществлялась только с согласия самих граждан или на основании других законных оснований. Это означает, что правоохранительные органы и другие учреждения, использующие ИИ в своих системах, должны обеспечивать прозрачность в отношении того, как и почему собираются данные о гражданах. Важно также применять методы анонимизации и псевдонимизации данных для снижения рисков нарушения конфиденциальности. Анонимизация позволяет скрыть личные данные, делая их менее уязвимыми для утечек или неправомерного использования.

Кроме того, использование ИИ в ГИС должно соответствовать нормам законодательства о правоохранительной деятельности. Это подразумевает, что любые технологии, применяемые для повышения эффективности работы правоохранительных органов, должны быть обоснованы и направлены на защиту прав граждан². Важно, чтобы внедрение ИИ не приводило к нарушению прав и свобод человека. Для этого необходимо установить механизмы контроля за использованием технологий, чтобы избежать возможных злоупотреблений. Ответственность за не-

¹ Бегишев И.Р., Латыпова Е.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – № 14. – С. 79–91.

² Землин, А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы непрерывного профессионального образования сил обеспечения транспортной безопасности / А.И., Землин // Образование и право. 2020. С. 399 – 408.

правомерные действия должна быть четко определена, что поможет сохранить доверие общества к правоохранительным органам¹.

Этические аспекты также играют значительную роль в обсуждении использования ИИ в правоохранительной деятельности. Одним из наиболее серьезных вопросов является предвзятость алгоритмов. Алгоритмы могут непреднамеренно содержать предвзятости, что может привести к дискриминации определенных групп населения. Поэтому регулярные проверки и аудит алгоритмов на предмет их справедливости становятся необходимыми мерами. Кроме того, важно обеспечить прозрачность решений, принимаемых на основе ИИ. Граждане должны иметь возможность понимать, каким образом принимаются решения, основанные на анализе данных, чтобы повысить доверие к правоохранительным органам и минимизировать опасения по поводу произвольного или несправедливого применения технологий.

Таким образом, правовое обеспечение использования ИИ в ГИС «ЕЦХД» требует комплексного подхода, который включает соблюдение законодательства о защите персональных данных, учет норм правоохранительной деятельности и внимание к этическим вопросам. Это позволит создать эффективную и безопасную среду для применения технологий ИИ в интересах общества².

3. Примеры успешного применения ИИ в ГИС

В мире уже есть примеры успешного применения ИИ в системах ГИС для повышения раскрываемости преступлений³:

- Система PredPol: В США используется система PredPol, которая анализирует данные о преступлениях и предсказывает вероятные места совершения преступлений. Это позволяет полиции более эффективно распределять ресурсы.

- Проект «Умный город»: в некоторых городах мира реализуются проекты «умного города», где используются технологии ИИ для мониторинга общественной безопасности, включая анализ данных с камер видеонаблюдения.

В последние годы использование искусственного интеллекта (ИИ) в геоинформационных системах (ГИС) стало важным инструментом для повышения эффективности работы правоохранительных органов, особенно в сфере раскрытия преступлений. Ярким примером такого подхода является система PredPol, которая активно используется в Соединенных Штатах. Эта система анализирует обширные массивы данных о ранее совершенных преступлениях, включая их местоположение, время и тип. На основе этих данных PredPol применяет алгоритмы машинного обучения для предсказания вероятных мест, где могут произойти новые преступления. Это позволяет полиции более эффективно распределять свои ресурсы, направляя патрулирование в те районы, где вероятность совершения преступлений выше. Таким образом, система не только помогает в предотвращении правонарушений, но и оптимизирует работу правоохранительных органов, позволяя им действовать проактивно.

Еще одним интересным примером является реализация проектов «умного города», которые внедряются в различных уголках мира. Эти проекты используют передовые технологии, включая ИИ, для мониторинга и улучшения общественной безопасности. В рамках таких инициатив осуществляется анализ данных с камер видеонаблюдения, что позволяет оперативно выявлять подозрительное поведение и реагировать на потенциальные угрозы. Системы, основанные на ИИ, способны обрабатывать видеопотоки в реальном времени, что значительно ускоряет процесс реагирования на инциденты. Например, если камера фиксирует агрессивное поведение или скопление людей в необычном месте, система может автоматически уведомить правоохранительные органы, что дает возможность быстро вмешаться и предотвратить возможные правонарушения.

Эти примеры показывают, как технологии ИИ и ГИС могут трансформировать подход к обеспечению безопасности в городах. Они не только улучшают реакцию на преступления, но и способствуют созданию более безопасной городской среды. Однако важно помнить, что с такими инновациями также возникают вопросы этики и правового регулирования. Необходимо обеспечить защиту прав граждан и предотвратить возможные злоупотребления со стороны властей. Поэтому успешное применение ИИ в правоохранительных органах требует тщательного соблюдения законов и норм, чтобы технологии служили на благо общества и не нарушали права человека.

Использование искусственного интеллекта в геоинформационной системе «ЕЦХД» открывает новые возможности для оптимизации работы правоохранительных органов и повышения уровня безопасности в городах, таких как Москва и Московская область. ИИ способен обрабатывать и анализировать большие объемы данных, что позволяет выявлять закономерности в преступной деятельности, предсказывать потенциальные правонарушения и реагировать на них более оперативно. Например, анализируя исторические данные о преступлениях, система может выявить, в каких районах и в какое время суток чаще всего происходят правонарушения. Это знание позволяет правоохранительным органам заранее принимать меры для предотвращения преступлений, что значительно повышает уровень безопасности граждан.

Однако успешная интеграция таких технологий требует тщательного правового регулирования. Необходимо создать четкие нормы, которые будут защищать персональные данные граждан, предотвращая их несанкционированное использование. Важно установить ответственность за действия правоохранительных органов при использовании технологий ИИ, чтобы избежать возможных злоупотреблений и обеспечить справедливость в их применении. Этические аспекты также играют ключевую роль: необходимо учитывать, как внедрение ИИ может повлиять на общественное восприятие правоохранительных органов и уровень доверия к ним.

Создание безопасной среды для граждан невозможно без соблюдения всех этих условий. Только при наличии четкого правового регулирования, защиты личной информации и этических норм можно ожидать положительного эффекта от использования ИИ в правоохранительных

¹Романова И.Н. Применение технологий искусственного интеллекта в системе наказаний за преступления // Цифровая трансформация социальных и экономических систем: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.А. Королькова. – Москва: изд. ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте», 2023. – С. 862–871; Балтовский А. С. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях действия экстраординарных административно-правовых режимов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

²Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 173–178.

³Кравцов Д.А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 108–110.

органах. Это позволит не только повысить раскрываемость правонарушений, но и укрепить доверие граждан к государственным институтам. В конечном итоге, интеграция искусственного интеллекта в ГИС «ЕЦХД» должна стать шагом к более безопасному и справедливому обществу, где технологии служат интересам граждан и способствуют улучшению качества жизни.

Список литературы:

1. Балтовский А. С. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях действия экстраординарных административно-правовых режимов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
2. Бегисhev I.P., Lатыпова E.Yu., Kirpichnikov D.V. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – № 14. – С. 79–91.
3. Белозеров, В.Л. Актуальные проблемы правового обеспечения транспортной безопасности и контрольной (надзорной) деятельности на транспорте: монография / В.Л. Белозеров, С.В. Борисова, А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Г.Ю. Корякин, Лещов / под. ред. А.И. Землина — Москва: Издательство Русайнс, 2024;
4. Бондаренко, Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. 2024. Том 22. № 1 (110) С. 50-57 DOI: 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7
5. Землин А.И. Проблемные вопросы правового регулирования отношений, связанных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 58-69. EDN: BSMKWA.
6. Землин А.И. Проблемные вопросы правового обеспечения использования высокоавтоматизированных транспортных средств // Транспортное право. 2022. № 4. С. 13-20. EDN: YNLWLS
7. Землин А.И., Матвеева М.А., Гоц Е.В., Торшин А.А. Актуальные проблемы правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием высокоавтоматизированных автомобилей: монография. Москва: КноРус. 2022.
8. Землин, А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы непрерывного профессионального образования сил обеспечения транспортной безопасности / А.И., Землин // Образование и право. 2020. С. 399 – 408.
9. Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 173–178.
10. Кравцов Д.А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 108–110.
11. Романова И.Н. Применение технологий искусственного интеллекта в системе наказаний за преступления // Цифровая трансформация социальных и экономических систем: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.А. Королькова. – Москва: изд. ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте», 2023. – С. 862–871
12. Соколова А.А. Вызовы искусственного интеллекта в юриспруденции: междисциплинарная модель познания // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 245–249.
13. Bagreeva, E. G. On the issue of classification of risks of environmental safety of the transport complex: legal and organizational aspects / E. G. Bagreeva, A. I. Zemlin, S. K. Shamsunov // Turismo-estudos e praticas. — FEB 2021. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000625009000029>
14. Zemlin, A. Problems of ensuring security of transport infrastructure facilities / A. Zemlin, I. Kholikov, I. Mamedova, O. Zemlina // IOP Publishing Ltd, "International Science and Technology Conference "Earth Science" - Chapter 3", 2021, 42002 // DOI: 10.1088/1755-1315/666/4/042002
15. Zemlin, A. Problems of ensuring security of transport infrastructure / A. Zemlin, I. Kholikov, I. Mamedova // Facilities. 2021. T. 666. C. 042002.

References:

1. Baltovsky A. S. Organizational and legal foundations of the activities of internal affairs bodies in the context of extraordinary administrative and legal regimes: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences'. Saratov, 2006.
2. Begishev I.R., Lатыпова E.Yu., Kirpichnikov D.V. Artificial intelligence as a legal category: a doctrinal approach to definition development // Actual problems of economics and law. - 2020. - No. 14. - pp. 79-91.
3. Belozеров, V.L. Actual problems of legal provision of transport safety and control (supervisory) activities at the seaport: a monograph / V.L. Belozеров, S.V. Borisova, A.I. Zemlin, O.M. Zemlina, V.M. G.Yu. Koryakin, Leshchov / edited by A.I. Zemlin - Moscow: Rusains Publishing House, 2024;
4. Bondarenko, N.L. The legal regime of transport ecosystems based on the principles of functioning of artificial intelligence / N.L. Bon-darenko, Yu.G. Konanovich, A.I. Zemlin // The world of transport. 2024. Volume 22. No. 1 (110) pp. 50-57 DOI: 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7
5. Zemlin A.I. Problematic issues of legal regulation of relations related to the use of highly automated vehicles // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 12. pp. 58-69. EDN: BSMKWA.
6. Zemlin A.I. Problematic issues of legal support for the use of highly automated vehicles // Transport Law. 2022. No. 4. pp. 13-20. EDN: YNLWLS
7. Zemlin A.I., Matveeva M.A., Gots E.V., Torshin A.A. Actual problems of legal regulation of relations arising in connection with the use of highly automated cars: monograph. Moscow: KnoRus. 2022.
8. Zemlin, A.I. Actual organizational and legal issues of continuing professional education of transport safety forces / A.I., Zemlin // Education and Law. 2020 P. 399 – 408.
9. Kibalnik A.G., Volosyuk P.V. Artificial intelligence: questions of criminal law doctrine awaiting answers // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 4. - pp. 173-178.
10. Kravtsov D.A. Artificial intelligence: crime prevention and forecasting // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2018. - No. 3. - pp. 108-110.
11. Romanova I.N. Application of artificial intelligence technologies in the system of punishments for crimes // Digital transformation of social and economic systems: materials of the international scientific and practical conference / ed. by I.A. Korolkov. – Moscow: Publishing house. CHOUVO "Moscow University named after S.Y. Witte", 2023. – pp. 862-871
12. Sokolova A.A. Challenges of artificial intelligence in jurisprudence: an interdisciplinary model of cognition // Legal Technology. - 2021. - No. 15. - pp. 245-249.
13. Bagreeva, E. G. On the issue of classification of risks of environmental safety of the transport complex: legal and organizational aspects / E. G. Bagreeva, A. I. Zemlin, S. K. Shamsunov // Turismo-estudos e praticas. — FEB 2021. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000625009000029>
14. Zemlin, A. Problems of ensuring security of transport infrastructure facilities / A. Zemlin, I. Kholikov, I. Mamedova, O. Zemlina // IOP Publishing Ltd, "International Science and Technology Conference "Earth Science" - Chapter 3", 2021, 42002 // DOI: 10.1088/1755-1315/666/4/042002
15. Zemlin, A. Problems of ensuring security of transport infrastructure / A. Zemlin, I. Kholikov, I. Mamedova // Facilities. 2021. Vol. 666. p. 042002.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЕДИНСТВА И ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА CONSTITUTIONAL BASIS OF THE UNITY AND INTEGRITY OF THE RUSSIAN STATE

СЕМИЧЕВА Анастасия Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Института права и национальной безопасности РАНХиГС.
119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 4.

E-mail: asemicheva@yandex.ru;

ХИМИЧ Татьяна Михайловна,

к.и.н., доцент кафедры теории права, гражданского права, гражданского процесса Юридического института РУТ (МИИТ).
127055, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 4.

E-mail: asemicheva@yandex.ru;

SEMICHEVA Anastasia Sergeevna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law RANHiGS Institute of Law and National Security.
82 Vernadsky Avenue, building 4, Moscow, 119571, Russia.

E-mail: asemicheva@yandex.ru;

KNIMICH Tatiana Mikhailovna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law, Civil Law, Civil Procedure
RUT Law Institute (MIIT).

127055, Russia, Moscow, Obraztsova str., 9, building 4.

E-mail: asemicheva@yandex.ru

Краткая аннотация: Конституция Российской Федерации не только определяет основы государственного устройства, но и гарантирует права человека, выступая основой верховенства закона, что критически важно для функционирования единой правовой системы. Управление осуществляется через децентрализованную систему, в которой федеральные и местные власти взаимодействуют в рамках самоуправления, обеспечивая равноправный доступ всех граждан к правам независимо от места жительства. Указанное способствует социальной и экономической интеграции и укрепляет внутреннюю стабильность многонационального государства. В современных условиях становится актуальным изучение понятий суверенитета, независимости и государственной целостности как ключевых параметров, определяющих безопасность и функционирование государства. Актуальность исследования указанных явлений объясняется отсутствием их единого понимания в юридической практике и законодательстве России, что требует анализа их взаимосвязи для выработки эффективных механизмов обеспечения стабильности и устойчивого развития государства.

Abstract: The Constitution of the Russian Federation not only defines the foundations of the state structure, but also guarantees human rights, serving as the basis for the rule of law, which is critical for the functioning of a unified legal system. Management is carried out through a decentralized system in which federal and local authorities interact within the framework of self-government, ensuring equal access of all citizens to rights regardless of place of residence. This contributes to social and economic integration and strengthens the internal stability of a multinational state. In modern conditions, it is becoming relevant to study the concepts of sovereignty, independence and state integrity as key parameters determining the security and functioning of the state. The relevance of the study of these phenomena is explained by the lack of a unified understanding of them in legal practice and legislation of Russia, which requires an analysis of their relationship to develop effective mechanisms for ensuring stability and sustainable development of the state.

Ключевые слова: конституция Российской Федерации, государственное устройство, права человека, верховенство закона, правовая система, децентрализованная система, внутренняя стабильность, многонациональное государство, суверенитет, независимость, государственная целостность.

Key words: Constitution of the Russian Federation, state structure, human rights, rule of law, legal system, decentralized system, internal stability, multinational state, sovereignty, independence, state integrity.

Для цитирования: Семичева А.С., Химич Т.М. Конституционные основы единства и целостности российского государства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 115-117. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_115.

For citation: Semicheva A.S., Khimich T.M. Constitutional basis of the unity and integrity of the Russian state // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 115-117. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_115.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Идеи о целостности и единства государства начали формироваться ещё в античные времена. Такие философы, как Аристотель и Платон подчеркивали, что единство является необходимым условием для предотвращения анархии и хаоса, а Лао-Цзы в своём знаменитом «Даоэцзине» акцентировал важность защиты территориальных границ для сохранения государства.

Связь между суверенитетом и территориальной целостностью очевидна: суверенитет не ограничивается защитой границ, он подразумевает полное осуществление государственной власти как внутри страны, так и за её пределами. Важно отметить, что основы понимания данного термина начали формироваться ещё в Средневековье, благодаря Жану Бодену, который в своём труде «Шесть книг о государстве» обосновывал абсолютную власть монарха, что стало основой для дальнейшего развития концепции суверенитета.

В России термин «народное единство» впервые стал активно использоваться на границе XVI и XVII веков, когда объединённые усилия народа способствовали изгнанию польских захватчиков и разрешению давних проблем. Вопросы единства и суверенитета вновь всплыли на поверхность в конце 1980-х – начале 1990-х, когда распад СССР привел к стремительному самоопределению республик, их автономии и независимости. Данный период можно охарактеризовать как «парад суверенитетов», отражавший сложные процессы в обществе и стремление народов к самоопределению и свободе.

Несмотря на то, что в Конституции Российской Федерации (далее- Конституция РФ) [1] отсутствует прямое закрепление терминов «целостность» и «единство», данные идеи красной нитью пронизывают основные ее положения. В соответствии с ч.2 ст.5 государство опирается на принципы целостности и единства, наряду с разделением полномочий между различными уровнями власти. Кроме того, важным является принцип равноправия народов и их права на самоопределение, что отражает многообразие общественной структуры. В свою очередь, ст.4 подчеркивает, что суверенитет Российской Федерации охватывает всю её территорию, а Конституция РФ и федеральные законы имеют высшую юриди-

ческую силу во всех субъектах. Обеспечение целостности и безопасности территорий является одной из ключевых задач государства, что также отражается в ст. 13, где запрещаются действия, угрожающие конституционному порядку, целостности страны или безопасности государства, включая разжигание межнациональной и социальной ненависти.

Федеративное устройство России основано на суверенитете, как в юридическом, так и в фактическом смыслах, создавая устойчивую систему, способствующую единству страны в современных международных условиях. Суверенитет России проявляется не только в верховенстве Конституции РФ на всей её территории, но и в ее независимости во внешнеполитических действиях, что подчеркивает значимость внутренней стабильности и единства. Важно отметить, что за счет федеративного устройства обеспечивается эффективное взаимодействие между различными уровнями власти и функционирование государственного механизма. При этом управление представляется не просто как спектр действий, а как сложная структура, где каждый элемент выполняет уникальную роль.

Ключевой задачей, стоящей перед федеративной системой, является сбалансированное распределение полномочий между центром и субъектами Федерации.

На федеративном уровне закрепляются общие принципы осуществления прав и полномочий, входящих в государство субъектов (например, общие принципы организации законодательных и исполнительных органов власти). Указанное обусловлено необходимостью исключить произвол при реализации регионами своих прав и обязанностей. В свою очередь, субъекты имеют собственные органы исполнительной власти, а также наделены спектром полномочий по вопросам регулирования деятельности органов местного самоуправления. В частности, уставами и Конституциями субъектов определяются наименование органов местного самоуправления, комплекс их компетенций, вопросы выборов и т.д. К примеру, если в ведении Российской Федерации находится управление федеральной собственностью, определение основ федеральной политики, установление принципов функционирования единого рынка и т.д., то к ведению субъектов относится управление региональной собственностью, разработка и принятие региональных программ развития и пр.

Указанное позволяет учитывать особенности различных регионов, содействуя их гармоничному развитию. Принципы федеративного устройства направлены на создание устойчивого правового поля, где закон и порядок поддерживаются на всех уровнях власти. Основные задачи данной системы управления возможно резюмировать следующим образом:

1. Сохранение исторически сложившегося единства Российской Федерации (ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации);
2. Реализация суверенитета Российской Федерации в пределах всей её территории (ч. 1 ст. 4 Конституции Российской Федерации);
3. Обеспечение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации (ч. 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации).

Согласно статье 65 Конституции РФ, субъекты Федерации играют ключевую роль в обеспечении единства государства, принимая во внимание особенности регионов. Указанное достигается благодаря четкому разделению полномочий между федеральной и региональной властями, что упорядочивает взаимодействие и помогает сохранить суверенитет страны.

Важно отметить, что разграничение полномочий, как закреплено в Конституции РФ, является важным шагом для защиты суверенитета России. Например, в ч. 3 ст. 5 четко указано распределение полномочий, а в ч. 2 ст. 67 подчеркивается приоритет защиты суверенитета и территориальной целостности государства.

Согласование действий между федеральными и региональными властями становится важнейшим аспектом правоприменительной практики. Согласно ст. 77 Конституции РФ такое сотрудничество позволяет более эффективно реализовывать государственную политику, четко распределять функции и ответственность, учитывая специфику каждого региона. Указанное особенно актуально для многонациональной страны, такой как Россия, где единая система не только предотвращает дублирование функций, но и обеспечивает оперативное реагирование на изменения и современные вызовы. Важно, чтобы федеральные и региональные органы действовали в духе сотрудничества, направляя усилия на общее благо, что в конечном счете служит интересам граждан.

Россия, являясь демократическим государством, активно защищает свои суверенные интересы, продвигая идеи международной законности, что позволяет ей адаптироваться к изменяющимся глобальным условиям и находить баланс между внутренними требованиями и внешними обязательствами. В современных международных отношениях для России необходима гибкость и высокая способность к политической адаптации. В этой связи особенно важным становится поиск компромиссов между интересами регионов и общенародными задачами.

Проводя анализ понятия «суверенитет» возможно выделить несколько ключевых характеристик, среди которых остается важным целостность территории. Однако, следует отметить, что суверенитет не является абсолютным понятием. Он представляет собой концепцию, вокруг которой ведутся активные дискуссии в области политической науки и юриспруденции. Суверенитет включает в себя важнейшие элементы, такие как независимость и право на самоопределение, что играет центральную роль в международной политике.

Относительно опыта Российской Федерации, то на сегодняшний день она обладает явным суверенитетом, позволяющим ей проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. Однако стране предстоит преодолеть ряд вызовов. Риски, исходящие от различных факторов, могут спровоцировать серьезные кризисные ситуации, отражающиеся на жизни всех слоев общества и негативно сказывающиеся на благополучии граждан. Одной из главных угроз являются социально-экономические проблемы: высокий уровень инфляции и колебания курса рубля стали обычной реальностью для большинства россиян, вызывая недовольство и подрывая доверие к власти.

На международной арене конфликты, санкции и экономическая изоляция могут существенно повлиять на внутреннюю стабильность. Несмотря на гибкость экономики, зависимость от сырьевых ресурсов создает уязвимость. Внутриполитическая обстановка также вызывает озабоченность: система подвергается критике как со стороны оппозиции, так и со стороны граждан, столкнувшихся с высокими ценами и непрозрач-

ностью власти. Указанное может привести к нарастанию общественного недовольства. В этой связи государству предстоит решить значимые проблемы, чтобы избежать ухудшения ситуации и сохранить стабильность.

Укрепление общероссийской идентичности, как основы ее единства — сложный и многогранный процесс, вокруг которого ведутся активные споры. Согласно Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 года, основное внимание уделяется концепции надэтнической общности, предполагающей создание сообщества равноправных граждан России, стремящихся к единству и гражданскому самосознанию, невзирая на различия в этническом, религиозном и социальном контексте [2, с. 85].

Необходимость единения общества обусловили не только объективные факторы, но и внутренние восприятия общества: чувства принадлежности к нации и ответственности за судьбу своего государства. События 2014 года, вошедшие в историю, как «Русская весна», а также текущая Специальная военная операция на Украине, продемонстрировали, насколько сильно этнокультурные элементы влияют на внутренние и внешние процессы. Потребность защищать соотечественников за границей привела к переосмыслению концепции гражданской нации. Например, в конце 2023 года заместитель председателя Госдумы П.О. Толстой [3] предложил заменить термин «россияне» на «русские» для всех граждан, что нашло поддержку у ряда депутатов. Данное обстоятельство свидетельствует о растущем внимании к этническим вопросам.

Представители националистического движения, такие как Е.С. Холмогоров и А.Н. Севастьянов, утверждают, что конструкция надэтнической нации не соответствует потребностям миллионов этнических русских, оставшихся за пределами страны после распада СССР.

Противоречия, присущие пониманию характера общероссийского единства, неопределённость в трактовке понятия «соотечественники» становится явной, например, через Программу возвращения [4], охватывающую широкий спектр групп — не только самих граждан, но и их детей. В отличие от государств с чётко структурированными этническими программами репатриации, такими как Израиль или Казахстан, российская политическая система более открыта, предоставляя возможность переселения русскоязычным мигрантам, включая выходцев из Средней Азии. Указанное приводит к росту числа граждан, получающих российское гражданство, хотя значительная часть из них не имеет глубоких культурных связей с Россией.

Территориальные изменения в Украине также поставили под сомнение российский нациостроительный проект. На 2014 год мнения и этнополитические предпочтения русскоязычного населения юго-востока Украины были весьма разнообразными, включая негативное отношение к России. Однако внутри страны превалировала убеждённость, что разделительные барьеры — это искусственные конструкции, разлучившие единый народ. Данное несоответствие между ожиданиями и реальностью породило неуверенность российских властей в отношении вмешательства в дела Украины. Местное население Крыма и Донбасса не имело чёткого представления о российской модели нациостроительства, что создало дополнительные вызовы для политической элиты, поскольку многие ожидали реализации этнократического подхода с акцентом на русских как главной нации.

Следовательно, возможно сделать вывод о противоречивом восприятии российской цивилизации и её уникальности, что значительно сказывается на формировании национальной идентичности. Для многих, особенно представителей старшего поколения, Россия является не просто географической единицей, а символом гораздо более глубоких и значимых исторических традиций. Идея Русского мира, в которой отражены культурные и исторические связи с соседними народами, ярко иллюстрирует данное восприятие; в отличие от конструктивистского подхода, акцент на исторических и культурных особенностях создает представление о единстве нации, единстве Российской Федерации и ее территориальной целостности.

К сожалению, в постсоветских странах новое поколение, выросшее в условиях независимости, формирует иное мировоззрение, не имеющее ничего общего с прежними советскими идеалами. У многих из них проявляется антироссийская позиция, что объясняется стремлением дистанцироваться от России и создать самостоятельный нарратив.

Таким образом, конституционные основы целостности и единства России опираются на множество постулатов, таких как территориальная целостность, суверенитет, единый государственный язык и согласованное взаимодействие органов власти. Тем не менее, на практике указанные принципы сталкиваются с серьезными вызовами. Меняющиеся внешние условия требуют от России укрепления внутренней стабильности и поиска путей для достижения духовного единения народов, в целях обеспечения единства и суверенитета государства. Вопросы самобытности России как цивилизации становятся всё более значимыми. Дискуссии по данной теме необходимы для формирования гармонии между этническими группами и обеспечения здоровой общественной среды. Признание уникальности цивилизации требует документации для защиты её специфики, что в свою очередь должно быть согласовано на всех уровнях управления. При этом важно помнить, что общероссийское единство — это не только политическое, но и культурное явление, в чем значимую роль играют русский язык и культура как связующее звено для всех граждан.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (с учётом поправок, внесённых законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Великая Н.М., Тартыгашева Г.В. Межнациональные отношения в современной России в оценках экспертного сообщества // Вестник Российской нации. 2021. № 4. С. 85-91.
3. «Политики в Москве могут называть нас «русскими», но мы не перестанем быть татарами» // Татар-информ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/politiki-v-moskve-mogut-nazyvat-nas-russkimi-no-my-ne-perestaniem-byt-tatarami-5928096>. (дата обращения: 15.02.2025)
4. Указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 (ред. от 22.11.2023) «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.09.2012. № 38. Ст.5074

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, December 30, 2008 No. 7-FKZ, February 5, 2014 No. 2-FKZ, July 21, 2014 No. 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ, dated October 4, 2022 No. 5-FKZ, dated October 4, 2022 No. 6-FKZ, dated October 4, 2022 No. 7-FKZ, dated October 4, 2022 No. 8-FKZ) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. St. 4398.
2. Velikaya N.M., Tartygasheva G.V. Interethnic relations in modern Russia in the assessments of the expert community // Bulletin of the Russian Nation. 2021. No. 4. p. 85-91
3. "Politicians in Moscow may call us "Russians", but we will not cease to be Tatars" // Tatar-inform [Electronic resource]. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/politiki-v-moskve-mogut-nazyvat-nas-russkimi-no-my-ne-perestaniem-byt-tatarami-5928096>. (date of access: 02/15/2025)
4. Decree of the President of the Russian Federation dated 09/14/2012 No. 1289 (as amended on 11/22/2023) "On the implementation of the State Program to assist the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 09/17/2012. No. 38. St.5074

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_118

УДК 343.412

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK OF RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

КРЕПЫШЕВ Александр Михайлович,

заведующий кафедрой уголовного права и процессуальных дисциплин юридического факультета
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: kam-260871@yandex.ru;

ИШМУХАМЕТОВ Алик Хаметович,

старший преподаватель кафедры публичного и частного права
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: a-ishmukhametov@mail.ru;

KREPYSHEV Alexander Mikhailovich,

Head of the Department of Criminal Law and Procedural Disciplines of the Faculty of Law
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: kam-260871@yandex.ru;

ISHMUKHAMETOV Alik Khametovich,

Senior Lecturer of the Department of Public and Private Law
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: a-ishmukhametov@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются Международно-правовые акты по защите прав личности от дискриминации.
Abstract. The article examines international legal acts on the protection of individual rights from discrimination.

Ключевые слова: дискриминация, защита прав и свобод человека и гражданина, Всеобщая декларация прав человека.
Keywords: discrimination, protection of human and civil rights and freedoms, Universal Declaration of Human Rights.

Для цитирования: Крепышев А.М., Ишмухаметов А.Х. Международно-правовые основы ответственности за нарушение прав и свобод человека и гражданина // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 118-120. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_118.

For citation: Krepyshhev A.M., Ishmukhametov A.Kh. International legal framework of responsibility for violation of human and civil rights and freedoms // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 118-120. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_118.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Политика большинства стран современного мира направлена на борьбу с дискриминацией в различных областях жизни общества. Национальное антидискриминационное законодательство, основывающееся на международно-правовых актах, постоянно совершенствуется.

Основу правового государства составляют права и свободы человека, а признание верховенства обуславливает понимание значимости их защиты и охраны. Статья 15 Конституции РФ определяет международно-правовые нормы и международные договоры как часть правовой системы России.

Защита прав личности, а особенно от дискриминации, связана с правотворческой деятельностью Организации Объединенных Наций. Именно Устав Организации Объединенных Наций является базой правового регулирования защиты прав человека от дискриминации, в соответствии с ним целью создания ООН является пропаганда уважения прав и свобод человека [1]. Следовательно, можно сказать, что установленная антидискриминационная цель создания Организации Объединенных Наций глобальной цели для мирового сообщества – созданию необходимых условий для благополучного развития стран, дружественных и мирных отношений между нациями.

Особенности защиты прав и свобод человека устанавливаются различными международными актами. Прежде всего, следует выделить Всеобщую декларацию прав человека 1948 года. Развивая общепризнанные принципы, установленные в Декларации, Россия приняла участие в подписании множества международных документов по правам человека.

Обратим внимание, что Всеобщая декларация прав человека была подписана после Второй мировой войны, что обусловлено желанием общества не допустить повторения военных событий. Государства-члены Организации Объединенных Наций на себе ощутили последствия нарушения прав и свобод человека, а принятие Декларации подтвердило намерения и возможность построения дружественных отношений между странами. Всеобщая декларация прав человека разрабатывалась представителями государств, принадлежащих к различным правовым системам, при этом были установлены единые ценности прав и свобод для всех народов мира. Принятые государствами-участниками принципы заложили основу для создания справедливого мира и позволили обеспечить достоинство и ценность каждого человека [10, с. 41].

Сложно сказать, что все предусмотренные Декларацией обещания реализованы в полной мере, однако то, что данный документ выдержал испытание временем подтверждает неизменную ценность провозглашенных в нем основ.

Всеобщая декларация прав человека провозглашает неотъемлемые права и свободы, принадлежащие каждому от рождения, а также такие ценности как справедливость, равенство и уважение человеческого достоинства. Все гражданские, экономические, политические, социальные, культурные и иные права гарантируются независимо от пола, расы, национальности, убеждений, имущественного и социального положения и других признаков.

Таким образом, можно сказать, что Всеобщая декларация прав человека является фундаментальным документом, заложившим основу для других международных актов по правам человека, а также стандартом для заключаемых международных договоров.

Если сравнить Всеобщую декларацию прав человека и Основной закон Российской Федерации, то можно констатировать факт того, что Конституция РФ пошла дальше положений Декларации и провозгласила высшей ценностью не права человека, а самого человека. По своему содержанию права и свободы, установленные Конституцией РФ, являются более насыщенными и полными, а некоторые права и вовсе не имеют аналогов в Декларации.

Требования Всеобщей декларации прав человека продублированы и в других актах. Например, Международный пакт о гражданских и политических правах отмечает, что в странах, где имеются языковые или религиозные меньшинства, не допустимо ограничение прав лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, в пользовании своей культурой, языком, исполнении обрядов и т.п. [2].

Основополагающим принципом, положенным в основные международно-правовые акты и направленным на охрану прав и свобод человека, является принцип запрета дискриминации. Принятая в 1950 году Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод устанавливает гарантии защиты граждан от дискриминации независимо от пола, расы, религии, цвета кожи, языка, политических убеждений, национального происхождения, имущественного положения, социального или иного статуса [3].

Некоторые конвенции предусматривают охрану отдельных категорий граждан, особо нуждающихся в защите, то есть запрет дискриминации провозглашается в отношении какой-либо группы субъектов. Например, в отношении детей – Конвенция ООН о правах ребенка, в отношении женщин – Конвенция ООН относительно запрета дискриминации женщин, в отношении национальных меньшинств – Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств.

Стоит отметить, что такие международно-правовые акты как резолюции в соответствии с Уставом ООН носят рекомендательный характер. Однако не все авторы согласны с этим, поскольку международное право является частью правовой системы большинства стран, то установленные резолюциями права и свободы также могут рассматриваться как обычные нормы, сложившиеся в результате практики и носящие обязательный характер [6, с. 34].

Основная часть государств, включая и те, которые не являются членами Организации Объединенных Наций, признают в качестве основной задачи необходимость охраны и защиты прав и свобод человека, обязуются внедрить в свое законодательство принцип запрета дискриминации и неуклонно его соблюдать.

Если рассмотреть понятие «дискриминации», то наиболее полно оно раскрыто в международно-правовых актах. Конвенция Международной организации труда № 111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий» под дискриминацией понимает нарушение равенства возможностей в области труда и занятий основанное на различиях по признаку пола, расы, цвета кожи, социального происхождения, национальной принадлежности [4].

Всеобщая декларация прав человека в общих чертах лишь определяет, что каждый человек должен обладать правами и свободами без каких-либо различий.

Дискриминация как любой социальный феномен обусловлена своими причинами, которые условно можно разделить на два блока:

1. Субъективные причины, то есть причины, которые связаны с конкретной личностью.

Субъективные причины обуславливаются психологическими, эмоциональными, материальными, нравственными и моральными характеристиками носителя дискриминации и могут быть выражены различным образом. В отношении граждан такой причиной может послужить отсутствие опыта борьбы за свои права. В Российской Федерации можно отметить весьма невысокий уровень правовой грамотности населения, что обуславливает пассивное поведение в вопросе защиты своих прав.

В действительности совершение факта дискриминации доказать практически невозможно, что также подтверждается представителями власти и правоохранительными органами. Сложности доказывания нарушения прав и свобод человека привели к тому, что на такие нарушения перестали обращать внимание. Так, юристы в области трудового права отмечают, что иски о дискриминации либо не принимаются судьями, либо в случае их принятия доказывание факта дискриминации весьма затруднительно, что влечет за собой отказ в удовлетворении исковых требований [8, с. 56].

2. Объективные причины дискриминации, то есть различные политико-правовые факторы, которые не имеют отношения к конкретной личности.

Объективные причины могут быть связаны с военно-политической обстановкой в мире, происходящими разногласиями и конфликтами между странами, которые влекут за собой последствия дискриминационного характера. К ним можно отнести, например, наличие в законодательстве правовых пробелов и коллизий, низкий уровень развития государства, не достаточно эффективную деятельность органов государственной власти, несвоевременное реагирование или игнорирование уполномоченными органами случаев нарушения прав и свобод граждан [7, с. 33].

Основа всех причин нарушения прав и свобод человека заключается в правовой деятельности государства. Принимаемые норматив-

ные акты, затрагивающие различные общественные отношения оказывают непосредственное влияние на развитие страны и взаимоотношений внутри государства. Случаи дискриминации обуславливаются существованием дисбаланса между тем какие отношения регулирует право и какие необходимо регулировать. Особая роль должна отводиться и иным политическим нормам (посланиям глав государств, политическим заявлениям), благодаря которым и поддерживается целостность устойчивой политической системы всего мира [9, с. 535].

Важную роль в охране и защите прав и свобод человека и гражданина, контроле за реализацией государствами Европейской конвенции по правам человека играет Европейский суд по правам человека. Правовые позиции Европейского суда обязательно должны учитываться государствами-участниками Конвенции для обеспечения эффективной защиты прав и свобод человека.

Таким образом, нарушение и ущемление прав и свобод человека представляют собой реальную угрозу для современного общества. Политика большинства стран современного мира направлена на борьбу с дискриминацией в различных областях жизни общества. Национальное антидискриминационное законодательство базируется на международно-правовых актах, к основным из которых можно отнести Всеобщую декларацию прав человека 1948 года, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года, а также иные конвенции предусматривающие охрану прав отдельных категорий граждан, особо нуждающихся в защите.

Важную роль в охране и защите прав и свобод человека и гражданина, контроле за реализацией государствами Европейской конвенции по правам человека играет Европейский суд по правам человека. Национальные суды при решении вопросов, затрагивающих права и свободы человека, должны руководствоваться аналогичными решениями Европейского суда.

Итак, права и свободы человека и гражданина представляют собой один из важнейших институтов современного права, который направлен на создание достойных условий жизнедеятельности, а также безопасности всех членов общества. Необходимо помнить, что «самым уязвимым звеном в любой системе обеспечения безопасности является человек» [5, с. 22]. Декларирование в Основном законе основных прав и свобод еще не обеспечивает гарантии их соблюдения, это лишь свидетельствует об уровне цивилизованности государства и развитости его демократических институтов. Для реализации положений Конституции необходимо создание соответствующих механизмов и условий, направленных на их исполнение, включая правовое закрепление в других нормативно-правовых актах. Права и свободы человека и гражданина должны учитываться и охраняться всеми отраслями права, включая и уголовное. Установленные международным правом принципы защиты прав и свобод человека составляют содержательную часть уголовного законодательства.

В настоящее время нередко нарушение прав и свобод граждан происходит по причинам, связанным с принадлежностью к определенному полу, национальности, каким-либо социальным группам и т.п. Ответственность за дискриминацию или же нарушение прав и свобод человека по признаку пола, расы, национальности, происхождения, языка, имущественного положения, отношения к религии, принадлежности к каким-либо социальным группам предусматривается статьей 136 Уголовного кодекса РФ.

Зарубежный опыт правового регулирования запрета дискриминации несколько отличается от российского в лучшую сторону. Вероятно, целесообразным была бы разработка специального российского закона, регулирующего вопросы дискриминации.

Список литературы:

1. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (дата обращения: 25.01.2025).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 26.01.2025).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (дата обращения: 26.01.2025).
4. Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» от 25 июня 1958 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120760/ (дата обращения: 26.01.2025).
5. Бойко Н.Н., Нугуманов А.Р. Роль и место государства в развитии общества и личности // *Аграрное и земельное право*. 2011. № 10(202). С. 21-23.
6. Бутко А.В. Международный опыт предотвращения «преступлений ненависти» и его адаптация в России // *Международное публичное и частное право*. 2015. № 6. С. 33-36.
7. Деменева Н.А. Дискриминация: понятие и сущность // *News of Science and Education*. 2017. Т. 11. № 1. С. 33-38.
8. Мануева Ю.А. Дискриминация в сфере трудовых отношений // *Современные проблемы права, экономики и управления*. 2016. № 1. С. 55-62.
9. Усманова Р.М. Роль политических норм в публичном регулировании общественных отношений // *Право и политика*. 2012. № 3. С. 535-540.
10. Хозикова Е.С. Особенности ограничения прав и свобод человека и гражданина в законодательстве зарубежных стран // *Закон и право*. 2019. № 6. С. 40-43.

References:

1. The Charter of the United Nations of June 26, 1945 [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/> (date of appeal: 01/25/2025).
2. International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966 [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pact-pol.shtml (date of access: 01/26/2025).
3. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/2540800/> (date of conversion: 26.01.2025).
4. Convention No. 111 of the International Labour Organization "Concerning discrimination in employment and Occupation" dated June 25, 1958 [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120760/ (date of reference: 01/26/2025).
5. Boyko N.N., Nugumanov A.R. The role and place of the state in the development of society and personality // *Agrarian and land law*. 2011. No. 10(202). pp. 21-23.
6. Butko A.V. International experience in preventing "hate crimes" and its adaptation in Russia // *International public and private law*. 2015. No. 6. pp. 33-36.
7. Demeneva N.A. Discrimination: concept and essence // *News of Science and Education*. 2017. Vol. 11. No. 1. pp. 33-38.
8. Manueva Yu.A. Discrimination in labor relations // *Modern problems of law, economics and management*. 2016. No. 1. pp. 55-62.
9. Usmanova R.M. The role of political norms in the public regulation of public relations // *Law and Politics*. 2012. No. 3. pp. 535-540.
10. Khozikova E.S. Features of restrictions on human and civil rights and freedoms in the legislation of foreign countries // *Law and Law*. 2019. No. 6. pp. 40-43.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ УЧАСТИЯ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОКУРАТУР В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ В ЦЕЛЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ЗАЩИТЫ ИХ ИНТЕРЕСОВ CURRENT ISSUES OF THE PRACTICE OF PARTICIPATION OF TRANSPORT PROSECUTOR'S OFFICES IN THE CONSIDERATION OF CASES BY THE COURTS IN ORDER TO REPRESENT AND PROTECT THEIR INTERESTS

МИРОШНИЧЕНКО Мария Николаевна,

старший помощник Московского межрегионального транспортного прокурора
по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе, кандидат юридических наук.
620000, Россия, г. Екатеринбург.

E-mail: mips81@mail.ru;

MIROSHNICHENKO Maria Nikolaevna,

Senior Assistant to the Moscow Interregional Transport Prosecutor
for Ensuring the participation of Prosecutors in civil and arbitration proceedings, PhD in Law.
Yekaterinburg, Russia, 620000.

E-mail: mips81@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы правоприменительной практики по делам, по которым транспортными прокуратурами осуществляется представительство и защита интересов органов прокуратуры в судах. Приводятся примеры рассмотрения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел в данной сфере. Освещаются проблемы правоприменения.

Abstract. The article discusses the issues of law enforcement practice in cases in which the transport prosecutor's offices represent and protect the interests of the prosecutor's office in the courts. The examples of consideration by courts of general jurisdiction and arbitration courts of cases in this area are given. The problems of law enforcement are highlighted.

Ключевые слова: транспортные прокуратуры, представительство и защита интересов прокуратуры, суд, акты прокурорского реагирования, действия (бездействие), компенсация морального вреда.

Keywords: transport prosecutor's offices, representation and protection of the interests of the prosecutor's office, court, acts of public reaction, actions (inaction), compensation for moral damage.

Для цитирования: Мирошниченко М.Н. Актуальные вопросы практики участия транспортных прокуратур в рассмотрении судами дел в целях представительства и защиты их интересов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 121-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_121.

For citation: Miroshnichenko M.N. Current issues of the practice of participation of transport prosecutor's offices in the consideration of cases by the courts in order to represent and protect their interests // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 121-124. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_121.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Деятельность транспортных прокуратур по участию в рассмотрении споров, в которых органы прокуратуры выступают в качестве стороны спорного правоотношения, заинтересованного или третьего лица регламентируется приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 18.03.2018 № 144 «Об организации работы по обеспечению представительства и защите интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах», в соответствии с которым основными задачами в данной сфере является обеспечение своевременное и квалифицированное представительства в указанных спорах.

Как показывает практика, органами прокуратуры активно ведется работа в целях представительства и защиты их интересов в судах, немалая часть дел этой категории рассматривается с участием транспортных прокуратур.

К примеру, Московской межрегиональной транспортной прокуратурой в 2024 году принято участие в рассмотрении 73 дел в целях представительства и защиты интересов органов прокуратуры в судах, что на 87% больше, чем в 2023 году (39).

Указанная динамика обусловлена продолжающимся процессом формирования судебной практики по данной категории дел после внесения изменений в законодательство, регулирующего порядок проведения прокурорских проверок, а также более активной позицией участников экономических правоотношений в части отстаивания своих прав при проведении органами прокуратуры надзорных мероприятий, вынесении в отношении них актов прокурорского реагирования.

Значительное количество дел в указанной сфере рассмотрено судами общей юрисдикции в порядке гражданского и административного судопроизводства.

Большую часть дел, рассмотренных с участием представителей межрегиональной транспортной прокуратуры в порядке гражданского судопроизводства, составляют споры о компенсации морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием.

К примеру, Тверским районным судом г. Москвы рассмотрено исковое заявление А. к Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда в связи с незаконным уголовным преследованием в размере 2 млн. рублей. Из материалов дела следует, что 30.08.2018 А. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, которая 19.08.2019 ему заменена на запрет определенных действий до 20.11.2019. Постановлением следственного органа 11.12.2020 уголовное преследование в отношении А. по части 4 статьи 159 УК РФ прекращено в связи с его непричастностью к совершению преступления, отменена мера пресечения и за ним признано право на реабилитацию. Решением

суда от 27.04.2023 требования истца удовлетворены частично, с Российской Федерации в лице Министерства финансов Российской Федерации за счет средств казны Российской Федерации в пользу А. взыскана компенсация морального вреда в размере 1,4 млн. рублей.

В силу совместного приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства финансов Российской Федерации (далее – Минфин России) от 20.01.2009 № 12/3н «О взаимодействии органов прокуратуры и Министерства финансов Российской Федерации при поступлении сведений об обращении в суд гражданина с иском (заявлением) о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования» (далее – приказ от 20.01.2009 № 12/3н) участие прокурора в делах обозначенной категории является обязательным при привлечении прокуратуры к участию и поступлении из суда информации о рассмотрении дела.

Вступая в такое дело, прокурор излагает свою позицию по существу заявленных требований в мотивированном отзыве (возражении), в том числе в части размера подлежащей взысканию с казны Российской Федерации в лице Минфина России суммы в качестве компенсации морального вреда. При формировании правовой позиции по делу должны учитываться следующие обстоятельства.

В силу статей 151, 1064, 1069, 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) для удовлетворения требований истца о компенсации морального вреда необходимо наличие всех оснований, предусмотренных для наступления деликтной ответственности: наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда; причинная связь между ними и вина причинителя вреда, поскольку законом в этом случае не предусмотрено иных специальных условий ответственности. Отсутствие одного из перечисленных условий является основанием для отказа в удовлетворении иска. При этом в силу статьи 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) бремя доказывания того, что вред причинен ответчиком, а также наличие причинной связи между возникшим вредом и действиями (бездействием) причинителя вреда, лежит на истце, а бремя доказывания отсутствия вины в причинении вреда лежит на лице, причинившем вред.

В отличие от общих правил в статьях 1070, 1100 ГК РФ презюмируется причинение морального вреда в случае незаконного привлечения к уголовной ответственности, между тем статьей 56 ГПК РФ и статьей 151, 1101 ГК РФ на истца возложена обязанность доказать обстоятельства, влияющие на размер компенсации морального вреда.

При этом необходимо принимать во внимание и разъяснения, изложенные в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». В этом постановлении Верховный Суд Российской Федерации подробно разъяснил ряд вопросов определения способа и размера компенсации морального вреда (в том числе выделив отдельные случаи компенсации морального вреда), а в пункте 27 указал, что тяжесть причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом заслуживающих внимания фактических обстоятельств дела, к которым могут быть отнесены любые обстоятельства, влияющие на степень и характер таких страданий. При определении размера компенсации морального вреда суды ориентированы принимать во внимание существо и значимость тех прав и нематериальных благ потерпевшего, которым причинен вред, характер и степень умаления таких прав и благ, которые подлежат оценке с учетом способа причинения вреда; последствия причинения потерпевшему страданий и другое.

При этом компенсация морального вреда, которая предусмотрена законом, должна отвечать таким признакам справедливого вознаграждения лица за понесенные страдания, чтобы с одной стороны обеспечивать максимальное возмещение причиненного морального вреда, а с другой – не допускать неосновательного обогащения потерпевшего (определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2015 по делу № 36-КГ15-11).

При этом в последние годы весьма заметна практика на увеличение взыскиваемых судами сумм. При определении размера компенсации вреда суды ориентируются на критерии, изложенные Верховным Судом Российской Федерации в определении от 14.08.2018 № 78-КГ18-38. В связи с этим наблюдается тенденция к пересмотру судами апелляционной инстанции размера взыскиваемых сумм в сторону их увеличения¹.

В порядке административного судопроизводства с участием межрегиональной транспортной прокуратуры рассматривались дела об оспаривании актов прокурорского реагирования, а также об оспаривании действий органов прокуратуры и их должностных лиц в связи с рассмотрением обращений граждан.

Так, Балашихинским городским судом Московской области рассмотрен административный иск П. к заместителю Орловского транспортного прокурора, Орловскому транспортному прокурору, Московской межрегиональной транспортной прокуратуре о признании незаконным действий должностных лиц в связи с необоснованным и немотивированным ответом и.о. Орловского транспортного прокурора на жалобу ее адвоката, возложении обязанности на Московского межрегионального транспортного прокурора повторно рассмотреть жалобу ее адвоката. Из материалов дела следует, что в производстве следственного отдела по Железнодорожному району города Орла СУ СК России по Орловской области находилось уголовное дело в отношении П. По результатам изучения материалов уголовного дела установлено, что по окончании его расследования в порядке статьи 217 УПК РФ по поручению истца его адвокатом в адрес Орловского транспортного прокурора направлена жалоба об умышленных нарушениях требований уголовно-процессуального законодательства должностными лицами следственного органа, а также о направлении уголовного дела для производства дополнительного расследования. По итогам рассмотрения жалобы в порядке статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и.о. Орловского транспортного прокурора 07.04.2023 вынесено постановление об отказе в её удовлетворении. Также указано на то, что в Орловской транспортной прокуратуре ранее рассматривались жалобы П. на незаконные действия сотрудников ЛО МВД России на станции Орел и СО по Железнодорожному району СУ СК России по Орловской области, по которым давались мо-

¹ Обзор практики предъявления и рассмотрения судами исков о возмещении вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием (направлен письмом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 28.08.2019 № 8-12-2019).

тивированные ответы. Указанные документы направлены адвокату истца. В ходе рассмотрения дела суд пришел к выводу, что лицо было несогласно с постановлением прокурора, вынесенным в порядке статьи 124 УПК РФ. При этом, обращаясь в суд, истец фактически оспаривал действия названных должностных лиц по рассмотрению обращений, нарушение порядка их рассмотрения, в связи с чем обращение П. подлежало рассмотрению в порядке административного судопроизводства. Вместе с тем уголовное дело уже было передано для рассмотрения в Железнодорожный городской суд г. Орла. Таким образом, доводы П., аналогичные доводам жалобы, могли быть заявлены в суде и подлежали оценке при рассмотрении уголовного дела судом. В удовлетворении требований П. решением суда от 10.08.2023 отказано.

Обеспечение качественного участия прокуроров в рассмотрении судами дел, в которых органы прокуратуры Российской Федерации являются стороной спорных правоотношений, заинтересованными или третьими лицами, напрямую связано с вопросом обеспечения надлежащего доказывания своей позиции прокурорами, участвующими в этих делах.

Общим правилом распределения обязанностей по доказыванию по административным делам является закрепленное в части 1 статьи 62 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) положение о том, что лица, участвующие в деле (это административный истец, административный ответчик (стороны), заинтересованные лица, прокурор, органы, организации и лица, обращающиеся в суд в защиту интересов других лиц) обязаны доказывать обстоятельства, на которые они ссылаются, как на основание своих требований или возражений.

Вместе с тем в части 2 статьи 62 КАС РФ предусмотрено исключение из этого общего правила, которое напрямую касается специфики доказывания по делам, в которых органы прокуратуры выступают в качестве ответчика.

В соответствии с указанной нормой обязанность доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, возлагается на соответствующий орган, организацию и должностное лицо (административного ответчика). Так, в 2022 году Московской межрегиональной транспортной прокуратурой принято участие в качестве ответчика в рассмотрении Ленинским районным судом г. Тамбова административного искового заявления В. к Мичуринскому транспортному прокурору, заместителю Мичуринского транспортного прокурора, Мичуринской транспортной прокуратуре, Московской межрегиональной транспортной прокуратуре о признании незаконным ответа на обращение.

Из материалов дела следует, что В. 22.10.2021 обратился в прокуратуру с заявлением, в котором просил сообщить основания представления следователем Мичуринского следственного отдела на транспорте Межрегионального следственного управления на транспорте СК России сведений об изъятии компакт дисков с программным обеспечением представителю корпорации «Adobe Systems Incorporated». В ходе проверки по обращению нарушения норм уголовно-процессуального законодательства со стороны следователя не выявлены. Обращение рассмотрено в установленный срок, заявителю направлен ответ.

Не согласившись с ответом прокуратуры, В. обратился с административным исковым заявлением в суд, просил признать ответ на обращение незаконным, обязав Мичуринского транспортного прокурора восстановить его нарушенные права путем предоставления ответа, содержащего нормы, согласно которым следователь имеет право распространять ложные сведения, либо указание на то, что такой нормы не существует.

В ходе рассмотрения дела участвующим в его рассмотрении представителем прокуратуры представлены суду доказательства, обосновывающие доводы прокуратуры о законности действий работников Мичуринской транспортной прокуратуры при рассмотрении обращения В. (подтверждения того, что обращение рассмотрено в установленном законом порядке и сроки, уполномоченным лицом, по доводам обращения принят мотивированный ответ, разъяснен порядок обжалования принятого по обращению решения).

Решением суда от 24.01.2022 в удовлетворении административного иска В. отказано. Вынося указанное решение, суд согласился с прокурором о законности действий работников прокуратуры. При этом в решении суд также указал, что суд не вправе обязать прокурора принять по итогам проверки то или иное конкретное решение, которое по мнению административного истца представляется правильным. Несогласие заявителя с содержанием оспариваемого ответа на обращение не свидетельствует о незаконности порядка рассмотрения обращения.

Практика показывает, что действия (бездействие) органов прокуратуры при рассмотрении обращений граждан нередко становятся предметом судебного контроля. В большинстве таких случаев заявители не согласны с порядком рассмотрения их обращений, а также недовольны результатами проведенных проверок и полученными ответами.

При рассмотрении дел указанной категории судами дается оценка соблюдению органами прокуратуры требований Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ) и организационно-распорядительных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, регламентирующих соответствующие вопросы.

Основанием для признания незаконными действий органов прокуратуры в этой сфере могут являться такие ошибки прокуроров при рассмотрении обращений, как несоблюдение специальной процедуры рассмотрения обращений (к примеру, предусмотренной Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях или Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации), сроков и порядка рассмотрения обращений, требований законодательства об отправке ответов и уведомлений электронной почтой; необеспечение полного, объективного и всестороннего рассмотрения обращений по существу поставленных в них вопросов.

Имеется определенная практика оспаривания в судах актов прокурорского реагирования¹. При этом большая их часть рассмотрена в порядке арбитражного судопроизводства.

¹ См. также: Бывальцева С.Г., Байрамов Б.Б. Прокурорская проверка: правовой и практические аспекты // Законность. 2021. № 9; Авагимова Ю.А. Понятие акта прокурорского реагирования через его сущность // Уголовное право и процесс. 2017. № 2; Ергашев Е.Р. Корешникова Н.Р. Основные правовые средства прокуратуры Российской Федерации как инструмент обеспечения исполнения закона. – Екатеринбург, 2010.

К примеру, в арбитражный суд Белгородской области обратилось ООО «НОВАПОРТ Трейдинг» с заявлением о признании недействительным представления Белгородского транспортного прокурора (дело № А08-11898/2021). По мнению заявителей, оспариваемое постановление вынесено с нарушением законодательства, без проведения проверки и извещения общества о решении о ее проведении, сроках, предмете и пределах проверки, представлением на общество незаконно возложен ряд обязанностей.

В ходе рассмотрения дела установлено, что между ООО «НОВАПОРТ Трейдинг» (исполнитель) и ООО «МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЭРОПОРТ БЕЛГОРОД» (заказчик) заключен договор, в соответствии с которым исполнитель был обязан оказать услуги по проведению дополнительной оценки уязвимости объекта транспортной инфраструктуры (международного аэропорта Белгород) и внести изменения в план обеспечения транспортной безопасности. Результатом оказанных услуг по указанному договору являлось получение заказчиком комплекса документов. Белгородским транспортным прокурором на основании решения о проведении проверки в отношении ООО «МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЭРОПОРТ БЕЛГОРОД» проведена проверка. В ходе неё выявлено, что ООО «НОВАПОРТ Трейдинг» не исполнил надлежащим образом свои обязанности по указанному договору. В связи с этим в адрес руководителя ООО «НОВАПОРТ Трейдинг» внесено представление. В удовлетворении требования общества судом 02.08.2022 было отказано. При этом суд указал, что в силу положений пункта 2 статьи 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» надзор за исполнением законов осуществляется на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором. Решение о проведении проверки принимает прокурор или его заместитель на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения проверки (пункты 2, 3 статьи 21 Закона).

Суд пришел к выводу, что с учетом целей и предмета прокурорского надзора при реализации своих полномочий прокурор вправе устанавливать обстоятельства о наличии нарушения закона без проведения проверки, в том числе из открытых источников, что является основанием для принятия мер прокурорского реагирования. Учитывая, что указанные в оспариваемом представлении сведения о нарушении заявителем законодательства получены прокурором из иных источников, без взаимодействия с заявителем, проведение проверки в отношении ООО «НОВАПОРТ Трейдинг» и доведение до него решения о проверке не требовалось. В связи с этим оспариваемое представление вынесено прокуратурой в пределах полномочий, предоставленных ей действующим законодательством, и не противоречит Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». Решение суда по данному делу 24.10.2022 оставлено без изменения судом апелляционной инстанции.

Приведенная практика правоприменения реализации полномочий органов прокуратуры в судах по делам рассматриваемой категории достаточно разнообразна и полагаем, что она должна учитываться прокурорами, участвующими в указанных спорах в целях обеспечения качественной защиты интересов органов прокуратуры.

Список литературы:

1. Авагимова Ю.А. Понятие акта прокурорского реагирования через его сущность // Уголовное право и процесс. 2017. № 2;
2. Бывальцева С.Г., Байрамов Б.Б. Прокурорская проверка: правовой и практические аспекты // Законность. 2021. № 9;
3. Ергашев Е.Р., Корешникова Н.Р. Основные правовые средства прокуратуры Российской Федерации как инструмент обеспечения исполнения закона. – Екатеринбург, 2010.

References:

1. Avagimova Yu.A. The concept of the act of prosecutorial response through its essence // Criminal law and process. 2017. № 2;
2. Byvaltseva S.G., Bayramov B.B. Prosecutor's inspection: legal and practical aspects // Legality. 2021. № 9;
3. Ergashev E.R., Koreschnikova N.R. The main legal means of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a tool to ensure the enforcement of the law. – Yekaterinburg, 2010.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ON THE ISSUE OF COOPERATION BETWEEN THE PROSECUTOR'S OFFICE WITH PUBLIC AUTHORITIES AND INSTITUTIONS CIVIL SOCIETY IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION

ОЧИР-ГАРЯЕВА Ирина Калиновна,

кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, 11.
E-mail: kalinovna7@yandex.ru;

МУЧАЕВА Дарима Геннадьевна,

ассистент ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, 11.
E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

АКСЕНОВА Баина Ильинична,

магистрант направления «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, 11.
E-mail: baina.aks@mail.ru;

САРАНГАЕВА Галина Александровна,

студентка направления «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова».
358000, Россия, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, 11.
E-mail: gsarangaeva@list.ru;

OCHIR-GARYAEVA Irina Kalinovna,

Candidate of Law, Associate Professor
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University. 11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: kalinovna7@yandex.ru ;

MUCHAEVA Darima G.,

Assistant Professor, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
358000, Russia, Republic of Kalmykia, Elista, A.S. Pushkin St., 11.
E-mail: darima.muchaeva@bk.ru;

AKSYONOVA Baina Ilyinichna,

Master's student in the field of Law B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, Republic of Kalmykia, 358000, Russia.
E-mail: baina.aks@mail.ru;

SARANGAEVA Galina Alexandrovna,

student of the field of Law B.B. Gorodovikov Kalmyk State University.
11 A.S. Pushkin str., Elista, 358000, Russia, Republic of Kalmykia.
E-mail: gsarangaeva@list.ru

Краткая аннотация: Государство отводит особую роль институтам гражданского общества в сфере противодействия коррупции. При этом многие исследователи отмечают недостаточную вовлеченность гражданского общества во взаимодействие в антикоррупционной сфере с государством в целом и органами прокуратуры в частности.

Abstract: The state assigns a special role to civil society institutions in the sphere of combating corruption. At the same time, many researchers note the insufficient involvement of civil society in interaction in the anti-corruption sphere with the state in general and the prosecutor's office in particular.

Ключевые слова: коррупция, правоохранительные органы, правоприменительная практика, координационная деятельность, преступность, прокуратура.

Key words: corruption, law enforcement agencies, law enforcement practice, coordination activities, crime, prosecutor's office.

Для цитирования: Очир-Гаряева И.К., Мучаева Д.Г., Аксенова Б.И., Сарангаева Г.А. К вопросу о взаимодействии органов прокуратуры с органами государственной власти и институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 125-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_125.

For citation: Ochir-Garyaeva I.K., Muchaeva D.G., Aksonova B.I., Sarangaeva G.A. On the issue of cooperation between the Prosecutor's Office with public authorities and institutions civil society in the field of anti-corruption // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 125-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_125.

Статья поступила в редакцию: 02.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Российская прокуратура по отношению к другим правоохранительным органам Российской Федерации в деле борьбы с коррупцией обеспечена координационными полномочиями¹. Координация деятельности правоохранительных органов позволяет устранить разноречивую и параллелизм в их работе, создать единый фронт борьбы с любыми правонарушениями, найти правильное сочетание методов воспитания и убеждения.

¹ О Счетной палате Российской Федерации: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41–ФЗ // СПС КонсультантПлюс.– 2018.

дения со средствами принуждения и наказания. Эта цель предполагает решение следующих задач¹:

1. Объединение усилий правоохранительных структур по своевременному выявлению и пресечению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;
2. Устранение дублирования и параллелизма в работе правоохранительных органов; местнического и ведомственного подхода к решению возникающих вопросов;
3. Выработка единообразного подхода к применению законов и других нормативных правовых актов, регулирующих сферу борьбы с преступностью;
4. Формирование стабильной правоприменительной практики. Осуществление координации происходит, в том числе путем, проведения заседания межведомственной рабочей группы по противодействию коррупции. Вместе с тем, правоохранительные структуры руководствуются следующими основополагающими принципами, выработанными в их координационной деятельности²:
 - 1) Законность в координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;
 - 2) Независимость и равенство субъектов координационной деятельности;
 - 3) Процессуальная самостоятельность правоохранительных органов при выявлении согласованных решений и мероприятий;
 - 4) Обеспечение качества и оперативности правоохранительными органами по борьбе с преступностью;
 - 5) Обеспечение планомерности, целеустремленности и эффективности в осуществлении кардинальных мер по борьбе с преступностью;
 - 6) Осуществление гласности в координационной деятельности;
 - 7) Ответственность руководителя правоохранительного органа за выполнение согласованных решений координационного совещания.

Наряду с Генеральной прокуратурой деятельность федеральных органов, осуществляющих уголовное преследование, координирует также Правительство Российской Федерации. Различия заключаются в том, что Генеральная Прокуратура координирует их деятельность по борьбе с преступностью, а Правительство РФ в полном объеме, поскольку прокуратура не относится к системе органов исполнительной власти, функцию координации, по мнению некоторых ученых, на нее возлагать не следует. В частности отмечается, что прокуратура, как и суд, не является органом борьбы с преступностью. Но значение прокуратуры – укреплять и охранять законность, что не тождественно задаче борьбы с преступностью. Кроме того, на практике предмет координации зачастую толкуется расширительно и включает в себя и подготовку к выборам, и взаимодействие с контролирующими органами. Наделение прокуроров координационными полномочиями обусловлено именно особым статусом прокуратуры, занимающим по своему функциональному назначению особое место в системе правоохранительных структур.

Прокуроры располагают обширной и объективной информацией о состоянии законности и правопорядка в стране, включая данные о совершенных преступлениях, их раскрываемости и качестве расследований, причинах и условиях, способствующих их совершению, а также о результатах рассмотрения уголовных дел в судах.

Прокуратура, осуществляя надзор за исполнением законов, имеет возможность выявлять недостатки в деятельности органов, проводящих оперативно – розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, принимать меры, направленные на их устранение. Именно поэтому, по мнению ученых, прокуратура, играя роль связующего звена между органами государственной власти, объективно оказалась наиболее подходящей государственно – правовой структурой для организации координационной деятельности по борьбе с преступностью³.

Также выделяются следующие общие виды взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами прокуратуры:

1. направление запросов для получения необходимой достоверной информации;
2. направление материалов о готовящихся или совершенных преступлениях и правонарушениях в федеральном органе исполнительной власти в органы прокуратуры для принятия решения по существу;
3. оказание содействия органам прокуратуры в проведении общенадзорных мероприятий и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов⁴.

Эффективному противодействию коррупции также способствует налаженное системное взаимодействие не только органов власти всех уровней (федеральной, региональной и местной) и его специализированных институтов, но и структур гражданского общества, общественных организаций, самих граждан и их согласованность. Именно структуры гражданского общества, являясь «проводником» между государством и населением, призваны оспаривать или подвергать сомнению способы решения государственным управлением проблем в противодействии коррупции, а также выдвигать альтернативные меры, способствующие повышению их действенности⁵.

Важной составляющей такой работы является получение относительно объективной информации о реальных тенденциях коррупционной преступности, анализ причин ее высокого уровня, эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией.

¹ Гордиенко, В.В. Участие прокуратуры в противодействии коррупции /В.В.Гордиенко, Д.К. Нечевин, М.М.Поляков, В.А. Михайлов //Публичное и частное право. – 2012. – № 2. – С. 29–39.

² О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567//СПС КонсультантПлюс.– 2018.

³ Кобзарев, Ф. М. Об особенностях и проблемах организации координационной деятельности прокуратуры по борьбе с коррупцией // Вестник академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации.–2010. – №17. – С. 21–26.

⁴ Козлов, Т.Л. Организационно-правовые основы деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции /Т. Л. Козлов// Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. –2012. – №1 (27). – С. 44–49.

⁵ Роговая, А.В. Вопросы реализации концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции/ А.В. Роговая // Мониторинг правоприменения.– 2013. –№ 4. –С. 21–28.

Переходя к вопросу взаимодействия с гражданским обществом специалисты справедливо отмечают, что органы государственной власти чаще всего по собственной инициативе принимают меры к привлечению институтов гражданского общества к решению социально значимых проблем¹. Исходя из системных представлений, представить себе три варианта взаимодействия органов Прокуратуры и гражданского общества: сотрудничество, отсутствие сотрудничества (игнорирование) и конфронтация.

При этом сотрудничество может быть как партнерским, подразумевающим равенство сторон и взаимодействию, построенном на доминировании, вплоть до полного подчинения одной из сторон. В реальных современных условиях такой доминирующей стороной может быть только государство. Специфика работы органов прокуратуры, функции которой заключаются в поддержке государственного обвинения в суде и в реализации функции общего надзора, прежде всего, по отношению к другим правоохранительным органам, приводит к тому, что общественные организации лишь в редких случаях могут быть ей полезны.

Как указывает Гордиенко В.В.² в большинстве же случаев они либо просто действуют в иной плоскости, либо конкурируют с прокуратурой при реализации функции общественного контроля, часто ставя под сомнение правомерность ее действий (или бездействия). Между тем, можно выделить несколько областей, в которых уже сложились устойчивые формы сотрудничества в сфере противодействия коррупции. Первой является форма взаимоотношений, при которой достаточно легко складывается взаимодействие Общественных организаций и прокуратуры в рамках правового просвещения и гражданского образования населения. Второй перспективной областью взаимодействия является антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов).

В соответствии с федеральным законом «Об антикоррупционной экспертизе», полномочия по проведению данной экспертизы предоставлены в частности прокуратуре Российской Федерации и институтам гражданского общества и гражданам. Заключение по результатам независимой антикоррупционной экспертизы носят рекомендательный характер и подлежат обязательному рассмотрению органом, организацией или должностным лицом, которым оно направлено, в тридцатидневный срок со дня его получения.

По результатам рассмотрения гражданину или организации, проводившим независимую экспертизу, направляется мотивированный ответ, за исключением случаев, когда в заключении отсутствует предложение о способе устранения выявленных коррупциогенных факторов.

Руководством страны неоднократно отмечалось, что борьба с коррупцией является одним из направлений государственной политики в сфере поддержания и укрепления национальной безопасности Российской Федерации, без реализации которого невозможно обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойной жизни и свободного развития личности. Вместе с тем, несмотря на закрепленные в различных актах федерального и регионального законодательства широкие возможности участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции (ч. 7 ст. 3 федерального закона «О противодействии коррупции») и ежегодное увеличение количества негосударственных организаций, создаваемых в различных организационно-правовых формах, консолидации усилий со стороны институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции не произошло. Недостаточное участие представителей институтов гражданского общества в деятельности прокуратуры может быть объяснено посредством таких факторов:

- права институтов гражданского общества на принятие участия в борьбе с коррупцией не обеспечиваются установленными рациональными методами их осуществления, вследствие чего скрываются и замалчиваются случаи коррупционных действий;
- не имеется аналитической информации об итогах специализированных научных изысканий у различных должностных субъектов об уровне вовлечения институтов гражданского общества в работу³;
- научное обеспечение и сопровождение федеральной и региональной антикоррупционной политики существенно отстает от практического опыта, связанного с реализацией этой политики⁴;
- институты гражданского общества в большинстве своем пассивны и не имеют интереса в осуществлении подобной работы.

Основная масса негосударственных организаций реагирует на коррупционные проявления только в тех случаях, когда непосредственно затрагиваются их интересы. Отдельные негосударственные организации, призванные своей деятельностью затруднить совершение коррупционных правонарушений, сами используют коррупционную практику⁵.

Исходя из изложенного, предложим следующие меры, способствующие исправлению ситуации в области сотрудничества институтов гражданского общества:

- требуется осуществление регулярного антикоррупционного мониторинга степени вовлеченности институтов гражданского общества в деятельность специализированных антикоррупционных органов;
- институты гражданского общества должны максимально пользоваться своими ресурсами и полномочиями в области борьбы с коррупцией.

Таким образом, можно отметить, что государство отводит особую роль институтам гражданского общества в сфере противодействия коррупции. При этом многие исследователи отмечают недостаточную вовлеченность гражданского общества во взаимодействие в антикоррупци-

¹ Там же.

² Гордиенко, В.В. Участие прокуратуры в противодействии коррупции / В.В. Гордиенко, Д.К. Нечевин, М.М. Поляков, В.А. Михайлов // Публичное и частное право. – 2012. – № 2. – С. 29–39.

³ Роговая, А.В. Вопросы реализации концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции / А.В. Роговая // Мониторинг правоприменения. – 2013. – № 4. – С. 21–28.

⁴ Коробейников, Б. В. Нерешенные вопросы противодействия органов прокуратуры коррупции / Б. В. Коробейников // Публичное и частное право. – 2014. – № 3. – С. 106–112.

⁵ Харатьян, М.В. Прокуратура как субъект механизма противодействия коррупции в Российской Федерации / М.В. Харатьян // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 1 (5). – С. 205–213.

онной сфере с государством в целом и органами прокуратуры в частности.

Существует мнение, что возможности институтов гражданского общества в осуществлении широкомасштабной борьбы с коррупционными проявлениями ограничены пробелами законодательства, недостаточным взаимодействием с региональными властями¹. Сотрудничество органов прокуратуры и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции может быть основано на совместной разработке методических рекомендаций, способствующих осуществлению законодательных актов.

Опыт других стран подтверждена необходимость уменьшения коррупционных проявлений посредством внедрения всестороннего прогресса во всех сферах государственной и общественной жизни. При осуществлении антикоррупционной деятельности нужно принимать во внимание различные факторы: экономическую ситуацию в государстве и незначительный уровень социального правового сознания. Посредством подобного подхода можно комплексно воздействовать на коррупционные проблемы, осуществляя согласование методов деятельности всех уровней власти.

Библиография:

1. Гордиенко, В.В. Участие прокуратуры в противодействии коррупции / В.В. Гордиенко, Д.К. Нечевин, М.М. Поляков, В.А. Михайлов // Публичное и частное право. – 2012. – № 2. – С. 29–39.
2. Кобзарев, Ф. М. Об особенностях и проблемах организации координационной деятельности прокуратуры по борьбе с коррупцией // Вестник академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – № 17. – С. 21–26.
3. Козлов, Т.Л. Организационно-правовые основы деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции / Т. Л. Козлов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 1 (27). – С. 44–49.
4. Роговая, А.В. Вопросы реализации концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции / А.В. Роговая // Мониторинг правоприменения. – 2013. – № 4. – С. 21–28.
5. Гордиенко, В.В. Участие прокуратуры в противодействии коррупции / В.В. Гордиенко, Д.К. Нечевин, М.М. Поляков, В.А. Михайлов // Публичное и частное право. – 2012. – № 2. – С. 29–39.
6. Роговая, А.В. Вопросы реализации концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции / А.В. Роговая // Мониторинг правоприменения. – 2013. – № 4. – С. 21–28.
7. Коробейников, Б. В. Нерешенные вопросы противодействия органов прокуратуры коррупции / Б. В. Коробейников // Публичное и частное право. – 2014. – № 3. – С. 106–112.
8. Харатьян, М.В. Прокуратура как субъект механизма противодействия коррупции в Российской Федерации / М.В. Харатьян // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 1 (5). – С. 205–213.
9. Коробейников, Б. В. Нерешенные вопросы противодействия органов прокуратуры коррупции / Б. В. Коробейников // Публичное и частное право. – 2014; Роговая, А.В. Вопросы реализации концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции / А.В. Роговая // Мониторинг правоприменения. – 2013.

References:

1. Gordienko, V.V. Participation of the prosecutor's office in combating corruption / V.V. Gordienko, D.K. Nechevin, M.M. Polyakov, V.A. Mikhailov // Public and private law. – 2012. – No. 2. – pp. 29-39.
2. Kobzarev, F. M. On the specifics and problems of organizing the coordination activities of the prosecutor's office in fight against corruption // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2010. – No. 17. – pp. 21-26.
3. Kozlov, T.L. Organizational and legal bases of anti-corruption activities of the prosecutor's office / T. L. Kozlov // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2012. – № 1 (27). – Pp. 44-49.
4. Rogovaya, A.V. Issues of implementation of the concept of interaction of public authorities, local governments and civil society institutions in the field of anti-corruption / A.V. Rogovaya // Law enforcement monitoring. – 2013. – No. 4. – pp. 21-28.
5. Gordienko, V.V. Participation of the prosecutor's office in combating corruption / V.V. Gordienko, D.K. Nechevin, M.M. Polyakov, V.A. Mikhailov // Public and private law. – 2012. – No. 2. – pp. 29-39.
6. Rogovaya, A.V. Issues of implementation of the concept of interaction of public authorities, authorities local self-government and civil society institutions in the field of anti-corruption / A.V. Rogovaya // Law enforcement monitoring. – 2013. – No. 4. – pp. 21-28.
7. Korobeynikov, B. V. Unresolved issues of countering corruption by the prosecutor's office / B. V. Korobeynikov // Public and private law. – 2014. – No. 3. – pp. 106–112.
8. Kharatyan, M.V. The Prosecutor's office as a subject of the mechanism of combating corruption in the Russian Federation / M.V. Kharatyan // Science. Society. The State. – 2014. – № 1 (5). – Pp. 205-213.
9. Korobeynikov, B. V. Unresolved issues of countering corruption by the prosecutor's office / B. V. Korobeynikov // Public and private law. – 2014; Rogovaya, A.V. Issues of implementing the concept of interaction between public authorities, local governments and civil society institutions in the field of combating corruption / A.V. Rogovaya // Law enforcement monitoring. – 2013.

¹ Коробейников, Б. В. Нерешенные вопросы противодействия органов прокуратуры коррупции / Б. В. Коробейников // Публичное и частное право. – 2014; Роговая, А.В. Вопросы реализации концепции взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции / А.В. Роговая // Мониторинг правоприменения. – 2013.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЕВОДСТВА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ (ЧАСТЬ II) THE MAIN DIRECTIONS OF STATE SUPPORT FOR REINDEER HUSBANDRY IN THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT (PART II)

ОГЛЕЗНЕВА Татьяна Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

677007, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42.

E-mail: tati.oglezneva@mail.ru;

ИВАНОВА Айталиа Афанасьевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория, история государства и права»
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

677007, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42.

E-mail: ivanovaaytalina@mail.ru;

OGLEZNEVA Tatiana Nikolaevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure

Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov.

42 Kulakovskiy St., Yakutsk, 677007, Russia.

E-mail: tati.oglezneva@mail.ru;

IVANOVA Aytalina Afanasyevna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of State and Law

Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov.

42 Kulakovskiy St., Yakutsk, 677007, Russia.

E-mail: ivanovaaytalina@mail.ru

Краткая аннотация: в статье представлены результаты анализа нормативно-правовых актов и комплекса мер государственной поддержки северного оленеводства в лидере отрасли – Ямало-Ненецком автономном округе, направленных на сохранение северного оленеводства как главной отрасли традиционного хозяйства, позволяющей сохранить самобытную культуру, образ жизни, природопользование и этно-экологические традиции коренных малочисленных народов Ямала. В статье рассматриваются и анализируются различные пути решения крайне актуальной для округа проблемы сохранения оленьих пастбищ – важнейшего ресурса традиционного хозяйствования.

Abstract. The article presents the results of the analysis of regulatory legal acts aimed at preserving reindeer herding as the main branch of traditional economy, allowing to preserve the original culture, way of life, nature management and ethno-ecological traditions of the indigenous peoples of Yamal, and a set of measures of state support for reindeer herding in the industry leader – the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The article examines and analyzes various ways of solving the extremely urgent problem for the Okrug of preserving reindeer pastures – the most important resource of traditional economy.

Ключевые слова: меры государственной поддержки, северное домашнее оленеводство, коренные малочисленные народы Севера, нормативно-правовое обеспечение государственной поддержки развития северного оленеводства, государственные программы, устойчивое развитие.

Keywords: measures of state support, northern domestic reindeer herding, indigenous peoples of the North, regulatory framework for state support for the development of northern reindeer herding, state programs, sustainable development.

Для цитирования: Оглезнева Т.Н., Иванова А.А. Основные направления государственной поддержки северного оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе (Часть II) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 129-132. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_129.

For citation: Oglezneva T.N., Ivanova A.A. The main directions of state support for reindeer husbandry in the Yamalo-Nenets Autonomous Area (Part II) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 129-132. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_129.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Увеличение государственного субсидирования закупок оленьего мяса, новый механизм государственной поддержки отрасли, направленной на организацию комплексной переработки продукции оленеводства с целью повышения занятости и благосостояния коренного населения и увеличение доходов оленеводов от сдачи оленей и являющейся одним из приоритетных направлений деятельности округа, стал ключевым фактором роста объема сдачи мяса с 2020 года в ЯНАО.

При этом именно в ЯНАО в связи с интенсивным развитием нефтегазовой отрасли высказывалась обеспокоенность процессами уменьшения оленьих пастбищ, что может привести к утрате традиционных форм хозяйствования, а без оленеводства невозможно существование северных народов. Общая земельная площадь Ямало-Ненецкого автономного округа составляет 77 миллионов гектаров, из которых под оленьи пастбища на Ямале занято почти 64 %. Из них наибольшие по площади оленьи пастбища расположены на землях сельскохозяйственного назначения – более 50 % и на землях лесного фонда – более 42 %. В практике ведения оленеводства в ЯНАО образовался некий симбиоз между коллективным и личным оленеводством на основе взаимозависимости этих форм хозяйствования в вопросах совместного использования пастбищ. Следует отметить, что в автономном округе преобладает тундровой тип оленеводства. Из общей площади земель, пригодных для использования в качестве пастбищ, тундра занимает около 23 миллионов гектаров. В этом случае поголовье не должно превышать 370 тысяч голов, а общепринятая норма оленеёмкости пастбищ в ЯНАО, рассчитанная еще в советское время, составляет 450 тысяч голов. Расчет среднего

показателя позволяет предположить, что норма поголовья домашнего оленя в регионе составляет примерно 410 тысяч голов [31]. В настоящее время для такого большого оленьего стада пастбищ не хватает, поскольку из сельскохозяйственного оборота выведены сотни тысяч гектаров. Дефицит пастбищ в Ямальском и Тазовском районах, например, обострился в результате промышленного освоения этих территорий. Нефтегазовые, транспортные коммуникации серьезно осложняют сезонную миграцию оленей [14]. Само по себе большое поголовье оленей порождает для ЯНАО проблему истощения оленьих пастбищ, что, в свою очередь, может привести к сокращению поголовья. Так, одним из тяжелейших периодов для ямальских оленеводов стал 2014 год, когда на начало 2014 года фактическое поголовье в автономном округе составляло 740 тысяч голов (44 % общероссийской и почти одна треть общемировой численности домашнего северного оленя), а на начало января 2015 года - 672, 5 тысяч голов [9, с.103]. Сокращение численности оленей было связано с недостатком пастбищ и истощением кормовой базы, ставшей причиной падежа более чем пятнадцати тысяч оленей в разных районах ЯНАО [31] и перехода части оленеводов к оседлости.

Поэтому возникла настоятельная необходимость, как ни парадоксально, сокращения поголовья оленей для хотя бы некоторого восстановления в ближайшее десятилетие скудной кормовой базы. Активный защитник интересов коренных малочисленных народов Севера, экс-депутат Законодательного Собрания ЯНАО Александр Евай в свое время приводил следующие аргументы. «Высота лишайников составляет уже 0,5-2 сантиметра, тогда как в 30-е годы 20 века она достигала 3-4 см. Запасы трав сократились в полтора-два раза. Питательный ягель вытесняют малопродуктивные виды растений. Огромному стаду не хватает корма, олени медленно набирают вес, сами по себе мельчают, что, кстати, признают и специалисты-животноводы. Через какое-то время объем растительной массы станет настолько мал, что последует резкое естественное сокращение поголовья в результате падежа» [14]. По мнению А.В. Евая, «вопрос сокращения поголовья оленей не такой простой, как кажется на первый взгляд. На сегодняшний день для Ямало-Ненецкого автономного округа характерно сочетание двух форм оленеводства — коллективного и личного. И это эффективно с точки зрения сохранения этого вида традиционной деятельности. Начиная с 70-х годов владельцы личных оленей сначала медленно, затем все более интенсивно стали наращивать собственное поголовье. То есть главная особенность оленеводства округа в том, что 56% всего поголовья оленей находится в хозяйствах населения и только 44% — в собственности сельхозпредприятий. В некоторых районах в собственности физических лиц находится до 70-80 % поголовья. Сегодня кочевой образ жизни ведут около 16 тысяч человек из числа коренных малочисленных народов Севера. И для них оленеводство не просто работа, а образ жизни. Поэтому необходимо думать об эффективных экономических рычагах, которые позволили бы оленеводу-частнику снизить поголовье своего оленьего стада, не боясь за свое будущее и будущее своих детей.... Раньше лишь незначительная доля оленей — около 20% — подвергалась промышленной переработке. Но поскольку северный олень является животным универсальной продуктивности, в результате разведения которого можно получать не только мясо высшей категории, но и лекарственные препараты, одежду, транспорт, в округе проявляются тенденции к полному использованию продукции оленеводства. Развивая это направление, власти региона обеспечивают оленеводу большую прибыль, а отрасли дают новое развитие» [14]. В автономном округе разрабатывается организационно-правовая модель государственной региональной поддержки оленеводства, предусматривающая стимулирование оленеводов-частников к систематизированному учету и идентификации оленей, самостоятельному регулированию численности поголовья, исходя из рекомендуемых показателей, посредством предоставления гарантий государственного страхования. Предполагается, что эта модель позволит создать предпосылки для баланса численности поголовья домашних оленей и ресурсов оленьих пастбищ, личных интересов оленеводов и государства. На сегодня национальные общины и частные владельцы оленей производят почти 70% товарной продукции оленеводства в ЯНАО. В составе юридических лиц ассоциировано только 36% частных хозяйств, что создает сложности с организацией регулируемого использования пастбищных угодий. В ЯНАО предполагается провести кооперирование частных хозяйств с целью повышения их управляемости [11]. Проблема перевыпаса на пастбищах может решиться не только сокращением количества животных, а перераспределением угодий особенно в восточной части округа, где идет активное промышленное освоение [21].

В условиях истощения пастбищ в тундровой и лесотундровой зонах предлагается перейти к развитию таежного типа оленеводства, что может являться существенной альтернативой в сохранении культуры оленеводства и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов севера ЯНАО. «При строительстве изгородей для таежного оленеводства необходимо учитывать оленеемкость пастбищ, пастбищеоборот и тщательно подбирать местность в зависимости от географического расположения, характеристик растительного покрова, удобства выпаса в разные сезоны года. Для развития таежного типа оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе необходимо применить программно-целевой метод планирования, предусматривающий государственную помощь и финансирование» [9, с.107]. В рамках национального проекта «Наука и университеты» получили научную разработку современные практики и особенности ведения оленеводства; ряд сложностей, которые необходимо учитывать при организации изгородного содержания домашних северных оленей в современных условиях; особенности и преимущества изгородного ведения оленеводства [26]. Но, конечно, «традиционный образ жизни КМНС в автономном округе связан, прежде всего, с кочевым оленеводством и традиционным природопользованием — исторически сложившийся и обеспечивающий неистощительное природопользование, способ использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов и имеющий теснейшую связь с их культурой, нравственными основами, обычаями, традициями, а также религиозными взглядами.... Таким образом, рассмотрение вопроса рисков публичного управления по переводу выпаса оленей с тундрового на таежное оленеводство и изгородное содержание оленей возможно лишь с учетом указанных особенностей традиционного образа жизни, так как перевод оленей с природной зоны в таежную в первую очередь подразумевает перевод оленеводов с кочевого на полуседлый или оседлый образ жизни, что не соответствует сложившимся историческим традициям и ценностям оленеводов тундры.... В этой связи, необходимо акцентировать внимание не на переводе оленей с тундрового на таежный тип выпаса и изгородное содержание оленей, а прежде всего, учитывать правовые и социально-экономические последствия для КМНС, возникающие при из-

менении способа ведения оленеводства с кочевого на оседлый, полуседлый образ жизни, а также учитывать возможности возникновения позитивных и негативных последствий в публичном управлении при организации изгородного (оседлого) оленеводства, которые могут иметь как правовой, так и не правовой (социальный, экономический и пр.), а также объективный или субъективный характер» [10, с. 84-85].

На уровне Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики разработан проект Стратегии развития северного оленеводства Российской Федерации до 2030 года. При её разработке использовался комплексный подход, в частности, учитывались текущее состояние и ключевые тенденции развития оленеводства в мире и в России [24, 25]. Реализация стратегии к 2030 году могла бы существенно увеличить вклад северного оленеводства в экономику страны и, прежде всего, Дальнего Востока и Арктики. Планируется создать систему глубокой первичной переработки оленины, а также системы доставки продуктов на её основе до потребителя. Это позволит интенсифицировать развитие отрасли, жизненно важной для всех субъектов АЗРФ.

Программа направлена на развитие оленеводства, использование, охрану, защиту и воспроизводство оленьего стада, инновационное и эффективное развитие технологических способов переработки сырья, обеспечивающих опережающий рост сектора экономики, социальную и экологическую безопасность страны, безусловное выполнение международных обязательств России в части Арктической зоны. Мероприятия по реализации Стратегии включают в себя повышение эффективности государственного управления отраслью, поддержку проектов развития перерабатывающих производств, стимулирование спроса и развитие рынков сбыта, обеспечение доступности существующей сырьевой базы, повышение продуктивности и улучшение породного состава оленьего стада, обеспечение ветеринарной безопасности в сфере содержания оленьего стада и переработки сырья из оленя, повышение научно-технического, технологического и кадрового потенциала северного оленеводства.

Список литературы:

1. Государственная программа Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации", утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.03.2021 г. № 484 / <https://docs.cntd.ru/document/603154509?marker=656010>
2. Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.04.2021 г. № 978-р / <https://docs.cntd.ru/document/603336622?marker=65401N>
3. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 06.06.2016 г. № 34-ЗАО «Об оленеводстве в Ямало-Ненецком автономном округе» // <https://docs.cntd.ru/document/428583521>
4. Постановление Правительства ЯНАО от 26 сентября 2012 г. № 826-П «Об оказании социальной поддержки лицам из числа коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе» // <https://docs.cntd.ru/document/473412666>
5. Постановление Правительства ЯНАО от 23.12.2016 №1214-П «Об утверждении регионального стандарта минимальной материальной обеспеченности лиц, ведущих традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» // <https://docs.cntd.ru/document/444890246>
6. Постановление Правительства ЯНАО от 28.04.2021 N 338-П «Об утверждении Порядка предоставления молодой семье, ведущей кочевой образ жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе, комплекта чума и нарт» // <https://docs.cntd.ru/document/574708382>
7. Постановление Правительства ЯНАО от 15.06.2021 г. № 500-П «О Порядке предоставления субсидий на финансовое обеспечение части затрат на поддержку отдельных подотраслей животноводства» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/8900202106180004>
8. Постановление Правительства ЯНАО от 21.06.2021 г. № 539-П «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из окружного бюджета на заготовку мяса северного оленя» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900202106230007>
9. Зуев С.М. Оленеводство в Ямало-Ненецком автономном округе: проблемы и перспективы // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2015. - № 3(88). - С. 103-107
10. Зуев С.М., Деттер Г.Ф., Филант К.Г. О развитии изгородного северного оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2018. - № 3(100). - С. 83-88
11. Южаков А.А., Деттер Г.Ф. Трансформация оленеводства Арктики в условиях рыночной экономики (на примере Ямала) // Арктика: экология и экономика. — 2020 — №4(40). — С. 139-150
12. Власти ЯНАО заявили, что регион сможет полностью потребить экспортный объем оленины и рыбы // <https://tass.ru/ekonomika/14270367>
13. Губернатор ЯНАО вручил семье кочевников сертификат на чумовой капитал // <https://ura.news/news/1052720782>
14. Для развития оленеводства необходимы современные законы //Подробнее в ПГ: <https://www.pnp.ru/economics/dlya-razvitiya-olenevodstva-neobkhodimy-sovremennyye-zakony.html>
15. Интересные факты о северных оленях, о которых вы, возможно, не знали // <https://yamal-media.ru/news/42035>
16. Какие льготы положены северянам в ЯНАО // <https://yamal-media.ru/narrative/igoty-i-posobija-dlja-predstavitelej-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-v-janao-v-2022-godu>
17. На Ямале в 2022 году оленеводы заготовили более 2,3 тыс. т оленины // <https://specagro.ru/news/202301/na-yamale-v-2022-godu-zagotovili-bolee-23-tys-t-oleniny>
18. На Ямале в 2023 году увеличились объемы производства оленины // <https://noyabrsk-inform.ru/na-yamale-v-2023-godu-uzvelichilis-obemy-proizvodstva-oleniny>
19. На Ямале заготовили 2,9 тыс. тонн мяса северного оленя в 2023 году // <https://tass.ru/ekonomika/19675025>
20. На Ямале обновят программы развития для тундровиков // <https://regnum.ru/news/3640893>
21. Новую концепцию развития северного оленеводства разработают на Ямале // https://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1441706479-novuyu-kontseptsuyu-razvitiya-olenevodstva-razrabotayut-na-yamale
22. О результатах отбора на предоставление субсидии из окружного бюджета на заготовку мяса северного оленя на 2023 год // <https://dapk.yanao.ru/presscenter/events/8745/>
23. О результатах отбора на получение субсидии на племенное маточное поголовье сельскохозяйственных животных на 2023 год // <https://dapk.yanao.ru/presscenter/events/9639/>
24. Оленеводство на севере России возрождается // <https://vostokgosplan.ru/olenevodstvo-na-severe-rossii-vozhrozhdaetsja/>
25. Оленеводы НАО и эксперты отрасли могут внести предложения в Стратегию развития северного оленеводства РФ до 2030 года // <https://dprea.adm-nao.ru/press-centr/news/26912/>
26. Перспективы развития изгородного оленеводства изучили на Ямале // <https://xn--80aapampemcchmfo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/perspektivy-razvitiya-izgorodnogo-olenevodstva-izuchili-na-yamale/>
27. Предприятия Ямала получили субсидии на развитие северного оленеводства // <https://fagps.ru/news/predpriyatiya-yamala-poluchili-subsidii-na-razvitiya-olenevodstva-izuchili-na-yamale/>
28. Представители ПОРА: Северное оленеводство является стратегическим ресурсом // <https://porarctic.ru/ru/events/predstavitel-pora-severnoe-olenevodstvo-yavlyetsya-strategicheskim-resursom-rossii/>
29. Российские регионы наращивают заготовку оленины // Инвестиционный портал Арктической зоны России <https://arctic-russia.ru/article/myaso-shkury-i-roga/>
30. Российское село. Ямало-Ненецкий автономный округ // <https://proekty.er.ru/region-projects/rossiiskoe-selo-11>
31. Сайт президентских грантов РФ // <https://xn--80afcdabalc6afookiq50.xn--p1ai/public/application/item?id=66DA3D45-874E-4379-93B1-FCD24916E099>
32. «Чумовой капитал», гранты: о господдержке коренным народам на Ямале // <https://regnum.ru/news/3665041>

References:

1. State Program of the Russian Federation "Socio-economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation", approved. by the Decree of the Government of the Russian Federation of March 30, 2021 No. 484 / <https://docs.cntd.ru/document/603154509?marker=656010>
2. Program of state support for traditional economic activities of indigenous peoples of the Russian Federation carried out in the Arctic zone of the Russian Federation, approved. By order of the Government of the Russian Federation dated 15.04.2021 No. 978-r / <https://docs.cntd.ru/document/603336622?marker=65401N>
3. Law of the Yamalo-Netets Autonomous Okrug dated 06.06.2016 No. 34-ZAO "On reindeer herding in the Yamalo-Netets Autonomous Okrug" // <https://docs.cntd.ru/document/428583521>

4. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated September 26, 2012 No. 826-P "On the provision of social support to individuals from among the indigenous peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug" // <https://docs.cntd.ru/document/473412666>
5. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug from 23.12.2016 No. 1214-P "On approval of the regional standard of minimum material security for individuals leading the traditional way of life of indigenous peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug" // <https://docs.cntd.ru/document/444890246>
6. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated 28.04.2021 No. 338-P "On approval of the Procedure for providing a young family leading a nomadic lifestyle of indigenous peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, a set of chum and sleds" // <https://docs.cntd.ru/document/574708382>
7. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated 15.06.2021 No. 500-P "On the Procedure for providing subsidies for financial support of part of the costs of supporting certain sub-sectors of livestock farming" // <http://publication.pravo.gov.ru/document/8900202106180004>
8. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated June 21, 2021 No. 539-P "On approval of the Procedure for providing subsidies from the district budget for the procurement of reindeer meat" // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900202106230007>
9. Zuev S.M. Reindeer herding in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: problems and prospects // Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. - 2015. - No. 3 (88). - P. 103-107
10. Zuev S.M., Dettler G.F., Filant K.G. On the development of suburban reindeer herding in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug // Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. - 2018. - No. 3 (100). - P. 83-88
11. Yuzhakov A.A., Dettler G.F. Transformation of reindeer herding in the Arctic in a market economy (using Yamal as an example) // Arctic: ecology and economics. - 2020 - No. 4 (40). — P. 139-150
12. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug authorities stated that the region will be able to fully consume the export volume of venison and fish // <https://tass.ru/ekonomika/14270367>
13. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug governor presented a nomad family with a certificate for chum capital // <https://ura.news/news/1052720782>
14. Modern laws are needed to develop reindeer herding // Read more in PG: <https://www.pnp.ru/economics/dlya-razvitiya-olenevodstva-neobkhodimy-sovremennye-zakony.html>
15. Interesting facts about reindeer that you may not have known // <https://yamal-media.ru/news/42035>
16. What benefits are northerners entitled to in Yamalo-Nenets Autonomous Okrug // <https://yamal-media.ru/narrative/igoty-i-posobija-dlja-predstavitelej-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-v-janao-v-2022-godu>
17. In 2022, reindeer herders in Yamal prepared more than 2.3 thousand tons of venison // <https://specagro.ru/news/202301/na-yamale-v-2022-godu-zagotovili-bolee-23-tys-t-oleniny>
18. In 2023, venison production volumes increased in Yamal // <https://noyabrsk-inform.ru/na-jamale-v-2023-godu-udelichilis-obemy-proizvodstva-oleniny>
19. In Yamal, 2.9 thousand tons of northern reindeer in 2023 // <https://tass.ru/ekonomika/19675025>
20. Yamal will update development programs for tundra dwellers // <https://regnum.ru/news/3640893>
21. A new concept for the development of northern reindeer herding will be developed in Yamal // https://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1441706479-novuyu-kontseptsiyu-razvitiya-olenevodstva-razrabotayut-na-yamale
22. On the results of the selection for the provision of a subsidy from the district budget for the procurement of reindeer meat for 2023 // <https://dapk.yanao.ru/presscenter/events/8745/>
23. On the results of the selection for a subsidy for breeding stock of farm animals for 2023 // <https://dapk.yanao.ru/presscenter/events/9639/>
24. Reindeer herding in the north of Russia is being revived // <https://vostokgosplan.ru/olenevodstvo-na-severe-rossii-vozhrozhdaetsja/>
25. Reindeer herders of the NAO and industry experts can make proposals to the Strategy for the Development of Northern Reindeer Herding in the Russian Federation until 2030 // <https://dprea.adm-nao.ru/press-centr/news/26912/>
26. Prospects for the development of fenced reindeer herding were studied in Yamal // <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/perspektivy-razvitiya-izgorodnogo-olenevodstva-izuchili-na-yamale/>
27. Yamal enterprises received subsidies for development of northern reindeer herding // <https://tagps.ru/news/predpriyatiya-yamala-poluchili-subsidii-na/>
28. PORA representatives: Northern reindeer herding is a strategic resource // <https://porarctic.ru/events/predstavitel-pora-severnogo-olenevodstva-yavlyaetsya-strategicheskim-resursom-rossii/>
29. Russian regions are increasing venison procurement // Investment portal of the Arctic zone of Russia <https://arctic-russia.ru/article/myaso-shkury-i-roga/>
30. Russian village. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug // <https://proekty.er.ru/region-projects/rossiiskoe-selo-11>
31. Website of the Presidential Grants of the Russian Federation // <https://xn--80afcdbalict6afooklq5o.xn--p1ai/public/application/item?id=66DA3D45-874E-4379-93B1-FCD24916E099>
32. "Plague Capital", grants: on state support for indigenous peoples in Yamal // <https://regnum.ru/news/3665041>

ПРИЧИННОСТЬ КОНФЛИКТОВ В НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ДРЕВНЕЙ РУСИ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ CAUSALITY OF CONFLICTS IN TAX RELATIONS FROM ANCIENT RUS TO THE PRESENT

ЯКУШЕВ Роман Вячеславович,

начальник Управления досудебного урегулирования налоговых споров ФНС России,

старший преподаватель кафедры публичного права

Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

127381, Россия, г. Москва, ул. Неглинная, д. 23.

E-mail: yakusheff.roma@yandex.ru;

YAKUSHEV Roman Vyacheslavovich,

Head of the Department for Pre-trial Settlement of Tax Disputes of the Federal Tax Service of Russia,

Senior Lecturer, Department of Public Law,

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

23, str. Neglinnaya, Moscow, 127381, Russia.

E-mail: yakusheff.roma@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена аспектам становления налоговых отношений через призму налоговых споров в зависимости от эволюции механизмов управления государством и международного влияния. Автор систематизирована информация о налоговых спорах с X по XXI вв., проанализированы причины их возникновения и представлены современные инструменты профилактики налоговых споров.

Abstract: The article is devoted to the aspects of the formation of tax relations through the prism of tax disputes, considering the evolution of state governance mechanisms and international influence. The author systematized information about tax disputes from the X to the XXI centuries, analyzed the causes of their occurrence and presented modern tools for the prevention of tax disputes.

Ключевые слова: налоговые споры, налоговая политика, способы взимания налогов, конфликты, требования населения.

Keywords: tax disputes, tax policy, tax collection methods, conflicts, the demands of the population.

Для цитирования: Якушев Р.В. Причинность конфликтов в налоговых отношениях с Древней Руси по настоящее время // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 133-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_133.

For citation: Yakushev R.V. Causality of conflicts in tax relations from Ancient Rus to the present // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 133-139. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_133.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Налоговые конфликты как форма социально-экономического противостояния сопровождают историю государства с момента его зарождения. Государство стремится к оптимизации фискальных ресурсов, а налогоплательщики защищают свои интересы. В российской истории эти конфликты эволюционировали от стихийных восстаний против княжеского произвола до сложных правовых споров в условиях цифровой экономики.

Факты, свидетельствующие о развитии налоговых отношений посредством конфликтов, требуют систематизации в связи с пересмотром подходов к рассматриваемому явлению в исторической перспективе. Анализируя развитие налоговых споров посредством исторического метода, представляется возможным установить закономерности их появления, меры государства, направленные на их устранение, и придать знаниям практико-ориентированный характер.

По результатам анализа совокупности исторических фактов, предлагается периодизация причин налоговых конфликтов, отражающая противоборство общества и государства.

1. Древняя Русь (IX–XII вв.). Примитивность способов налогообложения.

С увеличением числа княжеств и противостоянием между ними повышалась потребность в сборе налогов для обеспечения князей и их войск.

На этапе зарождения налоговых отношений такие принципы как справедливость, легитимность, право на обжалование отсутствовали, а деление налогоплательщиков на категории приводило к необъективности распределения налогового бремени.

Данью облагались как народы, входящие в состав государства, так и иные народы, находящиеся в зависимости от русских князей.

Незащищенность населения перед сборщиками налогов была обусловлена отсутствием нормативно-правовых актов, регулирующих налоговые отношения. Порядок, существующий в Древней Руси, не предусматривал инструментов защиты прав населения, справедливого распределения налогового бремени, что являлось причиной конфликтов, зачастую приобретающих характер военных столкновений.

Ярким историческим примером «налогового» спора является несогласие древлян с действиями князя Игоря по повторному взиманию дани в 945 году. Для исключения повторного взимания дани княгиней Ольгой были введены «уроки» и погосты¹. Реформа княгини Ольги стала первым зафиксированным в истории примером упорядочивания системы налогообложения.

Данный спор не является первым с точки зрения причины его возникновения, но действия по урегулированию, предпринятые Ольгой,

¹ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацкило М.К. История налогов в России / В.Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шацкило // IX - начало XX в. М., 2006. – 288 с.

стали первым налоговым преобразованием, направленным на установление справедливого взимания дани.

По мере развития общество стало нуждаться в законодательном регулировании отношений внутри государства. Централизация власти, развитие торговли, укрепление социальной иерархии, возрастающая потребность в судебном разрешении споров, влияние византийского права обусловили появление нормотворчества в Древней Руси.

Создание «Русской Правды» — первого письменного свода законов Древней Руси оказало значительное влияние на развитие правовой системы Киевской Руси. Этот документ заложил основы регулирования общественных отношений, в частности были определены правила наследования и владения имуществом, что косвенно влияло на налоговые отношения. «Русская правда» также определяла ряд пошлин в пользу князя.

Таким образом, в период формирования и становления Древнерусского государства начинается развитие финансового устройства и системы налогообложения; возникающие конфликты выступают основой для проведения преобразований, а появление первого нормативного документа ознаменовало собой переход от традиционного права к нормативному регулированию.

2. Татаро-монгольское иго (XIII – XV вв.). Экономическая зависимость от Золотой Орды.

Период характеризуется политической раздробленностью Российского государства и зависимостью от Золотой Орды.

Введение обязательных поборов представителями Золотой Орды через систему баскачества стало серьезным испытанием для русского общества и вызывало столкновения между местным населением и сборщиками дани.

Действия Золотой Орды по переписи населения с целью упорядочивания порядка взимания дани также вызывали сопротивление местного населения. Данные события относятся к 1255 г. – 1257 г.¹

Несколько лет потребовалось представителям Золотой Орды, чтобы упорядочить сбор дани: жители протестовали, устраивали восстания, убивали баскаков, что повлекло за собой решение о пересмотре способа взимания дани и уполномочивании на это русских князей (с 1263 года). Нельзя сказать, что это исключило в дальнейшем волнения среди местных жителей, но однозначно снизило социальную напряженность.

В 1374 году Дмитрий Донской отказался платить дань хану Мамаю под предлогом того, что не считает его законным правителем. Данное несогласие послужило причиной военного столкновения на реке Воже, в котором Дмитрий Донской одержал победу, подтвердив в последующем в 1380 году свои лидерские позиции, разгромив войско Мамаю на Куликовом поле.

В 1408 году неуплата дани спровоцировала поход хана Едигея на Москву². Урон, нанесенный городу, был меньше, чем при нашествии Тохтамыша. Помня предыдущие события, местные жители пошли на условия Едигея: собрали дань и людей для угона в плен. Восстановление даннической зависимости Москвы от Орды продлилось с этих пор практически еще на 60 лет (до 1474 г.)³.

Таким образом, XIII – XV вв. это столетия непримиримого противостояния Русского государства и Золотой Орды. В контексте налоговых правоотношений основными источниками конфликтов являлись взаимоотношения, связанные с выплатой дани⁴.

Вместе с тем решение татаро-монголов о передаче полномочий по сбору дани русским князьям стало важным шагом для стабилизации взаимоотношений между народами. «Посредника» между налогоплательщиками и властью того времени можно считать прообразом современного субъекта налоговых отношений – налогового агента.

Сложный период экономической зависимости от Золотой Орды характеризуется развитием системы сбора дани, которая стала прообразом системы налогообложения⁵. Установление татаро-монголами нескольких видов налогов (всего известно 14 видов «ордынских тягостей»⁶) привели к возникновению на Руси системы налогообложения, а также к проведению необходимых реформ, результаты которых в последующем были закреплены «Судебником».

3. Московское государство (XV–XVII вв.): изменение подходов к управлению государством, международное влияние и рост фискального давления.

Период существования Московского государства характеризуется изменением фискальных приоритетов, частой сменой правителей в период Смутного времени, появлением на престоле династии Романовых, а также народными волнениями.

В правление Ивана III сложилось ядро единого Русского государства, был составлен «Судебник» (1497). Издание сборника способствовало стабилизации общественного устройства и дальнейшей централизации государства.

Однако возрастание военных расходов и введение опричнины стали основными причинами увеличения налогового бремени в XVI в.⁷.

Период опричнины характеризуется взысканием налогов и податей зачастую с применением насильственных мер. Одним из примеров является Басаргин правед: опричный погром селений северо-западного Беломорья 1568 г.⁸.

Несогласие народа с налоговой политикой выражалось не только в открытом сопротивлении, но и в уклонении от налоговой повинности.

¹ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацкило М.К. История налогов в России / В.Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шацкило // IX - начало XX в. М., 2006. – 288 с.

² Трепавлов В. В. Едигей набег 1408 // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017); https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1976163 Дата обращения: 07.01.2025

³ Москва и Орда / А.А. Горский ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. - М. : Наука, 2005 (ППП Тип. Наука). – 212 с.

⁴ Кучеров И.И. Налоговое право России: курс лекций – М.: ЮриИнфоР, 2006. – 448 с.

⁵ Еремян В.В. К вопросу даннических отношений между Северо-Западом русской земли и Золотой Ордой (привнесенные податно-фискальные элементы) // История государства и права. 2009. № 10. С. 20.

⁶ Лекции по истории России. Часть вторая XIV–XVI вв.: учеб. пособие. – М.: Ф-т журналистики МГУ, 2016. – 219 с.

⁷ Гумилев Л. Н. Часть третья. Царство Московское // От Руси до России : поиски вымышленного царства. — Москва: Вече, 2009. — 381 с.

⁸ Кольская энциклопедия. Правительство Мурманской области. URL: https://ke-culture.gov-murmansk.ru/slovnik/?ELEMENT_ID=92812 (дата обращения 29.11.2024).

Так, в период правления Ивана IV была проведена перепись территорий государства в целях упорядочивания взимания «большой сохи», однако данные действия породили уклонение от уплаты налогов и массовое бегство крестьян на окраинные территории. Сборщики налогов в отписках, направляемых в Москву, указывали среди причин: «крестьяне разошлись... иные безвестно»¹.

Налоговые споры в эпоху Смуты были следствием государственной неустроенности. Наиболее масштабным налоговым спором того времени можно считать несогласие населения с бессистемным взиманием налогов как слугами польских наемников, так и приказными людьми Лжедмитрия II².

В то же время влияние шведского присутствия в Великом Новгороде в 1611-1617 гг. сопровождалось проведением преобразований, касающихся, в том числе, сферы налогообложения. Фискальная политика Якоба Делагарди предполагала усиление налогового бремени, однако шведские власти уважительно относились к местному населению и не оставляли без внимания челобитные грамоты. Конструктивное реагирование на поданные челобитные позволяло сохранять новгородско-шведское сотрудничество.³

Приход на престол династии Романовых в стратегическом плане оказал стабилизирующий эффект на жизнь страны. Вместе с тем многочисленные налоги были тяжелым бременем для населения. До современников дошла челобитная 1614 г. нижегородского мордвина Вечки Кечемасова об облегчении в платеже разных сборов. На челобитной содержится резолюция дьяка: «Государь пожаловал, велеть иметь в казенную меру, как имели наперед того, а что взято лишку, и тот лишний хлеб зачесть наперед»⁴. Для уменьшения количества споров и с целью выявления реальной платежеспособности населения и восстановления поземельной системы обложения уже в 1614 г. – 1615 г. власти начали проводить ревизию хозяйственного состояния земли. Проведение реформ позволило определять величину тягла посадов.

Законодательное закрепление крепостное право получило позднее при принятии Соборного уложения в 1649 г.⁵

При Алексее Михайловиче произошел один из масштабных налоговых споров XVII в. - Соляной бунт. Причинами восстания считаются повышение налогов и действия государства по взысканию задолженности по налогам. Значительнее всего население отреагировало на подорожание соли по причине включения налога в ее стоимость⁶. Это решение можно считать одной из первых попыток введения косвенного налога.

1 июня 1648 года народ попытался передать царю челобитную. Несмотря на то, что восстание было подавлено, несогласие населения с налоговой политикой стало причиной проведения реформ и принятия Постановления об отмене взыскания налогов⁷.

С точки зрения развития налоговых отношений данный период является переломным. Для эпохи развития Московского государства было характерно отсутствие системного управления государством, возрастание военных расходов, применение насильственных мер при взыскании налогов, бессистемность налогов, двойное налогообложение, но одновременно с этим государство пришло к созданию «Соборного уложения». Развитие получила система подачи челобитных. Иностранное вмешательство во внутреннюю политику, с одной стороны, породило противоречия, с другой стороны, обеспечило опыт рассмотрения налоговых споров. Таким образом, существующая нестабильность в государстве способствовала выработке механизмов по урегулированию налоговых споров.

4. Российская империя (XVIII – начало XX вв.). Многочисленность налогов и крестьянский вопрос.

Эпоха преобразования Московского царства в Российскую империю была связана с именем Петра I и реформами как в политической, так и в социально-экономической сферах.

Возникновение конфликтов и способов ухода от налогообложения являлось реакцией населения на проводимую налоговую политику государства, на неупорядоченность действий сборщиков налогов, обусловленную противоречиями в аппарате государственной власти.

Примером сопротивления населения усиленному налоговому гнету является Башкирское восстание 1704 г. - 1706 г.⁸

Одной из главных причин восстания стало увеличение количество налогов для местного населения: налогообложению подлежали печи, проруби, свадьбы, домовые ульи, погреба. Особенным налогом, характерным для Башкирии, был налог на цвет глаз. Население с серым цветом глаз подозревалось в том, что это люди беглые с соседних территорий и должны платить дополнительный налог.

Против башкирского населения выступили московские и казанские власти. Башкиры направляли Петру I челобитные с челобитчиками, но власти с ними расправились, что вызвало еще большее обострение конфликта. Не сумев подавить восстание военным способом, власти согласились на переговоры⁹.

Между тем Астраханское восстание 1705 г. – 1706 г.¹⁰, причиной которого также являлось увеличение налогового бремени, закончилось для местного населения капитуляцией Астрахани, казнью и ссылкой бунтовщиков.

¹ Козлов С.А. Налоги в России до XIX в. : [Курс лекций и материалы для семин. занятий] / С. А. Козлов, З. В. Дмитриева. - СПб Ист. ил., 1999. – 288 с.

² Абанин А.В. Система налогообложения при Лжедмитрии II в замосковских городах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nalogooblozheniya-pri-lzhedmitrii-ii-v-zamoskovnyh-gorodah> (дата обращения 29.11.2024).

³ Болдырев Р. В. К вопросу о налогообложении новгородцев времён шведского присутствия по материалам челобитных грамот // Вестник НовГУ. 2015. №4-2 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nalogooblozhenii-novgorodtsev-vremyon-shvedskogo-prisutstviya-po-materialam-chelobitnyh-gramot> (дата обращения: 16.03.2025).

⁴ Марискин О.И. Восстановление налоговой системы в России в период Смуты//Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 4. – С. 60-68.

⁵ Дмитриева, З. В. От пососного к подворному налогообложению: трансформация фиска в Московском государстве XVI-XVII вв / З. В. Дмитриева // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2018. – № 1. – С. 33-44.

⁶ Верецагин С.Г. Формы разрешения социально-политических конфликтов в налоговой сфере: революции, восстания и бунты//Правовая политика и правовая жизнь № 1. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-razresheniya-sotsialno-politicheskikh-konfliktov-v-nalogovoy-sfere-revolutsii-vosstaniya-bunyty> (дата обращения 29.11.2024)

⁷ Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1969—1978.

⁸ Акманов, И. Г. Башкирское восстание эпохи Петра I (1704-1706 гг.) / И. Г. Акманов, А. А. Даутов // Проблемы востоковедения. – 2020. – № 3(89). – С. 8-15.

⁹ Акманов И.Г., Даутов А.А. Башкирское восстание эпохи Петра I (1704-1706 гг.) // Проблемы востоковедения. 2020. №3 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bashkirskoe-vosstanie-epochipetra-i-1704-1706-gg> (дата обращения: 29.11.2024).

¹⁰ Заплетин, В. В. Идеологический контекст Астраханского восстания 1705-1706 гг / В. В. Заплетин // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 3-4. – С. 80.

В 1716 году Петр I отменил «Двенадцать статей», но ввел двойное налогообложение для старообрядцев. Старообрядцы, которые прошли перепись и согласились на двойное налогообложение, стали называться «записные раскольники», а те, которые уклонились от переписи, стали называться «незаписные раскольники» и оказались на нелегальном положении. «Незаписные раскольники» бежали от исполнения обязанностей в отдаленные территории государства.

В рассматриваемом случае протест населения вызвала совокупность таких факторов как религиозная дискриминация и двойное налогообложение. Несмотря на то, что политика Петра I не подразумевала применение смертной казни, при нем получила свое развитие система пыток за уклонение от уплаты двойного налога.

Реформа не устранила противоречий между государством и приверженцами старой веры. Впоследствии Екатериной II в 1782 году было отменено двойное налогообложение, что способствовало уменьшению религиозных противоречий и легализации большого количества старообрядцев.

Начало проведения реформ было положено Петром I, однако введение многочисленных налогов, участие России в Северной войне негативно сказались на материальном положении населения и требовались решения, способные предотвратить восстания. Став императрицей, Екатерина I снизила подушный налог с 74 коп. до 70 коп. Политику снижения налогового бремени в последующем поддержала Елизавета Петровна, снизив налог на 3 – 5 коп.¹

Несмотря на улучшение положения купечества и простого населения, некоторые решения, принятые в период правления Екатерины II, вызывали со стороны недовольство и открытое сопротивление. Так, в период ее правления произошло Кижское восстание 1769 г. – 1771 г., которое было жестко подавлено по указу «Об усмирении беспокойств, происшедших между олонекими крестьянами». Причиной восстания послужило увеличение подушных и оброчных платежей, которые необходимо было отработать на заводах².

Значимым событием стало крестьянское восстание под предводительством Е.И. Пугачева в 1773 г. – 1775 г.³ Документами, из которых стало известно о взглядах и требованиях восставших, стали указы и манифесты, составленные доверенными лицами Е.И. Пугачева. Манифест, изданный 28 июля 1774 г., провозглашал, в том числе, освобождение населения страны от рекрутской повинности и денежной подати. На первых этапах положения издаваемых документов отражали в большей мере интересы казачества, но в последующем стали учитывать общие интересы крестьянства, т.к. их в числе восставших было большинство⁴.

Восстание Е.И. Пугачева было подавлено, однако после этого события и по случаю победы в русско-турецкой войне Екатериной II был принят ряд решений, среди которых подписание Манифеста от 17 марта 1775 г. «О свободном предпринимательстве», согласно которому отменены некоторые подати и сборы⁵.

Отмена крепостного права в 1861 году стала важным событием в истории России, которое существенно повлияло на налоговые правоотношения. Об этом свидетельствует введение подушного налога, что стало серьезным обременением для крестьян и одновременно одним из важных источников дохода государства. Отмена крепостного права способствовала урбанизации городов и модернизации экономики и в то же время росту социальной неудовлетворенности условиями выхода из-под власти помещиков.

После отмены крепостного права государство сосредоточило внимание на косвенном налогообложении. Косвенные налоги были заложены в стоимость необходимых товаров и их взимание вызывало меньшее недовольство со стороны населения.

Повышение прямых налогов вызывало недовольство народа, потому что у населения не существовало понимания связи уплаченных налогов с построением государства, а косвенные налоги, даже при их увеличении, люди платили за необходимый продукт, который приобретали для собственных нужд. Таким образом, связь уплаченных косвенных налогов с жизнью государства была более очевидна. Этот способ взимания налогов оказался наиболее эффективным не только с точки зрения профилактики возникновения споров, но и с точки зрения пополнения бюджета. Так, в 1897 году налоговые поступления составили 773 млн. руб., из которых косвенные налоги составили 671,6 млн. руб.⁶ При этом историй не зафиксировано восстаний, бунтов по причине несогласия населения с проведением фискальных реформ государства.

По мнению С.Ю. Витте, продуктивность косвенного обложения объяснялась не только тем, что косвенные налоги вносятся малыми, незаметными долями при покупке обложенных товаров, но и тем, что в прогрессирующих странах потребление быстро возрастает. Без каких-либо изменений в размерах самого налога косвенное налогообложение дает государству возрастающий доход вследствие увеличения численности населения⁷.

В результате анализа преобразований, которые происходили на протяжении XVIII – начала XX вв., следует отметить, что восстания, происходящие при Петре I и Екатерине II, были реакцией на проводимые изменения, однако нельзя не отметить их общий важный вклад по внесению качественных изменений в проведение налоговой политики. Дальнейшее постепенное введение косвенных налогов при отмене крепостно-

¹ Муравьева Л.А. Финансово-кредитная и налоговая система России в XVIII веке//Финансы и кредит. 2001. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovo-kreditnaya-i-nalogovaya-sistema-rossii-v-xviii-veke> (дата обращения 29.11.2024).

² Балагуров Я.А. Кижское восстание 1769-1771. — Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1969. — 95 с.

³ Моршинина, А. Манифесты и указы Е.И.Пугачева как источник изучения идеологии восставших в годы Крестьянской войны 1773-1775 годов / А. Моршинина // Студенческая наука и XXI век. — 2005. — № 2. — С. 49-51.

⁴ Овчинников Р.В. История разработки июльского манифеста Е.И.Пугачева // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма: Науч. сес. Тез. докл. Чебоксары, 1973. С. 27.

⁵ Алейников А.В. «Не должно никому мешать честным образом доставать свой хлеб»: к 240-летию Манифеста о свободе предпринимательства Екатерины II// Право и политика 7 (187). 2015 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=52462 (дата обращения 29.11.2024).

⁶ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацкило М.К. История налогов в России / В.Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шацкило // IX - начало XX в. М., 2006. — 288 с.

⁷ Вестник финансов, промышленности и торговли. — М., 1898. — №1. — С. 7-8.

го права и изменении условий уплаты налогов крестьянами способствовало выстраиванию новых экономических отношений. Таким образом, многочисленные преобразования в сфере налоговых отношений, характерные для Российской империи, позволили создать конкурентноспособное государство на экономической международной арене.

5. Советский период (1917–1991). Налоги как инструмент классовой борьбы.

Налоговые споры в России в XX веке представляют собой сложное и многогранное явление, отражающее изменения в законодательной системе и экономической ситуации страны.

После Октябрьской революции 1917 года налоговая политика претерпела радикальные изменения. Создание новой экономической системы потребовало пересмотра способов налогообложения. В этот период налоговые споры стали отражением идеологической борьбы между старым и новым строем. Государственные органы активно использовали методы контроля, что порождало множество конфликтов на местах.

Несогласие с налоговой политикой государства особенно было характерно для РСФСР в период с 1918 по 1922 годы. Множественность налогов и сборов, неупорядоченность их взимания стали причиной противоречий, которые выражались в мятежах и восстаниях. В послевоенных условиях для населения особенно болезненно было воспринято введение продразверстки. В качестве примера следует привести Западно-Сибирское восстание (1921-1922)¹, Кронштадтское восстание (1921)², Тамбовское восстание (1920-1921)³.

Причиной возмущения стало введение не только хлебной продразверстки, но и угнетение местного населения большевиками, выражавшееся в произволе силовых структур. Народ требовал свободу торговли, соблюдение прав предпринимателей, а реакцией со стороны властей стали аресты, репрессии, казни.

Замена продразверстки продналогом уменьшила социальное напряжение. Но введение Единого сельскохозяйственного налога в 1923 году оказалось наиболее оптимальным решением, т.к. значительно снизилось налоговое бремя на крестьян, а для некоторых категорий населения (семьи, члены которых находятся на службе в Красной армии) были предусмотрены льготы.

Необходимость упорядочивания налоговой системы способствовала принятию в 1925 году Положения о взимании налогов ЦИК СССР, СНК СССР⁴, закрепившее, в том числе, порядок обжалования налоговых споров. Например, уездный, окружной и губернский финансовые отделы принимали жалобы от налогоплательщиков на действия уполномоченных лиц, передавая их в семидневный срок в исполнительный комитет или финансовый отдел для принятия решения. Последней инстанцией же могли выступать народные комиссариаты финансов союзных республик, куда налогоплательщики могли обратиться как в вышестоящую инстанцию. Развитию правового регулирования налоговых споров способствовало принятие Закона СССР от 21.05.1990 № 1492-1 «О правах, обязанностях и ответственности государственных налоговых инспекций»⁵, где были закреплены нормы, затрагивающие права и обязанности налоговых органов, возможности обжалования.

Принятые законы стали гарантом взаимной ответственности общества и государства, что стало главным результатом законотворческой деятельности в налогообложении на данном историческом этапе.

6. Современная Россия (с 1991 г.). Правовые противоречия и администрирование.

Упорядочивание системы управления государством характеризуется, в том числе, эволюцией налоговых отношений. Принятие Налогового кодекса Российской Федерации в 1998 году позволило унифицировать систему норм, конкретизировать составы налоговых правонарушений, определить систему штрафных санкций.

На сегодняшний день налоговыми органами осуществляется дистанционное цифровое взаимодействие с налогоплательщиками, оптимизируется документооборот, рационализируется содержание документов, достигается сокращение количества споров путем внесения системных изменений в налоговое законодательство, упрощается процедура уплаты налогов. Перечисленные направления деятельности свидетельствуют о том, что налоговые органы находятся в диалоге с налогоплательщиками и их взаимоотношения направлены на снижение конфликтности путем конструктивного подхода к профилактике налоговых споров.

В настоящее время правовыми поводами для возникновения налоговых споров являются пробелы в законодательстве, наличие коллизий, сложность юридических норм; в качестве оснований возникновения налоговых споров выступают решения, акты, действия, бездействия должностных лиц налоговых органов.

В XXI веке все сферы жизни общества: социальная, экономическая, политическая, духовная, переживают особенно стремительные изменения, но причинами недоверия налогоплательщиков к государству продолжают выступать нарушение представлений о справедливости, дискриминация, установление обязанности по уплате налогов без учета экономической ситуации и т.п.

В то же время способы налогоплательщиков по противодействию и борьбе за собственные интересы претерпели изменения: в древности общество открыто выступало против проводимой налоговой политики и ярким тому подтверждением являются бунты, восстания, подача коллективных жалоб. В настоящее время налогоплательщики иначе выражают свое несогласие: создают схемы уклонения от уплаты налогов, уходят в «се-

¹ Шишкин В. И. Западно-Сибирское восстание 1921 года: забвение, изучение, мемориализация // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 113–123.

² Давыдов, А. Ю. Кронштадтский мятеж (1921 г.) и отечественное крестьянство / А. Ю. Давыдов // Герценовские чтения 2021. Актуальные проблемы русской истории: сборник научных и учебно-методических трудов, Санкт-Петербург, 21–24 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2022. – С. 136–141.

³ Иванов, Д. П. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920–1921 гг / Д. П. Иванов, В. В. Канищев // История и современность. – 2010. – № 2(12). – С. 112–125.

⁴ Положение о взимании налогов: утв. ЦИК СССР, СНК СССР 02.10.1925. — М., 1925. — 56 с.

⁵ Закон СССР от 21.05.1990 № 1492-1 «О правах, обязанностях и ответственности государственных налоговых инспекций» // Ведомости СНД и ВС СССР. — 1990. — № 23. — Ст. 422.

рую» зону, противодействуют установлению реальных налоговых обязательств, не представляя документы в ходе налоговых проверок.

Проведенное исследование показывает, что налоговые споры на протяжении всей истории России служат маркерами социальных изменений и конфликтов, отражая борьбу за права и возможности различных групп населения.

Предложенная периодизация позволяет проследить зависимость причин налоговых споров и подходов к их решению от уровня развития механизмов управления государством, оценить роль международного влияния, сделать вывод о значимости соблюдения взаимных интересов государства и общества, а также о необходимости диалога при разрешении конфликтов на каждом этапе развития государства.

Нельзя не отметить важность учета исторического опыта при проведении реформ и реагирующего характера налоговой политики для выбора эффективных мер по разрешению споров. В настоящее время налоговые органы придают особое значение анализу причин возникновения споров, т.к. их выявление позволяет в кратчайшие сроки определить источник проблемы, а своевременно принятые меры способствуют поддержанию доверительных взаимоотношений с налогоплательщиками.

Список литературы:

1. Закон СССР от 21.05.1990 № 1492-1 «О правах, обязанностях и ответственности государственных налоговых инспекций» // Ведомости СНД и ВС СССР. — 1990. — № 23. — Ст. 422.
2. Положение о взимании налогов : утв. ЦИК СССР, СНК СССР 02.10.1925. — М., 1925. — 56 с.
3. Абанин А.В. Система налогообложения при Лжедмитрии II в замосковных городах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nalogooblozheniya-pri-lzhedmitrii-ii-v-zamoskovnyh-gorodah> (дата обращения 29.11.2024).
4. Акманов И.Г., Даутов А.А. Башкирское восстание эпохи Петра I (1704-1706 гг.) // Проблемы востоковедения. 2020. №3 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bashkirskoe-vostanie-epochipetra-i-1704-1706-gg> (дата обращения: 29.11.2024).
5. Алеиников А.В. «Не должно никому мешать честным образом доставать свой хлеб»: к 240-летию Манифеста о свободе предпринимательства Екатерины II // Право и политика 7 (187). 2015 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=52462 (дата обращения 29.11.2024).
6. Балагуров Я.А. Кижское восстание 1769-1771. — Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1969. — 95 с.
7. Болдырев Р. В. К вопросу о налогообложении новгородцев времён шведского присутствия по материалам челобитных грамот // Вестник НовГУ. 2015. №4-2 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nalogooblozhenii-novgorodtsev-vremyon-shvedskogo-prisutstviya-po-materialam-chelobitnyh-gramot> (дата обращения: 16.03.2025).
8. Верещагин С.Г. Формы разрешения социально-политических конфликтов в налоговой сфере: революции, восстания и бунты // Правовая политика и правовая жизнь № 1. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-razresheniya-sotsialno-politicheskikh-konfliktov-v-nalogovoy-sfere-revolutsii-vosstaniya-bunyty> (дата обращения 29.11.2024).
9. Гумилев Л. Н. Часть третья. Царство Московское // От Руси до России : поиски вымышленного царства. — Москва: Вече, 2009. — 381 с.
10. Давыдов, А. Ю. Кронштадтский мятеж (1921 г.) и отечественное крестьянство / А. Ю. Давыдов // Герценовские чтения 2021. Актуальные проблемы русской истории : сборник научных и учебно-методических трудов, Санкт-Петербург, 21–24 апреля 2021 года. — Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2022. — С. 136-141.
11. Дмитриева З. В. От поссоного к подворному налогообложению: трансформация фиска в Московском государстве XVI-XVII вв / З. В. Дмитриева // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — 2018. — № 1. — С. 33-44.
12. Еремян В.В. К вопросу даннических отношений между Северо-Западом русской земли и Золотой Ордой (привнесенные податно-фискальные элементы) // История государства и права. 2009. № 10. С. 20.
13. Заплетин, В. В. Идеологический контекст Астраханского восстания 1705-1706 гг / В. В. Заплетин // Международный студенческий научный вестник. — 2016. — № 3-4. — С. 80.
14. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России / В.Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шацилло // IX - начало XX в. М., 2006. — 288 с.
15. Иванов, Д. П. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920-1921 гг / Д. П. Иванов, В. В. Канищев // История и современность. — 2010. — № 2(12). — С. 112-125.
16. Кучеров И.И. Налоговое право России: курс лекций — М.: ЮрИнфоР, 2006. — 448 с.
17. Левашова А. В. Законодательная политика Екатерины второй в отношении старообрядцев // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatel'naya-politika-ekateriny-vtoroy-v-otnoshenii-staroobryadtsev> (дата обращения: 08.01.2025).
18. Марискин О.И. Восстановление налоговой системы в России в период Смуты//Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 4. — С. 60-68.
19. Моршинина, А. Манифесты и указы Е.И.Пугачева как источник изучения идеологии восставших в годы Крестьянской войны 1773-1775 годов / А. Моршинина // Студенческая наука и XXI век. — 2005. — № 2. — С. 49-51.
20. Муравьева Л.А. Финансово-кредитная и налоговая система России в XVIII веке//Финансы и кредит. 2001. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovokreditnaya-i-nalogovaya-sistema-rossii-v-xviii-veke> (дата обращения 29.11.2024).
21. Овчинников Р.В. История разработки июльского манифеста Е.И.Пугачева // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма: Науч. сес. Тез. докл. Чебоксары, 1973. С. 27.
22. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами 1238-1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник М.: Международные отношения, 2000. - 190 с.
23. Трепавлов В. В. Едигея набег 1408 // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017); https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1976163 Дата обращения: 29.11.2024
24. Тургенев, Н.И. Опыт теории налогов / Н.И. Тургенев. — 3-е изд. — Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. — 176 с.
25. Фомичев М.В. Андрей Ярославович и Александр Невский//NOVOGARDIA № 1. 2019. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/andrey-yaroslavovich-i-aleksandr-nevskiy> (дата обращения 29.11.2024).
26. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах: [С прил. 2 вариантов текста Начала земли Русьстее] / А.А. Шахматов. — Санкт-Петербург : тип. М.А. Александрова, 1908. — 687 с.
27. Шишкин В. И. Западно-Сибирское восстание 1921 года: забвение, изучение, мемориализация // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 8: История. С. 113–123.
28. Шацилло М.К. Эволюция налоговой системы России в XIX веке//Экономическая история. Ежегодник. // М.: РОССПЭН», 2003. С. 345-383.
29. Ярославцев В.Г. История российского предпринимательства: учеб.пособие/Новосиб.гос.ун-т экономики и управления. — 2-е изд., перераб. и доп. — Новосибирск, 2012.
30. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1969—1978.
31. Вестник финансов, промышленности и торговли. — М., 1898. —№1. — С. 7-8.
32. Кольская энциклопедия. Правительство Мурманской области. URL: https://ke-culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=92812 (дата обращения 29.11.2024).

References:

1. Law of the USSR dated 21.05.1990 No. 1492-1 "On the Rights, Duties, and Responsibility of State Tax Inspections" // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. — 1990. — No. 23. — Art. 422.
2. Regulations on Tax Collection : approved by the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR 02.10.1925. — Moscow, 1925. — 56 p.
3. Abanin A.V. The taxation system under False Dmitry II in the towns outside Moscow // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nalogooblozheniya-pri-lzhedmitrii-ii-v-zamoskovnyh-gorodah> (accessed 11/29/2024).
4. Akmanov I.G., Dautov A.A. The Bashkir uprising of the era of Peter I (1704-1706) // Problems of Oriental Studies. 2020. No. 3 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bashkirskoe-vostanie-epochipetra-i-1704-1706-gg> (access date 11/29/2024).
5. Aleinikov AV "No one should be prevented from honestly getting their bread": on the 240th anniversary of the Manifesto on Freedom of Enterprise of Catherine II // Law and Politics 7 (187). 2015 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=52462 (access date 11/29/2024).

6. Balagurov Ya.A. Kizhi Uprising 1769-1771. - Petrozavodsk: Karelian Book Publishing House, 1969. - 95 p.
7. Boldyrev, R. V. On the taxation of Novgorodians during the Swedish presence based on petition letters. Vestnik NovGU, 4-2 (87). 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nalogooblozhenii-novgorodtsev-vremyon-shvedskogo-prisutstviya-po-materialam-chelobitnyh-gramot> (access date 03/16/2025).
8. Vereshchagin S.G. Forms of resolution of socio-political conflicts in the tax sphere: revolutions, uprisings and riots/Legal policy and legal life No. 1. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-razresheniya-sotsialno-politicheskikh-konfliktov-v-nalogovoy-sfere-revolutsii-vosstaniya-bunty> (access date 11/29/2024).
9. Gumilev L. N. Part three. The Kingdom of Moscow // From Rus to Russia: the search for an imaginary kingdom. - Moscow: Veche, 2009. - 381 p.
10. Davydov, A. Y. The Kronstadt Rebellion (1921) and the Russian peasantry / A. Y. Davydov // Herzen Readings 2021. Actual problems of Russian history : collection of scientific and educational works, St. Petersburg, April 21-24, 2021. Saint Petersburg: Asterion Center for Scientific and Information Technologies, 2022, pp. 136-141.
11. Dmitrieva Z. V. From pososhny to household taxation: the transformation of the fiscal system in the Moscow state of the XVI-XVII centuries / Z. V. Dmitrieva // Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. - 2018. - No. 1. - pp. 33-44.
12. Ereman V.V. On the issue of tributary relations between the North-West of the Russian land and the Golden Horde (introduced tax-fiscal elements) // History of the state and law. 2009. No. 10. P. 20.
13. Zapletin, V. V. The ideological context of the Astrakhan Uprising of 1705-1706 / V. V. Zapletin // International Student Scientific Bulletin, 2016, No. 3-4, pp. 80.
14. Zakharov V.N., Petrov Yu.A., Shatsillo M.K. History of taxes in Russia / V.N. Zakharov, Yu.A. Petrov, M.K. Shatsillo // IX - early XX centuries. Moscow, 2006. - 288 p.
15. Ivanov, D. P. Natural-historical background of the Tambov uprising of 1920-1921 / D. P. Ivanov, V. V. Kanishchev // History and modernity. - 2010. - № 2(12). - Pp. 112-125.
16. Kucherov I.I. Tax law of Russia: course of lectures - M.: YurInfoR, 2006. - 448 p.
17. Levashova A.V. The legislative policy of Catherine II in relation to the Old Believers // Gaps in Russian legislation. 2009. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatel'naya-politika-ekateriny-vtoroy-v-otnoshenii-starobryadtsev> (access date 11/29/2024).
18. Mariskin O.I. Restoration of the tax system in Russia during the Time of Troubles // Humanitarian: current problems of humanitarian science and education. 2010. No. 4. - P. 60-68.
19. Morshinina, A. E.I. Pugachev's Manifestos and decrees as a source for studying the ideology of the Rebels during the Peasant War of 1773-1775 / A. Morshinina // Student Science and the XXI Century, 2005, No. 2, pp. 49-51.
20. Muravyova L.A. Financial, credit and tax system of Russia in the 18th century//Finance and credit. 2001. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovo-kreditnaya-i-nalogovaya-sistema-rossii-v-xviii-veke> (access date 11/29/2024).
21. Ovchinnikov R.V. History of the development of the July Manifesto of E.I. Pugachev // Issues of the socio-economic and political history of the Middle Volga and Ural regions during the feudal period: Scientific. ses. Abstracts of the report. Cheboksary, 1973. P. 27.
22. Pokhlebin V.V. Tatars and Rus'. 360 years of relations between Rus' and the Tatar states 1238-1598. (From the Battle on the Sit River to the Conquest of Siberia). Handbook Moscow: International Relations, 2000. - 190 p.
23. Trepavlov V. V. Edigeya raid 1408 // Great Russian Encyclopedia. Electronic version (2017); https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1976163 (access date 11/29/2024).
24. Turgenev, N.I. Experience of the Theory of Taxes / N.I. Turgenev. - 3rd ed. - Moscow: State Social-Economic Publishing House, 1937. - 176 p.
25. Fomichev M.V. Andrey Yaroslavovich and Alexander Nevsky//NOVOGARDIA No. 1. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andrey-yaroslavich-i-aleksandr-nevskiy> (access date 11/29/2024).
26. Shakhmatov A.A. Research on the most ancient Russian chronicle collections: [With app. 2 versions of the text of the Beginning of the Land of Rus'te] / A.A. Shakhmatov. - St. Petersburg: type. M.A. Alexandrova, 1908. - 687 p.
27. Shishkin V.I. West Siberian Uprising of 1921: Oblivion, Study, Memorialization // Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2021. Vol. 20, No. 8: History. Pp. 113-123.
28. Shatsillo M.K. Evolution of the tax system of Russia in the 19th century // Economic history. Yearbook. // M.: ROSSPEN, 2003. Pp. 345-383.
29. Yaroslavtsev, V.G. The History of Russian Entrepreneurship: A textbook. Novosibirsk State University of Economics and Management. (2nd edition, revised and expanded). Novosibirsk. 2012.
30. The Great Soviet Encyclopedia: [in 30 volumes] / chief editor A.M. Prokhorov. — 3rd ed.— Moscow : Soviet Encyclopedia, 1969-1978.
31. Finance, Industry, and Trade Herald. — Moscow, 1898. — No. 1. — Pp. 7-8.
32. Kola Encyclopedia. Government of the Murmansk Region. URL: https://ke-culture.gov-murman.ru/slovník/?ELEMENT_ID=92812 (accessed date 11/29/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_5_140

УДК 342.4

ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ И СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ

LEGAL EVOLUTION IN THE CONTEXT OF CHANGING CONSTITUTIONAL PROVISIONS RELATED TO HISTORICAL MEMORY AND INTEGENERATIONAL TIES

МАКАРОВ Валентин Александрович,аспирант кафедры конституционного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
набережная канала Грибоедова, 30-32, г. Санкт-Петербург, 191023, Россия.

E-mail: valentin.makarov.98@mail.ru;

MAKAROV Valentin Alexandrovich,

Postgraduate student of the Department of Constitutional of administrative law of the faculty of law Saint-Petersburg State University Economics.

embankment of the Griboyedov Canal, 30-32, St. Petersburg, 191023, Russia.

E-mail: valentin.makarov.98@mail.ru

Краткая аннотация: Правовая эволюция, как и любой другой вид эволюции, является постоянным качественным изменением, главной особенностью которой является образование новых явлений и реалий в правовой системе государства. Статья посвящена изучению характера поправок, принятых в ходе всенародного голосования в 2020 году в Конституцию, имеющих непосредственное отношение к исторической памяти и правопреемственности. Автор статьи считает, что Конституция носит характер общественного договора, созданный на взаимном согласии как государства, так общества, и отдельных его членов. Целью научной работы является проведение анализа и выявления развития правовой системы государства после внесения изменений в высший нормативный правовой акт страны, касающихся исторической памяти и связи поколений. В контексте актуальных для современного конституционного права перспектив развития высшего нормативного правового акта государства, закрепляющего основы государственного устройства, общественных отношений, прав и обязанностей субъектов общественных отношений. Актуальность исследования состоит в анализе эволюционного изменения положений высшего нормативного правового акта в свете принятия поправок и их влияния на развитие конституционных положений, непосредственно связанных с исторической памятью, событиями и поколенной преемственностью. Результаты научного исследования: Конституция как гарант исторической памяти после внесения изменений глубоко интегрировалась в единый механизм сохранения памяти предков и исторической правды. Благодаря развитию правового регулирования в сфере конституционного права, Конституция значительно усовершенствовалась в возможности сохранения правопреемственности исторической памяти и развития взаимодействия между всеми субъектами общественных отношений, объединенных пониманием важности сохранения и развития исторической памяти.

Abstract: Legal evolution, like any other type of evolution, is a constant qualitative change, the main feature of which is the formation of new phenomena and realities in the legal system of the state. The article is devoted to the study of the nature of the amendments introduced in 2020 to the Constitution, which are directly related to historical memory and succession. The author of the scientific article believes that the Constitution has the character of a social contract, created by mutual consent of both the state, society, and its individual members. The purpose of the scientific work is to analyze and identify the development of the legal system of the state after making changes to the country's highest normative legal act concerning historical memory and the connection of generation. In the context of prospects for the development of the highest normative legal act of the state relevant to modern constitutional law, which establishes the foundations of the state structure, public relations, and the rights and obligations of subjects of public relations. The relevance of the study is to analyze the evolutionary changes in the provisions of the supreme normative legal act in the light of the adoption of amendments and their impact on the development of constitutional provisions directly related to historical memory, events and generational continuity. The results of scientific research: The Constitutional, as a guarantor of historical memory, has been deeply integrated into a unified mechanism for preserving the memory of ancestors and historical truth after the amendments were made. Thanks to the development of legal regulation in the field of constitutional law, the Constitution has significantly improved its ability to preserve the continuity of historical memory and promote cooperation among all subjects of public relations who share a common understanding of the importance of preserving and developing historical memory.

Ключевые слова: правовая эволюция, конституция, поправки к конституции, конституционное положение, общественный договор, историческая память, преемственность, конституционно-правовая категория.

Keywords: legal evolution, constitution, amendments to the constitution, constitutional provision, social contract, historical memory, continuity, constitutional and legal category.

Для цитирования: Макаров В.А. Правовая эволюция в контексте изменения конституционных положений, связанных с исторической памятью и связи поколений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 140-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_140.

For citation: Makarov V.A. Legal evolution in the context of changing constitutional provisions related to historical memory and intergenerational ties // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 140-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_140.

Статья поступила в редакцию: 05.03.2025

Дата публикации: 30.05.2025

Принятые в 2020 году поправки оказали очень существенное влияние на развитие особого нормативного правового акта государства. Главная цель принятия поправок – защита семейных ценностей и исторической памяти.

Главным источником права в России является Конституция, она же и основной законодательный источник, на базе которого формируются законы и другие нормативные правовые акты. Конституция, будучи высшим нормативным правовым актом, является фундаментом законодательной и правовой иерархии.

В нормах конституционного права закрепляются основы прав и свобод человека и гражданина. Конституция закрепляет формы государственного устройства, суверенитет государства, территориальная целостность, круг полномочий должностных лиц и многое другое.

Большинство государств мира имеют кодифицированную конституцию. Конституция представляет собой нормативный правовой акт, закрепляющий важнейшие начала общественного строя и организацию государственного управления страны, на основании которого формулируются нормативные правовые акты трех ветвей государственной власти.

Принятие в 2020 году поправок в высший нормативный правовой акт России породило большое количество дискуссий о том, какое бу-

дущее ждет государство. Как обычно и бывает, мнения разделились фактически полярно друг другу. Причем как с точки зрения реализации, так и с точки зрения идеологической направленности, одна часть социума полагает, что Конституция должна быть более гибкой, чтобы в неё исходя из внешних и внутренних факторов по возможности могли быть внесены изменения. Другая часть социума утверждает, что Конституция должна быть незыблемой, ссылаясь на зарубежный опыт.

Конституция закрепляет основы самых разных сфер жизнедеятельности общества, основы функционирования системы органов государственной (публичной) власти. Это связано с тем, что Конституция является ядром государственной системы, руководствуясь положениями которого развивается и функционирует государство и общество. Конституция – главный фундамент всей правовой системы страны, и в связи с этим он требует особой защиты. Исходя из этого, возможности, связанные с изменением Конституции следует анализировать как нечто исключительное, и в тоже время исключаящее злоупотребление этими возможностями. Полномочие, связанное с изменением высшего нормативного правового акта, логично ограничиваются специальными механизмами, закрепленными правовыми нормами Конституции.

Правовая эволюция в контексте изменения конституционных положений представляет собой фундаментальные эволюционные процессы, затрагивающие практически все сферы жизнедеятельности общества и государства. Фундаментальные процессы эволюции конституционных положений являются движением, ведущим к актуализации правового регулирования конституционного характера с учетом изменения социальных условий. Правовая эволюция основного закона России на сегодняшний день является динамичной, поскольку изменения, внесенные в неё летом 2020 года, несколько изменили её природу. В основном нормативном правовом акте на данный момент одним из приоритетов является баланс, основанный на исторической памяти и ответственности между человеком и государством, и кроме того, конституция стала глубже экзистенциально взаимосвязана с историей государства, во многом опираясь на неё.

Основной нормативный правовой акт государства – Конституция, представляет собой не только свод общеобязательных правовых норм, но и также является общественным договором. Общественным договором, сторонами которого являются общество и государство, это договор, формирующий взаимоотношения между ними.

Белякова А.М. считает, что Конституция Российской Федерации представляет собой общественный договор между российским народом и государством, основой всей правовой системы. Автор данного научного исследования придерживается аналогичного мнения. Кроме того, очень важное предназначение Конституции как общественного договора – это прежде всего средство многопоколенной преемственности. Белякова А.М. в своей научной работе далее указывает на то, что: "Вместе с тем Конституция Российской Федерации это идеологический документ, содержащий определенную систему ценностей". [3, с.21] Именно ценности, заложенные в основном нормативном правовом акте и являются теми самыми средствами многопоколенной преемственности. Конституция, как наиболее значимый нормативно правовой акт передает будущим поколениям государство, сохраняя государство, путем реализации правовых норм, закрепленных в ней.

Связь с принятием поправок 2020 года и развитие Конституции как фундамента неразрывной связи поколений огромная. Так, после принятия поправок, в Конституции появилась формулировка: статья 67.1, указывает, что Российская Федерация, которая объединена огромной тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство. Это является важнейшей поправкой, поскольку она отражает многопоколенную преемственность документа. И что самое немаловажное, примиряет между собой тех, кто враждовал из-за исторических событий, охвативших историю государства.

В Конституции отражаются ценности, связанные с семьей, браком, многодетностью, память предков и преемственность поколений. Закрепление вышеуказанных ценностей, свидетельствует о понимании значимости Конституции, как основного фундамента в формировании государства и общественных правоотношений.

Важно понимать, что историческая память является основной категорией внутреннего самосознания граждан, и появление в положениях Конституции обязательств государства в отношении сохранения истории является фундаментальным фактором развития Конституции как гаранта исторической памяти и сохранения культурного наследия.

Конституция, представляет собой общественным договором, не может не учитывать исторические факторы, оказавшие влияние на особенности традиций развития и совершенствования общественных отношений. Если же духовная связь гражданина и государства будет игнорироваться в положениях Конституции, то такая Конституция рискует перейти в разряд фиктивных. Закрепленных и кодифицированных, но на практике не исполняемых, и в сущности игнорируемых участниками конституционных правоотношений.

Симурин В.Д. в своей научной работе, посвященной поправкам отмечает, что: "внесение поправок в законодательство – это неизбежный процесс, который не обходит стороной и Основной закон государства. Жизненные реалии подлежат постоянным изменениям, наиболее кардинальные из них вызывают необходимость принятия конституционных поправок". Симурин В.Д. считает, что изменение Конституции является закономерным и логичным процессом. Автор данного научного исследования полагает, что называть Конституцию основным законом не совсем корректно. Данная формулировка не отражает в полной мере сущность нормативного правового акта и предмет его правового регулирования. К тому же, термин основной закон значительно принижает его значение, происходит когнитивное искажение восприятия самой Конституции, низложение её до уровня обычного нормативного правового акта, сильное упрощение. В результате этого у участников правоотношений как у человека и общества, так и у государства отсутствует внутреннее понимание важности конституционных положений. Отсутствие внутреннего восприятия приводит к формальному восприятию положений, закрепленных в высшем нормативном правовом акте, и в дальнейшем они могут с легкостью быть изменены, и участники правоотношений об этом не узнают в силу отсутствия интереса к ним.

Нормы, закрепленные в Конституции, осознанные всеми участниками конституционных правоотношений, является важнейшим элементом правовой реализации Конституции.

Кирносов И.Д. полагает, что историческая память является важнейшим компонентом общественного сознания общества и личности, и проявляется в их взаимоотношениях [6, с.100]. В свою очередь Дорская А.А. и Дорской А.Ю. считают, что прохождение исторических событий является важнейшим компонентом самоидентификации и развитием российского народа. [5, с.126]

Астафичев П.А. указывает на возможное возникновение противоречий при разной трактовки прописанных норм. [2, с.116] Данная проблематика, на взгляд автора данного исследования имеет отношение ко всем без исключения актам, содержащие правовые нормы.

В исследовании отмечалось, что после утверждения изменений конституционных положений Конституция более плотно встроилась в общественную память и стала значительно влиять на духовную сферу жизни общества. Это стало возможным, благодаря изменению текста ст. 67.1.

При проведении данного научного исследования, автор пришёл к следующему выводу: Конституция, в которой отсутствует закрепление исторической памяти не может быть настоящим фундаментом, поскольку нет важного связующего элемента – многопоколенной преемственности, без неё, Конституция станет фиктивным нормативным правовым актом. Акт станет гибким, создавая тем самым массу противоречий в области конституционно-правового регулирования, и их число будет постоянно увеличиваться, а проблемы становиться все более структурными в масштабах государства.

Автор считает, что Конституция с учетом упоминания истории значительно более жизнеспособна, и благодаря этому признаку можно отнести к реальной конституции, то есть действующей. Также было выявлено, что высший нормативный правовой акт, в котором отдаётся дань уважения предкам и истории, гораздо лучше воздействует на восприятие людей, тем самым развивая их правосознание. Это относится ко всем участникам общественных правоотношений, государству, обществу и гражданину.

Как известно, от уровня развития правового сознания всецело зависит правовая система, и в большей степени, реализация правовых норм, а уважение к прошлому, как нельзя лучше подходит для развития правосознания.

Список литературы:

1. Аникин Д.А. Стратегии и трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 5 (18). С. 121 – 126.
2. Астафичев П.А. Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г. // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. №5. С.116 – 121.
3. Белякова А.М. Конституция как общественный договор // Пробелы в российской законодательстве. 2018. С.20 – 22.
4. Бондарь Н.С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. №4. С.19 – 31.
5. Дорская А.А., Дорской А.Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т.9, вып. 2. С.124 – 138.
6. Кирносов И.Д. Историческая память как категория конституционного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Права. 2024. Т.24, вып.1. С.99 – 106.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [СПС "Консультант Плюс"].
8. Кохан Ж.С., Рыболова Е.А., Толстиков В.А., Историческая память как важнейший компонент общественного сознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. №3. С.61 – 64.
9. Куликова С.А., Митрохин В.А., Преемственность как политико-правовая категория развития государства // Политический образ будущего России: Стратегические приоритеты и перспективы в условиях идейно-ценностного плюрализма: сб. науч. ст. по материалам Всероссийской научной практической конференции / отв. ред. А.А. Вилков. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 47 – 52.
10. Липчанская М.А. Конституционная категория "управление делами государства": проблема определения и содержания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2010. Т.10, вып.2. С.66 – 70.
11. Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей. М.: Проспект, 2016. 232 с.
12. Симуринов В.Д. Анализ конституционных поправок 2020 года в Российской Федерации // Научный аспект. 2021.
13. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. №4. С.3 – 14.
14. Тюкина Л.А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. 2020. №1 (20). С.181 – 187.
15. Ширей Б.О. Конституционные основы сохранения исторического и культурного наследия Российской Федерации: автореферат. дис., канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 28с.

References:

1. Anikin D.A. Strategies and transformations of memory politics in modern Russia: regional aspect // Bulletin of Volgograd University. Series 7. Philosophy. Sociology and social technologies. 2012. №5 (18). Pp 121 – 126.
2. Astafichev P.A. Historical truth as a category of modern constitutional law: the experience of the 2020 constitution amendments // Bulletin of the Kutafin University (MSAL). 2021. №5. Pp 116 – 121.
3. Beleyakova. A.M. The constitution as a social contract // Gaps in russian legislation. 2018. Pp 20 – 22.
4. Bondar N.S. Constitutional category of personal dignity in the value dimension: theory and judicial practice // Constitutional and municipal law. 2017. №4. Pp 99 – 106.
5. Dorskaya A.A., Dorsky A.Yu. Official memory policy in modern Russia: legal dimension // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2018. Vol. 9, issue 2, pp. 124 – 138.
6. Kirnosov I.D. Historical memory as a category of constitutional law// Bulletin of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Right. 2024. Vol. 24, issue 1. Pp. 99 – 106.
7. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [SPS «Consultant Plus»].
8. Kokhan Z.S., Rybolova E.A., Tolstikov V.A., Historical memory as the most important component of public consciousness // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 3. Pp. 61 – 64.
9. Kulikova S.A., Mitrokhin V.A., Continuity as a political and legal category of state development // Political image of the future of Russia: Strategic priorities and prospects in the context of ideological and value pluralism: collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific practical conference / ed. Saratov: Saratov source, 2020. Pp. 47 – 52.
10. Lipchanskaya M.A. Constitutional category «management of state affairs»: the problem of definition and content // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Economy. Management. Law. 2010. Vol.10. Issue 2. Pp. 66 – 70.
11. Rudakov A.A. Paired legal categories: theory of rights and obligations. Moscow: Prospect, 2016. 232 p.
12. Simurin V.D. Analysis of the constitutional amendments of 2020 in the Russian Federation // Scientific aspect. 2021.
13. Toshchenko Z.T. Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state // New and contemporary history. 2000. № 4. Pp.3 – 14.
14. Tyukina L.A. Memory and historical memory: the relationship of concepts // Upper Volga Philological Bulletin. 2020. №1 (20). Pp. 181 – 187.
15. Shirey B.O. Constitutional Foundations for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Russian Federation: Abstract of Dissertation, Cand. of Law. Saratov, 2013. 28 p.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, СООТНОШЕНИЕ С ПОНЯТИЕМ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF INSIGNIFICANCE OF AN ACT IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION, RELATION TO THE CONCEPT OF "CRIME"

КУСАИНОВА Джамиля Канибековна,

старший прокурор отдела по надзору за исполнением законов на транспорте
Московской межрегиональной транспортной прокуратуры,
аспирант ГКОУ ВО «Российская таможенная академия».
140015, Россия, Московская область, г. Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4.
E-mail: dzhamilya713@yandex.ru;

KUSAINOVA Jamilya Kanibekovna,

Senior Prosecutor of the Department for Supervision of the Enforcement of Laws on Transport
Moscow Interregional Transport Prosecutor's Office,
postgraduate student of the State State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy".
4 Komsomolsky Prospekt, Lyubertsy, Moscow region, 140015, Russia.
E-mail: dzhamilya713@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье отмечается, что малозначительность деяния в уголовном праве до сих пор вызывает дискуссии. Данное определение обладает формально-материальным содержанием, что позволяет акцентировать внимание на отсутствии опасности причиненного вреда. Автор обосновывает, что при малозначительности отсутствуют количественный и качественный признак преступления.

Abstract. The article notes that the insignificance of an act in criminal law still causes controversy. This definition has a formal and material content, which makes it possible to focus on the absence of danger of harm caused. The author substantiates that, with insignificance, there is no quantitative and qualitative sign of a crime.

Ключевые слова: малозначительность деяния, преступление, мера наказания, учет обстоятельств, уголовное право.

Keywords: insignificance of the act, crime, punishment, consideration of circumstances, criminal law.

Для цитирования: Кусаинова Д.К. Историко-правовой анализ определения понятия малозначительности деяния в российском уголовном законодательстве, соотношение с понятием «преступление» // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 143-144. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_143.

For citation: Kusainova J.K. Historical and legal analysis of the definition of the concept of insignificance of an act in Russian criminal legislation, relation to the concept of "crime" // Law and state: theory and practice. 2025. No. 5. pp. 143-144. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_5_143.

Статья поступила в редакцию: 10.04.2025

Дата публикации: 30.05.2025

В науке уголовного права все чаще актуализируется вопрос понимания формального характера общественно опасного деяния. В этой связи повышенного внимания заслуживает проблема определения законодательных рамок неправомерного факта. В академических кругах одной из наиболее спорных категорий выступает термин «малозначительность деяния». В общем смысле, малозначительным представляется деяние, которое не представляет общественной опасности, не влечет наступление наказания в уголовно-правовом смысле. Под мерой наказания понимается вид, срок или размер наказания (основного и дополнительного), назначенного судом конкретному лицу за совершенное им преступление. В то время как положения УК РФ ограничивают судебское усмотрение в вопросах назначения наказания, законодатель открывает широкие возможности для индивидуализации наказания в каждом конкретном случае. Так, юридической практике знакомы случаи, когда физическое лицо, совершив малозначительное деяние, подвергалось уголовному преследованию, поскольку судебная инстанция неправильно толковала либо применяла материально-правовые нормы.

В ретроспективном смысле в понимание термина «преступление» всегда включалась только формальная составляющая, которая базировалась на двух ключевых аспектах – запрещенности деяния и его наказуемости. Н.С. Таганцев пояснял, что выбор оптимальной меры наказания в каждом конкретном случае является для судьи общим правилом, однако, возникает вопрос, чем же следует руководствоваться судье при его назначении. Во-первых, следует установить, что служит отправной точкой при назначении наказания, а во-вторых, выяснить, какие же обстоятельства могут усилить или ослабить избранную меру наказания. В первом случае судья обязан руководствоваться законодательными нормами, что одинаково для всех [3, с. 366]. Начиная с древнерусских времен и вплоть до XX века, преступное деяние материальный признак не включало¹.

Представляется, что этот «общий абрис» есть не что иное, как пределы понимания малозначительности. Они объективны, так как заданы уголовно-правовой нормой. Соответственно, по мнению Н.С. Таганцева, при выборе наказания судебская деятельность предполагает первоначальное установление совершенного преступления и выявление его признаков [3, с. 367]. В современном уголовном законе названные признаки вытекают из содержания ч. 3 ст. 60 УК РФ, то есть при назначении наказания следует учитывать характер и степень общественной опасности. По нашему мнению, очень важно обратить внимание на то, что такой логикой задается и определенная последовательность в оценке обсто-

¹ Статья 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Свод законов Российской империи : в 34 т. СПб., 1857. Т. 15.

тельств, влияющих на понимание малозначительности.

Мера наказания определяется судом в установленных законом пределах, но при этом она является индивидуальной, несмотря на общий для множества преступлений масштаб. Чем же обеспечивается индивидуализация наказания в каждом конкретном случае назначения наказания? По существу, она обеспечивается обстоятельствами, «усиливающими или ослабляющими» меру наказания. Индивидуализация наказания предполагает выбор наказания, зависящий от результатов оценки конкретных обстоятельств дела. Таким образом, индивидуализация наказания есть определение судом меры наказания в конкретном случае его назначения. Определить меру наказания значит - оценить конкретные обстоятельства дела и на основе этой оценки принять соответствующее решение.

Вывод суда о мере наказания, сформулированный в его обвинительном приговоре, представляет собой лишь итог оценки обстоятельств дела. Он формируется в результате последовательного решения ряда вопросов, а не возникает сам по себе. Поэтому определение меры наказания конкретному лицу за совершенное им преступление не ограничивается юридическим действием суда, отраженным в его обвинительном приговоре. Для определения судом меры наказания имеет значение и сама оценочная деятельность суда, предшествующая окончательному выводу о мере наказания.

В ч. 3 ст. 60 УК РФ закреплён круг обстоятельств, подлежащих учету судом при назначении наказания. Учесть эти обстоятельства значит - установить их наличие, оценить и сделать вывод по результатам этой оценки. Например, в п. «и» ч.1 ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание предусмотрена явка с повинной. Допустим, что в уголовном деле имеется заявление о явке с повинной. Для установления соответствующего смягчающего обстоятельства суду необходимо учесть фактические обстоятельства. Пленум Верховного Суда России разъяснял, что если правоохранительные органы владели информацией о факте совершенного преступного деяния, о чем знало и задержанное лицо, то подтверждение им факта участия в преступлении нельзя расценивать как явку с повинной, можно лишь учесть, как смягчающее обстоятельство признания вины.

На значимость такого действия, как установление того или иного смягчающего или отягчающего обстоятельства, указывает и другое разъяснение. Так, смягчающими являются обстоятельства, которые признаны таковыми в судебном заседании, с исследованием всех материалов и фактических данных по делу. Наличие малолетних детей на иждивении виновного лица может расцениваться судом как смягчающее обстоятельство.

Таким образом, для установления того или иного обстоятельства, влияющего на меру наказания, необходимо определить соответствуют ли фактические обстоятельства дела тем, которые указаны в законе и должны быть учтены судом при назначении наказания. Закон запрещает учитывать как обстоятельство, смягчающее или отягчающее наказание, то, которое предусмотрено статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, во избежание повторного учета одного и того же обстоятельства (ч. 3 ст. 61 и ч. 2 ст. 63 УК РФ). Представляется, что избежать путаницы в учете индивидуализирующих обстоятельств, противоречивости учета и соблюсти при этом требования полноты и всесторонности учета возможно только при соблюдении определенной последовательности. Только таким путем можно избежать противоречий, особенно в случаях стечения различных обстоятельств, при учете которых судебское усмотрение ограничено.

Но если невозможно буквально (по тексту закона) исполнить противоположные предписания при помощи одного и того же критерия оценки (максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного в статье Особенной части УК РФ), то, видимо, нужно изменить этот критерий, то есть – устранить противоречие. По этому пути пошел Пленум Верховного Суда РФ: при учете обстоятельств неоконченного преступления суд ориентируется на санкцию нормы Особенной части УК РФ, а с учетом рецидива – на то, во что обратилась эта санкция после исполнения предписания ст. 66 УК РФ. Такое решение представляется правильным и единственно возможным. Последовательное исполнение предписаний в данном случае отвечает требованию общих начал назначения наказания о последовательности учета обстоятельств, предусмотренных частью 3 ст. 60 УК РФ. В данном случае последовательность учета обстоятельств, влияющих на меру наказания, строится в зависимости от характера учитываемых обстоятельств: объективных или индивидуализирующих. Может быть, такой критерий не является единственно возможным? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к «технике» учета обстоятельств, предусмотренных в ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Таким образом, в рамках решения вопроса о малозначительности, следует принимать во внимание общественную опасность совершенного деяния, а не личность преступника. Именно это позволит реализовать в достаточной степени принцип равенства всех граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), а также назначать наказание только в случае полноценного преступления. При решении вопроса малозначительности нужно учитывать также критерий формальной противоправности, незначительной общественной опасности и исключения преступности.

Список литературы:

1. Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация). М., 1982. 558 с.
2. Потетин В.А. О понятии малозначительности деяния в уголовном законодательстве России: историко-правовой анализ и критерии оценки // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 4. С. 329-337.
3. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. 488 с.

References:

1. Kudryavtsev V.N., Yakovlev A.M. Grounds for criminal prohibition (criminalization and decriminalization). Moscow, 1982. 558 p.
2. Potetin V.A. On the concept of insignificance of an act in the criminal legislation of Russia: historical and legal analysis and evaluation criteria // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2019. No. 4. pp. 329-337.
3. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Vol. 2. Tula: Autograph, 2001. 488 p.